Николай Домовитов

ОБВАЛ

Николай Домовитов

ОБВАЛ

ПОВЕСТИ

ДОНЕЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Р 2
Д 66

Николай Домовитов — автор сборников стихотворений «Запев», «Улица первой любви», «Дороги жизни», «Костер на ветру», книжек очерков «Шахтерские династии», «В гостях у юности», «Сахалинские встречи».

В этой книге три повести Н. Домовитова: «Обвал», «Обелиск в степи», «Преступление совершилось».

В первой из них рассказывается о том, как в рабочем коллективе в час стихийной беды почти незаметно для всех «обвалилась» с души молодого шахтера Юрия Огонька скорлупа себялюбия, бездушия, легкого «победоносного» отношения к людям.

Произведение «Обелиск в степи» написано на большой лирической основе, в нем красной нитью проходит мысль о долге перед солдатами, павшими в 1941—1945 гг. за свободу и независимость нашей Родины.

В повести «Преступление совершилось» разоблачается преступная деятельность сектантов-иеговистов, верных слуг американского империализма.

ОБВАЛ

1

Все-таки чертовски хорошо быть молодым! Не беда, что после работы ноет спина и горят на ладонях мозоли. Выйдешь из шахты, встанешь под душ, и усталость как рукой снимет. А потом оденешь новый костюм и идешь по широким улицам поселка, как заправский шахтер: не спеша, вразвалку. Девчата смотрят вслед, а ты делаешь вид, что тебя это вовсе не интересует.

Всем взял Юрка Огонек: и ростом, и силой, и красотой. Посмотрит своими черными цыганскими глазами — сердце затрепещет, вскинет крутую бровь — душа замрет, словно испуганная птица.

— Жениться тебе, парень, пора,— скажет кто-нибудь, а Юрка только тряхнет светлопшеничной копной волос, присвистнет в ответ:

— Успею...

Многие товарищи Огонька, демобилизованные солдаты, с которыми он приехал из армии, обзавелись семьями, получили квартиры, а Юрка продол-

жает холостяковать. Ему активно помогает закадычный дружок Керим Мамедов. Товарищи спешат с работы домой, а Юрка с Керимом — в поселковую столовую. Там у них есть даже облюбованное место: в правом углу у окна. Постоянные посетители столовой знают об этом и никогда не занимают их место. В воскресные дни друзья обедают обязательно с водкой. Прежде чем идти в столовую, покупают в магазине поллитровку. Для маскировки берут в буфете бутылку «Нарзана». Огонек, равнодушно поглядывая на плакат «Распивать спиртные напитки в столовой категорически воспрещается», наливает водку в стаканы. Пустую бутылку осторожно ставит за батарею парового отопления.

Всего несколько месяцев работает Огонек с Мамедовым на шахте «Западная». Живут в интернате, занимают отдельную комнату.

Керим во всем старается подражать Юрке, но у него это плохо получается. Огонек не размахивает руками, когда говорит, а Керим во время разговора превращается в настоящего дирижера. Юрка уже десятки раз одергивал своего темпераментного друга, но тот через несколько минут забывает об этом и продолжает неистово жестикулировать, видимо, полагая, что руками помогает языку.

— Когда разговариваешь, руки в карманах держи, — советует ему Юрка.

Керим прищелкивает языком и, разводя руками, говорит:

— Понимаешь, ничего не получается. Рот открываю — руки из карманов вылезают, руки в карман кладу — рот закрывается. Совсем интересно получается...

Одевается Керим тоже, как Огонек. Юрка покупает голубую шелковую рубашку, и Керим вслед за ним приобретает точно такую же. Купит Юрка остроносые черные туфли, и Керим через день щеголяет в таких же.

В работе он тоже стремится не отстать от Огонька. Трудятся ребята в одной бригаде, всегда на виду друг у друга.

— Ну, как сегодня рубанул? — после каждой смены спрашивает Огонек.

— Три лошади, — отвечает тот.

— Не лошади, а «коня», — смеется Юрка.

— Понимаешь, по-азербайджански все равно, что лошадь, что конь, — поясняет Керим и крутит в воздухе ладонью.

— Как, это — все равно? — удивляется Огонек.

— А так. Он, она — у нас нет. Язык такой.

На Керима тоже поглядывают девчата, но он не обращает на это внимания: в азербайджанском селении Маштаги ожидает его невеста Амина. Она часто пишет Кериму письма и в каждом спрашивает: зачем он поехал в Донбасс, почему не вернулся в родное село, где зреет виноград «шааны» и лучатся на высоких раскидистых деревьях плоды инжира.

Ах, Амина, Амина, ты прекрасно знаешь, почему поехал твой Керим в Донбасс! Здесь в каменистой донецкой земле похоронен его отец — пулеметчик Зейнал Мамедов. Лежит он в братской могиле, на высоком холме, неподалеку от шахтерского поселка Западный, лежит вместе со своими друзьями однополчанами, погибшими в неравном бою с фашистами. Сын часто приходит к этой могиле подолгу стоит у каменного обелиска, читает фамилии погребенных под ним. Десяток русских и украинских фамилий. Среди них — азербайджанская — Мамедов. Отцу было двадцать лет, когда он сложил голову в этой суровой степи, а сыну его сейчас уже исполнилось двадцать три. Сын стал старше отца. Есть у него на шахте хорошие друзья. Каждый день спускается он с ними в глубокую темную лаву, верит в них так же, как верил отец в тех, кто лежит с ним под одним обелиском. Значит, и они верили в молодого пулеметчика Зейнала Мамедова.

Керим ехал в Донбасс только побывать на могиле отца, а Юрка сказал ему:

— Значит, армейскую дружбу побоку — и в теплые края? Хоть годик давай вместе поработаем.

Кериму было обидно слушать такие слова от друга, и он остался на «Западной». Кроме того, парню

не хотелось ехать в родное село с пустыми руками, без хороших свадебных подарков для Амины. Амина девушка хорошая. Она могла бы обойтись и без подарков, но ее родители строго придерживаются старых традиций: жених без подарков — не жених. Да и Юрку не хотелось обижать. Три года служили в одном отделении, спали в одной казарме, выручали друг друга.

Ночами Кериму снится солнечный Азербайджан и черноглазая Амина. Вот и сегодня, проснувшись после ночной смены, он сладко потянулся и, закуривая папиросу, проговорил:

— Понимаешь, Юрка, опять сон видел.

— Понимаю, — отозвался тот полусонным голосом и повернулся на другой бок.

— Ничего ты не понимаешь, — обиделся Керим.

Вскочив с кровати, он начал стаскивать с друга одеяло.

— Брось дурить,—проворчал Огонек, закрываясь с головой.

— Ну, и шайтан с тобой, — махнул рукой Керим и пошел умываться.

Когда он вернулся, Юрка уже сидел на койке, тер заспанные глаза.

— Какой же тебе сон приснился? — спросил он позевывая.

— Такой сон рассказать совсем невозможно, понимаешь? — начал пояснять с азартом Керим, — такой сон петь надо.

— Ты на это мастер. Возьми да спой.

Кериму только этого и нужно было. Сняв со стены сааз, он легонько тронул его звонкие струны. Потом, закрыв глаза, запел тихим гортанным голосом. Юрка внимательно слушал друга, хотя и не понимал слов песни. Он сердцем чувствовал, что Керим поет о чем-то хорошем и светлом. Чаще всего в песне повторялось слово «севгилим». Керим произносил его с какой-то особенной нежностью. Когда песня оборвалась, Юрка спросил:

— Народная, наверное?

— Зачем народная? — удивился Керим, — моя песня, что думал, что видел, о том и пел.

— Интересно, — протянул Огонек, — значит, ты, вроде, поэт, что ли?

— У нас, кто свои песни поет, ашугом называется, — пояснил Керим.

— А как это на русский язык перевести?

— Ашуг—это влюбленный, понимаешь, влюбленный! У него душа поет, слова из сердца, как соловьи, летят!

— Как соловьи — не знаю, а вот графин сейчас со стола полетит, — заметил Огонек Кериму, размахивающему руками.

Передвинув графин подальше от края стола и погладив перламутровую отделку сааза, поинтересовался:

— А что такое севгилим?

— Севгилим — это любимая, — перевел Керим непонятное слово.

— Значит, опять Амину во сне видел?

— Видел, — тяжело вздохнул Керим.

— Тогда песню переведи, — попросил Огонек.

Тщательно подбирая слова, Керим начал рассказывать содержание песни, сочиненной несколько минут назад:

— Далеко, далеко живет моя любимая. Щеки у нее, как спелые гранаты, губы сладкие, как сахар, косы, как две черные змеи. Я хочу прикоснуться губами к сахару, но боюсь черных змей, хочу дотронуться до спелых гранат — змеи пугают меня. Пусть эти змеи пугают каждого, кто захочет прикоснуться к сахару и гранатам. Пусть сахар и гранаты останутся только для меня.

— Ну и песня, — засмеялся Юрка и потянулся к папиросам.

Керим сердито посмотрел на него, и Огонек не решился закурить. Он только помял папиросу между пальцами.

— А ты, Керим, оказывается, эгоист.

— Зачем эгоист? — вспыхнул Керим. — Я девушку

люблю, она меня любит. Зачем другой, как шакал, должен воровать любовь?

— Это вопрос сложный, — проговорил Юрка, закуривая папиросу, — давай лучше о чем-нибудь другом поговорим.

— Зачем о другом? — не унимался Керим. — Зачем, как Молла Насреддин, начинаешь выкручиваться? Знаешь Моллу Насреддина?

— Слыхал о таком шутнике.

— Так вот, один раз Молла Насреддин приехал в чужой город, а там стали у него спрашивать, какой сегодня день. Молла немного подумал и ответил, что он приехал из других мест и посоветовал спросить об этом у местных жителей.

— При чем же тут я? — удивился Юрка.

— А ты хорошенько подумай, может быть, вспомнишь, какой сегодня день? — не на шутку расходился Керим.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Огонек. — Какая муха тебе на нос села?

— Ты хорошо понимаешь, — замахал Керим рукой перед самым носом Юрки. — Зачем товарища обманываешь? Зачем к его жене ночью как жулик ходишь? Зачем ей разный хабур-чабур говоришь?

— Ах, ты вот о чем, — неестественно рассмеялся Огонек, — тоже мне бабский защитник нашелся.

— Нехорошо так, Юрка, — уже более спокойно заговорил Керим и сунул руки в карманы, — Катя, конечно, красивая. А муж у нее хороший парень. Как ты ему в глаза смотришь? Как вместе вино пьешь, хлеб ешь?

Огоньку не хотелось ссориться с другом, и он начал оправдываться:

— Любит она меня, втрескалась...

— А ты ее любишь? — спросил Керим и, вынув руки из карманов, заходил по комнате.

Огонек медлил с ответом. Он еще и сам толком не разобрался в своих чувствах к Кате Глушко.

В поселке об их встречах никто не знал, кроме Керима. С ним Юрка поделился этой тайной по-дружески.

Огонек познакомился с Катей на танцах. Пригласил ее на вальс, а потом пошел провожать домой. Дорогой Катя рассказала о себе.

Родилась и выросла она в этом самом поселке. Год назад вышла замуж за вдовца Михаила Глушко. Он старше ее на десять лет, имеет шестилетнего сынишку Вовку.

— Как же вы такая молодая за вдовца пошли?

— Пошла — и все тут, — просто ответила молодая женщина. — Жили мы рядом. У него умерла жена, а мои родители пристали ко мне: выходи да выходи за Михаила замуж, все равно в институт не поступишь. Я и без них знала, что не поступлю, а тут такая досада взяла, что я разревелась как дуреха.

— От обиды, значит, замуж вышли?

— Не от обиды, а от жалости, наверно. Целыми днями Вовка на улице болтался. Прибежит к нам домой чумазый, как поросенок, в кухню заглядывает. Умою, накормлю его, а он склонит головку и уснет у меня на коленях. Во сне несколько раз мамой называл. Придет Михаил с работы и знает, где сынишку искать, а Вовке домой не хочется идти. Раз зашел Михаил, два зашел, вроде к отцу по делу, а потом и говорит: «Может быть, ты, Катя, за меня замуж пойдешь?» Вот, как видишь, и пошла.

— А на танцы зачем он вас пускает?

— Он у меня не ревнивый, — улыбнулась Катя, и Юрий увидел озорные огоньки в ее больших глазах. — Сам предложил: ты, говорит, Катюша, еще молодая, тебе повеселиться надо, потанцевать, пока свой ребенок на свет не появился.

Потом она призналась:

— Скучно мне с ним.

Прощались в тени цветущих акаций, буйно разросшихся в переулке. От цветочного запаха кружилась голова. Юрий осторожно положил руку на плечо молодой женщине и почувствовал, как она вздрогнула.

— Я пойду, — заторопилась Катюша и скрылась в тени деревьев.

На танцах она больше не появлялась. Напрасно Юрий ходил туда каждый вечер, напрасно тратился на билет.

Как-то раз они случайно встретились в кино. Катюша была с мужем. Юрий поздоровался с Михаилом, а тот поспешил познакомить его с молодой женой.

«Мы уже знакомы», — хотел сказать Огонек, но промолчал и, как ни в чем не бывало, пожал протянутую для знакомства руку. Катюша тоже сделала вид, что не знает Юрия.

— Очень приятно познакомиться.

В зале Михаил предложил:

— Садись, Огонек, рядом с нами, все равно мест свободных полно.

Когда погас свет и на экране замелькали кадры из американского фильма «Большой вальс», Юрий почувствовал, как его ноги осторожно коснулась нога в модной туфельке. Огонек хотел отодвинуть ногу, но так и не сделал этого. Потом Катюша наклонилась к нему и что-то спросила. Юрий не расслышал вопроса. Он только ощутил, как прядка душистых волос обожгла его щеку. Сердце парня учащенно забилось, и он уже плохо понимал, что происходит на экране. Кто-то куда-то ехал, кто-то играл на рожке, какая-то ослепительно красивая женщина в широкополой шляпе кружилась в ритме вальса по тропинке густого сада.

Юрий украдкой посмотрел на соседку и встретился с ее глазами. Даже в темноте он увидел в них лихорадочно-тревожный блеск. Когда женщина на экране пропела: «О, как люблю Вас, в то утро шепнули Вы мне», Катюша резко поднялась с места и громко сказала:

— Ерунда какая-то, пойдем, Миша, домой.

В зале зашикали, а Катюша, не обращая на это внимания, быстро пошла к выходу. Следом за ней шел Михаил.

Немного подождав, покинул зал и Огонек.

С того вечера он потерял покой. Хотелось снова увидеть Катюшу, поговорить с ней, почувствовать пожатие ее упругой прохладной руки.

Вскоре Михаил Глушко уехал в крымский санаторий, и Огонек снова встретился с Катей в том же кинотеатре. И снова они почти не видели картины.

Когда пришли домой, Юрий спросил:

— А где Вовка?

— Спит у бабушки, — ответила Катюша и как-то виновато улыбнулась. Потом подошла к парню и в страстном порыве, словно одержимая, прильнула к его губам.

— Измучил ты меня, — шептала она между поцелуями, — Огонек ты мой горячий.

Юрий осторожно гладил ее светлые волосы, не зная, что сказать в ответ.

— Все будет хорошо, — твердил он одну и ту же фразу, хотя и сомневался в этом.

Что делать? Единственный выход — бросить все и уехать с Катюшей далеко-далеко. Трудности не пугали Юрия, мучила только совесть.

Как-то раз он встретился с Вовкой.

— А папы нет дома, — заявил мальчишка, когда Огонек открыл калитку, — мамы тоже дома нет.

— А папа скоро приедет? — задал Юрий первый попавшийся вопрос.

— Скоро. Он вчера маме телеграмму прислал. У меня папка очень хороший, ружье мне привезет, а маме что-нибудь красивое-прекрасивое.

Юрию стало неловко. Он не знал, куда деть глаза, а мальчишка смотрел прямо в них, тараторил без умолку:

— Вы вместе с папой работаете, да? Я тоже шахтером буду или космонавтом. У меня мускулы во какие!

Юрий щупал тоненькие ручонки, поддакивал, стараясь хоть кое-как поддержать разговор.

— А у меня своя шахта есть, — вдруг спохватился Вовка и потащил Юрия в глубь двора, под яблоню, где возвышалось сооружение из старых ящиков. Между ними виднелось два колеса, напоминающие шкивы шахтного копра.

— Это копер, что ли? — спросил Юрий.

— Копер, — подтвердил Вовка и потянул веревку, свешивающуюся с колеса. Из ящиков показалось ведерко, наполненное углем.

— Молодец! — похвалил его Огонек.

— Мама пришла! — вдруг обрадованно закричал Вовка и, бросив веревку, побежал к калитке.

Он крепко обхватил ноги Катюши, терся носом о юбку. Юрий нерешительно шагнул навстречу и не знал, с чего начать разговор. Катюша тоже смутилась. Отстранив легонько Вовку, она долго возилась с задвижкой калитки. Мальчишка тем временем хозяйничал в ее сумке, доставая оттуда румяные яблоки.

— Ух, какие вкусные! — приговаривал он, посасывая сладкий сок из надкушенного плода. — Хотите попробовать?

Огонек взял протянутое яблоко и, повертев его в руках, осторожно положил на крышку почтового ящика, прибитого к низенькому забору.

— Вовочка, отнеси, пожалуйста, сумку домой, — попросила Катюша.

Бросив объедок яблока через забор, Вовка взял сумку и убежал.

— Завтра приезжает Михаил, — подавленно сказала Катюша и тут же отвернулась.

— Что же будем делать? — тихо спросил Огонек, словно боясь, что их услышат из соседнего дома.

— Не знаю, ничего я не знаю, — с отчаянием заговорила молодая женщина и хрустнула пальцами. Потом резко повернулась и пристально посмотрела в глаза Огоньку. Юрий понял, что сейчас от него одного зависит судьба этой женщины. Скажет он: «Давай уедем», и Катюша, не раздумывая, прямо от калитки пойдет за ним хоть на край света.

Но Юрий молчал. Не мог сказать он этих слов. Может, и сказал бы, если бы не встретил Вовку.

А тот уже кричал за спиной:

— Мамочка, мамочка, я к бабушке пойду.

Катюша еще раз посмотрела Юрию в глаза и, поняв, что творится в его душе, прикрикнула на мальчишку:

— Играй во дворе!

Через минуту он уже орудовал около своей шахты, высыпал и снова насыпал уголь в детское голубое ведерко, с которого посматривал маленькими хитрыми глазками Кот в сапогах, нарисованный масляными красками.

— Уходи, Юра, — попросила Катюша. — Я все прекрасно понимаю.

Уголки ее губ печально дрогнули, светлые глаза затуманились. Юрий шагнул к ней.

— Не надо, — еще раз попросила Катюша и тихонько пошла от калитки. Огонек смотрел ей вслед. Чувствуя этот взгляд, Катюша обернулась и еще раз попросила уже только глазами:

— Не надо, Юра.

Огонек хотел что-то сказать, возразить, но Катюша уже не шла, а бежала к дому...

— Ты любишь ее? — настойчиво переспросил Керим, подсаживаясь ближе к другу.

— Не знаю, Керим, — сознался Огонек. — Раньше казалось, что люблю, а сейчас все в голове смешалось.

— Плохо, Юрка, очень плохо, когда человек не знает, чего его сердце хочет, когда у него сплошной зир-зибиль...

— Что ты сказал?

— Зир-зибиль, — повторил Керим.

— Что это еще за штука?

— Мусор разный, утильсырье.

Огонек не обиделся на друга. Действительно, в последнее время в душе у него творилась какая-то кутерьма. То ему хотелось снова встретиться с Катюшей, уехать с ней куда-нибудь к черту на кулички, то вдруг начинал он ухаживать за веселой ламповщицей Любой Строевой.

— Вот именно, Керим, зир-зибиль. Ты это точно сказал, — проговорил Огонек с расстановкой и, тряхнув чубатой головой, добавил: — Но я его вытрясу к чертовой бабушке, честное слово, вытрясу!

— Вот это мужчина говорит! — воскликнул Керим. — Скажи: сен бля сан вытрясу!

— Опять ты не по-русски говоришь, — заметил Юрий.

— У нас в Азербайджане клятва такая. Если мужчина говорит другу сен оля сан, обязательно сдержит свое слово, умрет, а сдержит. Сен оля сан, это значит — ты умрешь. А разве настоящий мужчина хочет, чтобы умер его друг?

— Ну, ладно. Сен оля сан, так сен оля сан, — махнул рукой Огонек.

— Серьезно скажи, — настаивал Керим.

— Сен оля сан! — торжественно проговорил Юрий и прижал руку к сердцу.

— Теперь совсем хорошо!

— По этому поводу по стопке надо тяпнуть, — предложил Огонек.

— Это можно.

Через несколько минут ребята сидели в столовой на своем излюбленном месте. На столе перед ними стояла бутылка из-под «Нарзана», а за батареей парового отопления валялась пустая четвертушка.

2

На работу Юрий с Керимом шли пешком. Просто ребятам не хотелось в эту тихую осеннюю ночь трястись в переполненном трамвае.

В высоком безоблачном небе перемигивались звезды. Ветерок шелестел в деревьях придорожной посадки, легонько перебирая уже тронутую желтизной листву.

— Хорошо! — задумчиво произнес Юрий и поймал широкий кленовый лист, медленно кружащийся над головой.

— В Маштагах лучше, — вздохнул Керим. — У нас сейчас виноград собирают, девушки к свадьбам готовятся...

— А твоя Амина плачет, наверно, — в тон ему сказал Огонек.

— Зачем ей плакать? Не все девушки в один год замуж выходят.

— Давай, Керим, вместе в твои Маштаги махнем, а? — предложил Юрий.

Керим остановился как вкопанный от неожиданности. Интересный парень этот Юрка! Сам аллах не поймет, чего он хочет! А Керим понял. Пасмурно сейчас на душе друга. Развеселить его надо немножко.

— Знаешь, как Молла Насреддин луну из колодца доставал? — спросил он у Огонька.

— Не знаю.

— Тогда слушай. Посмотрел Молла в колодец и увидел на дне отражение луны. Решил он, что луну бросил туда какой-то разбойник. Захотелось ему вытащить бедняжку из колодца. Достал веревку с крючком, опустил в колодец и начал ловить ее. Крючок зацепился за камень, а Молла подумал, что он луну тащит. Тянул, тянул и оборвал веревку, а сам упал на спину. Посмотрел в небо — луна над ним висит. «Вот я тебя и вытащил», — с радостью сказал Молла

— Дурак твой Молла, — заметил Огонек.

— Зачем дурак. Он просто веселый человек.

Ни Юрке, ни Кериму смеяться не хотелось.

До шахты шли молча.

В нарядной было уже многолюдно. Стояла гулкая разноголосица.

— Салам! — поздоровался Керим с шахтерами, подняв руку над головой.

Огонек сделал то же самое.

— Вот что, хлопцы, — заговорил басовитым голосом начальник участка Федор Петрович Чубарь, — кончайте свои балачки и подходите сюда поближе.

Шахтеры сгрудились около стола, заляпанного чернильными кляксами, наклонились к листу бумаги, на котором рукой начальника был начерчен разрез лавы.

— В первом уступе будешь работать ты, — ткнул Федор Петрович карандашом в сторону бригадного балагура Витьки Чижа и сделал пометку на листе.

Витька не возражал: в первом так в первом — к откаточному штреку поближе.

— В седьмой уступ пойдет Владимир Николаевич, — продолжал распределять задания начальник участка.

Владимир Николаевич Рудометов, мужчина в годах, широкоплечий и неразговорчивый, кивнул седой головой.

— Во второй пойдет Мамедов, а в шестой—Огонек.

Задание было распределено быстро.

Направляясь в раздевалку, Юрий спросил:

— А как насчет леса-то, хватит на смену?

— Хватит, хватит. И стоек и затяжек в лаве—вот так, — провел Федор Петрович ребром ладони по кадыкастой шее.

— Компрессор барахлить не будет? — поинтересовался Витька Чиж.

— Будет работать, как ты языком,— пошутил Чубарь и закашлялся.

«На пенсию пора, — подумал он, вытирая с покрасневших глаз слезы. — Тридцать лет на шахте работаю и отдохнуть пора. В садочке копаться, внукам игрушки ремонтировать».

Воспоминание о внуках теплой волной разлилось в груди. Любит старый шахтер своих внучат. Особенно привязался он к неродному Вовке. Хороший хлопец, ласковый, душевный. Все-таки молодец дочка, что за Михаила замуж пошла. Дельный у нее муж, работящий, не пустобрех какой-нибудь, шахтерских кровей парень. Только вот в последнее время Катюша что-то захандрила, ходит с заплаканными глазами. Допытывался — ничего не сказала. У Михаила спрашивал — тоже промолчал. Завтра, в воскресенье, надо будет обязательно проведать их, приглядеться получше, поискать трещинку в их семейной жизни. «Обязательно схожу», — твердо решил он.

Потом позвонил на участок. Оттуда сообщили, что бригада уже приступила к работе и первые вагонетки с углем пошли на-гора.

Добравшись до шестого уступа, Огонек первым делом проверил шланг, подающий сжатый воздух, опробовал отбойный молоток, подготовил крепежный

материал. Начальник не обманул его: на полках выработанного пространства одна к другой лежали новые сосновые стойки, желтели неободранной корой затяжки и обаполы.

Аккумулятор горел хорошо. «Люба постаралась», — подумал Юрий.

Хорошая она девушка, а вот душа не лежит к ней. И на танцы ходил, и домой провожал, а ничего не шевельнулось в сердце, словно каменное оно. Вот Катюша — другое дело! Опять Катюша! «Не смей думать о ней!» — приказал сам себе Огонек и вонзил пику молотка в грудь забоя. Тяжелые куски угля полетели вниз.

— Так, так тебе! — приговаривал Юрий и со всей силой нажимал на ручку молотка.

Время летело быстро. Поднявшись метра на полтора, Юрий закрепил выработку, плотно вогнав между кровлей и почвой два ряда стоек. Постучал по стойкам обухом топора. Они загудели, как басовые струны. Передохнув, снова взялся за отбойный.

Уголь сегодня был на удивление податливым. Достаточно было вонзить в него пику и слегка отвести ее в сторону, как начинали отваливаться большие глыбы.

«Интересно, как Керим сегодня сработал?» — подумал Огонек, смахивая с лица угольную пыль.

В этот момент сквозь рокот молотков и шум падающего угля до его слуха донесся неясный гул, будто лава тяжело вздохнула. Потом послышался треск дерева, грохот породы, ломающей стойки. Уступ сразу затянуло черной пылью.

«Обвал», — пронеслось в мозгу и, не раздумывая больше ни секунды, Юрий рванулся к верхнему штреку. Словно заправский акробат, подтянулся он на стойках, бросил свое тело вверх. Схватившись за стойки, что были выше, он почувствовал, как нижние качнулись и полетели куда-то вниз. Лава трещала и, как живая, стонала своим страшным каменным стоном.

До верхнего штрека оставалось еще метров тридцать.

«Не успею», — с ужасом подумал Огонек и всем телом прижался к пласту. Мимо летели глыбы породы и угля.

«Только в куток, только в куток», — лихорадочно работала мысль, а руки сами хватались за стойки, чудом уцелевшие в этом буйстве подземной стихии.

Вот и спасительный куток. Юрий метнулся туда, где чуть приметно теплился светлячок шахтерской лампочки.

— Кто здесь? — крикнул он и, нагнувшись, нащупал дрожащими руками человека. Сняв со стойки аккумулятор, поднес его к лицу шахтера. Это был Владимир Николаевич Рудометов. Каски на его голове не было. В седых волосах, вперемежку с угольной пылью, чернела кровь.

Раненый шахтер медленно открыл глаза и, увидев склонившегося над ним Юрия, чуть слышно проговорил:

— Крепить надо...

В кутке оказалось несколько стоек и топор с железной изогнутой ручкой. Юрий с полуслова понял, что нужно делать. Одну за другой подбил он новенькие стойки под уцелевшую кровлю и тяжело опустился рядом с Владимиром Николаевичем. А лава продолжала бушевать. Камни стучали о стойки, поставленные Огоньком, стараясь выбить их, стремясь в неразумной ярости смести все со своего пути.

Внезапно все смолкло. Было только слышно, как мелкая щебенка шуршит между глыбами, шуршит и проваливается вниз. Потом наступила абсолютная тишина, какая бывает на фронте после внезапно оборвавшейся артиллерийской канонады.

— Владимир Николаевич, — тронул Огонек за плечо Рудометова.

Шахтер не шевелился.

— Владимир Николаевич! — в страхе закричал Огонек и принялся изо всех сил тормошить его.

«Может быть, он еще жив?» — с надеждой подумал Юрий и приложился ухом к груди Рудометова. Сердце чуть слышно стучало.

— Воды, — простонал Рудометов.

Юрий проворно отстегнул флягу от пояса и приложил ее к губам Владимира Николаевича. Глотнув воды, тот открыл глаза и еле прошептал:

— Вот такие дела, Юрка...

Огонек молча снял нижнюю рубаху, разорвал ее на куски, обмотал ею, как мог, голову шахтера.

— Теперь лучше, — выдохнул Владимир Николаевич и погладил руку Огонька.

— Что с нами теперь будет?—спросил с дрожью в голосе Юрий.

— Спасут. Всю шахту на ноги поставят, а спасут.

Эти слова Рудометов произнес с такой уверенностью, что Юрий даже постыдился за свой вопрос. Ну, конечно, спасут! Разберут завал и спасут.

— А сколько нам придется торчать в этом гробу? — спросил уже другим тоном Огонек.

— Не знаю, — ответил Рудометов и устало закрыл глаза. Ему было трудно разговаривать.

Огонек принялся высчитывать, сколько времени потребуется шахтерам, чтобы пробиться к седьмому уступу и содрогнулся: выходило десять дней. Неужели столько времени придется сидеть в кромешной тьме без воды и хлеба, сидеть и каждую минуту ждать смерти. Страшно! Потом вспомнил Керима. Может быть, и он сейчас сидит в таком же каменном мешке, а может быть, и нет его уже в живых, нет и товарищей, с которыми всего несколько часов назад спускался в шахту. Из темноты выплыло лицо Катюши. Чему она улыбается?

— Огонек ты мой горячий, — слышится ее шепот.

Юрий тряхнул головой, и видение исчезло. До боли стало жалко себя. На поверхности сейчас утро, светит осеннее солнце, летит на землю желтая листва, а тут...

Вся жизнь была впереди, и в один момент дорогу к ней завалило камнем. И не пробиться сквозь эту преграду ни к солнцу, ни к цветам, ни к Катюше.

— Плачешь? — тихо спросил Рудометов.

— Вам хорошо, — всхлипывая, начал оправдываться Огонек. — Вы жизнь видели, в свое удовольствие пожили. А я что видел? Ну, скажите — что?

— Перестань! — оборвал его Владимир Николаевич. — Первое испытание на долю выпало и то расхныкался.

Немного помолчали. А потом Огонек снова пристал к Рудометову с вопросами:

— Найдут нас, а?

— Обязательно найдут.

— Когда?

— Не знаю. Но обязательно найдут.

Владимир Николаевич хотел еще добавить «живыми или мертвыми», но промолчал. Такой уже неписаный закон: мертвых в шахте не оставляют.

Огонек немного повеселел. Он даже рассказал анекдот о Молле Насреддине, который когда-то слышал от Керима.

— Так-то лучше, — похвалил его Рудометов.

— Ребята, наверно, уже ищут нас?

— Ищут, ищут... — стискивая зубы от боли, проговорил Рудометов.

«В свое удовольствие пожили», — вспомнил он фразу Огонька и горько усмехнулся.

Если бы знал этот мальчишка, какую жизнь прожил рядовой коммунист, шахтер Рудометов!

«А какую жизнь я прожил?» — задал Владимир Николаевич себе вопрос и начал усилием памяти отвечать на него.

Вот бежит он в школу с холщовой сумкой, сшитой матерью. Вот стоит он у доски и водит указкой по карте Родины. Богата она реками глубокими, горами высокими, морями синими, степями раздольными. Много названий городов на карте. Нет среди них только названия маленького шахтерского городка, в котором родился Володька, сын шахтера. Отец говорит ему:

— Людям всегда правду в глаза говори. Не бойся правды. Вот уезжает куда-то Володькин старший брат Григорий. Отец крепко целует его, а мать, обливаясь слезами, спрашивает:

— Куда ты летишь, соколик мой?

На Григорие скрипят новенькие командирские ремни, на петлицах поблескивают рубиновые кубики.

— Далеко, мама, — отвечает Григорий и улыбается широкой добродушной улыбкой.

Володьке он говорит:

— Держись, братан, моего курса и полный порядок будет.

Брат улетел в Испанию сражаться с фашистами, защищать правду и не вернулся оттуда. Где-то под неведомым Теруэлем настигла его вражеская пуля. Жесткой листвой шумит сейчас над его прахом высокий лавр.

Володька поступил в военное училище и вернулся домой, затянутый такими же скрипучими ремнями, какие были у брата, только вместо медных птичек на его петлицах поблескивали маленькие белые мишени, перекрещенные винтовками.

— Пехота-матушка! Так сказать, царица полей! — похлопал его по плечу тяжелой шахтерской рукой отец.

— Она самая, — ответил молодой командир.

Через два месяца грянула война. Полетели по гулким рельсам эшелоны на запад. Молоденькие солдаты пели песню, которая немного устарела:

Если завтра война, если завтра в поход...

Завтра уже не было, не было никаких «если». Враг нагрянул. В одном из эшелонов вместе со своим стрелковым взводом пел эту песню и лейтенант Владимир Рудометов.

Суровые военные дороги привели его под стены Ленинграда.

Однажды взвод попал в окружение. Железным кольцом обложил враг советских солдат, окопавшихся в густом болотистом лесу. Фашисты несколько раз пытались выкурить их оттуда. Бомбили с самолетов, наугад забрасывали снарядами и минами. Лес стонал от разрывов, заволакивался едким пороховым дымом, густым и желтым, как разведенная горчица. В окопы сыпались с деревьев сухие листья и колючая хвоя, падали горячие осколки.

Идти в лесную чащобу фашисты не решались. Их танки топтались на опушке, приминали худосочные

осинки и снова уходили на грунтовую дорогу подальше от лесного сумрака и зябкого дыхания зеленых трясин.

Когда артиллерийский обстрел прекращался, откуда-то издалека доносился чужой хриплый радиоголос: «Рус, сдавайся!» А потом звучала музыка. Немцы крутили наши русские пластинки. И странно было слышать в этом фронтовом лесу, истерзанном снарядами и минами, родную, хватавшую за душу песню:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

— Вот сволочи! — ругался Рудометов и крепче сжимал приклад винтовки. Но стрелять в песню было жаль. Не стреляли и другие бойцы. Они молча слушали, как певец с грустью признавался:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...

— Разжалобить, видно, хотят нас фрицы,—угрюмо заметил пожилой солдат и щелкнул затвором.

— Подожди, — остановил его Рудометов, — дай до конца дослушать.

Солдат нехотя опустил винтовку.

Молчал израненный лес, будто вместе с людьми прислушивался к песне:

Чтобы всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной, чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Песня сжимала душу, брала ее в свой сладкий плен.

«Наверное, так и будет», — подумал Рудометов, поглядывая на раскидистый дуб, склонившийся над окопом. Чтобы отогнать эту грустную мысль, с ожесточением разрядил в сторону врага целую обойму.

— Вот так-то лучше, товарищ лейтенант, — заметил все тот же пожилой солдат и приложился небритой щекой к прикладу винтовки, — сейчас фрицы другой концерт начнут давать.

Несколько минут стояла тишина, а потом снова заухали снаряды, заквакали мины, взметая в воздух прелую листву, валежник, ошметки вонючей тины, переплетенные корнями болотной травы.

И вроде не было никогда песни. Не было. Просто приснилась она в минуту короткого затишья.

Ночью обстрел прекращался. Значит, только в это время можно пробиться к своим. Не любят немцы ночного боя, боятся русских штыков.

Ровно в полночь, когда осенняя тусклая луна нырнула в кучерявую тучку, Рудометов поднял своих бойцов в атаку. Ошеломленные немцы не ожидали такого дерзкого удара. Они метались в ночном лесу, стреляли куда попало, гибли под пулеметным огнем, тонули в трясине. То там, то здесь лопались ручные гранаты. Рудометов орудовал винтовкой и не видел, а только чувствовал, как штык входит во что-то мягкое, живое. Последнее, что запомнилось: яркая вспышка и тупой удар в грудь, словно он на бегу налетел на дубовую корягу. А потом над ним тихо шумел осенний лес, вызванивал редкой листвой:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

Пробились не все. Многие навсегда остались лежать в болотистой ленинградской земле. Своего лейтенанта солдаты принесли в санитарный батальон на носилках, сооруженных из двух винтовок и обгоревшей шинели.

...Треснула стойка. Что это — выстрел?

Владимир Николаевич встрепенулся и охнул от острой боли. Быль и явь перемешались. Ну, конечно, он не в санитарном батальоне, а в каменном мешке обвала.

— Юра, — тихо позвал он, — возьми топор и стучи, стучи. Люди услышат нас. Должны услышать.

И снова забытье. А где-то вдали ухает артиллерия: тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук.

Нет, это не артиллерия. Это Огонек что есть силы бьет обухом топора в мертвую грудь пласта, бьет, чтобы его услышали люди.

3

Словно шквал, пронеслось по шахте и поселку страшное слово: «Обвал!» Оно врывалось в нарядные, гудело в штреках, барабанило в двери шахтерских домиков, распирало медные жилы телефонных проводов, катилось из сердца в сердце.

— Обвал!

И схватился за больное сердце начальник участка Федор Петрович Чубарь.

— Обвал!

И упала тарелка из рук Катюши Глушко, выбитая этим тяжелым словом.

— На «Западной» обвал! — кричал в телефонную трубку главный инженер, вызывая на шахту отряд горных спасателей.

Главный инженер шахты Виктор Лаврентьевич Круглов волновался больше других. Обвал произошел как раз во время отсутствия начальника шахты, который отдыхал на Черноморском побережье. Вся ответственность за происшествие ляжет теперь на плечи главного инженера.

«Надо взять себя в руки», — твердил он про себя, прислушиваясь к гулу шахтерских голосов.

В кабинет вбежал Чубарь. На нем не было лица. Тяжело опустившись на стул, он рванул ворот клетчатой рубашки, словно ему не хватало воздуха, и заговорил прерывисто:

— В лаве остались двое, остальные успели выскочить.

Дверь снова шумно распахнулась, и в кабинет ворвался Керим Мамедов. На лице шахтера видны были только глаза да ослепительно белые зубы. С порванной спецовки сыпалась на ковровую дорожку угольная пыль. Мешая русские слова с азербайджанскими, он начал выкрикивать:

— Адамлары, спасать надо! Понимаешь? Понимаешь, мой друг Юрка там! Сам пойду, другие пойдут!

— Успокойся, успокойся, — перебил его главный инженер. — Толком расскажи, что там произошло?

— Что произошло? Камень-мамень, уголь-муголь, стойка-мойка, все мешал, кашей стал, — Керим руками показывал, что произошло в лаве.

В это время около административно-бытового комбината, свистя тормозами, остановилась машина. Горноспасатели один за другим прыгали с нее на сырой асфальт.

Когда их командир вбежал в кабинет, Виктор Лаврентьевич облегченно вздохнул.

— Поехали в шахту! — проговорил он твердым голосом и поднялся из-за стола.

— Поехали! — воскликнул Керим.

Но его в шахту не взяли. Туда спустились только горноспасатели, главный инженер и начальник участка.

Посвечивая шахтерскими лампочками, люди долго шли по квершлагу. В штреке было свежо и прохладно. Вентиляторы на поверхности работали на полную мощность, беспрерывно гнали в забой воздух, припахивающий осенью. Когда свернули на верхний штрек участка, дышать сразу стало трудней.

Через несколько метров дорогу преградил провал, из которого торчали стойки и обаполы, виднелись концы изогнутых рельсов.

«Хорошо, что проходчики вовремя ушли», — подумал Федор Петрович, заглядывая в провал. То же самое подумал главный инженер. Если бы во время обвала проходчики находились здесь на верхнем штреке, то их неминуемо постигла бы судьба тех двоих, что остались под хаотическим нагромождением из камня, угля, дерева и железа.

— Что будем делать? — спросил главный инженер у командира горноспасателей, хотя ему с первой же минуты стало ясно, что спасти людей с верхнего штрека невозможно. На разборку завала уйдет не один день, и вряд ли узники каменного плена про-

держатся столько времени. Кроме того, это опасно не только для жизни погребенных, но и для тех, кто будет пробиваться к ним этим путем.

Командир горноспасателей тоже взвесил все это и вместо ответа предложил спуститься на нижний штрек.

Откаточный штрек оказался в лучшем состоянии. Подземной стихии не удалось разрушить его. Большие глыбы породы прочно застряли в гезенке и задержали в лаве страшный камнепад, ринувшийся вниз со стометровой высоты.

Командир отряда, главный инженер и начальник участка переглянулись.

— Отсюда надо пробиваться, — предложил Чубарь.

Сделав несколько шагов вперед, он ткнул пальцем в обнаженный пласт, поблескивающий в верхней части штрека.

Круглов понял мысль начальника участка.

— Бить новый гезенк? — спросил он.

— Другого выхода нет.

— Сколько времени уйдет на это? — поинтересовался командир горноспасателей.

Федор Петрович задумался, что-то подсчитывая в уме.

— Суток десять, не меньше, — ответил за него главный инженер.

— Многовато, — проговорил горноспасатель и потрогал пласт, словно хотел убедиться в его прочности.

— Надо срочно бригаду организовать, — заторопился Круглов и, обращаясь к Чубарю, спросил: — На вашем участке кто для этого дела подойдет? Забойщики тут нужны отменные.

Федор Петрович махнул рукой.

— На поверхности решим!

Хороших забойщиков нашлось больше чем нужно. Они толпились около кабинета главного инженера, ожидая возвращения Круглова из шахты.

— Пошлите меня, — первым попросился Михаил Глушко, — у меня в этом деле опыт есть.

Виктор Лаврентьевич переглянулся с начальником участка. Чубарь чуть заметно кивнул ему. Сердце старого шахтера наполнилось гордостью за зятя. Такой жилы себе порвет, а товарищей из беды выручит. На вид смирный, степенный, мухи не обидит, а в забое горы ворочает, огнем горит.

— Подбирай еще троих и — в шахту! — скомандовал главный инженер.

Подойдя к горноспасателям, он вполголоса сказал командиру:

— Мы будем вам помогать. Шахта у нас не взрывоопасная...

Забойщики плотным кольцом окружили Михаила. Каждый надеялся, что Глушко возьмет с собой именно его.

— Только без обиды, ребята, — предупредил Михаил, — нужно троих.

— Выбирай сам, — предложил шахтер богатырского роста Петр Мороз и, легонько раздвинув круг, встал рядом с Михаилом.

Глушко кивнул: подойдешь.

За широкой спиной Мороза в круг рванулся и Керим:

— Меня тоже бери! — твердо сказал он и встал рядом с Петром.

Михаил недоверчиво посмотрел на маленького азербайджанца. Уж слишком слабым и беспомощным кажется он. Разве сможет он сравниться силой с Петром Морозом? Конечно, нет. Чтобы не обидеть шахтера, Михаил сказал:

— Тебе, Керим, надо отдохнуть. Ты смену отработал, из-под обвала еле выбрался.

— Кериму не надо отдыхать, — настаивал тот, — у Керима друг там остался, Кериму нужно друга выручать, понимаешь?

— Возьми его, Миша, — посоветовал зятю Федор Петрович.

Керим с благодарностью посмотрел на начальника участка.

Конечно, старик лучше знает, кого посылать на

такое рискованное дело. Молодец, старик! Спасибо ему.

Кроме Петра Мороза и Керима Мамедова, Глушко отобрал в свою бригаду еще одного, проверенного на таких делах человека, — Николая Сазонова.

В коридоре к шахтерам подбежала Вера Павловна Рудометова. Кусая пересохшие губы, она старалась что-то сказать и не могла. За нее кричали глаза: спасите!

Михаил хорошо знал эту женщину. Многое пришлось перенести ей. Десять лет назад умер ее первый муж. С двумя детишками осталась одна. Работала в шахте откатчицей, стволовой, перебирала стойки на лесном складе. Трудно было воспитывать детей. Михаил не раз видел, как она, вернувшись с работы, копалась на своем крохотном огороде.

А потом ей улыбнулось скупое вдовье счастье. Приехал в поселок неведомо откуда хмурый и неразговорчивый человек Владимир Рудометов. Устроился на шахту. Вера Павловна работала тогда в шахте. Как-то раз она катила по штреку пустую вагонетку и забурила ее. Не под силу было поднять женщине такую махину на рельсы. Как ни прилаживалась откатчица — ничего не получалось.

— Помочь, что ли? — услышала она из темноты мужской голос.

— Помоги, если не шутишь, — отозвалась она.

Совместными усилиями они быстро поставили вагонетку на место.

Женщина поблагодарила шахтера за помощь, а тот только рукой махнул: мол, не за что. «Хороший, наверно, человек», — подумала о нем откатчица. Потом они встретились на шахтном дворе. Потом както раз шли вместе с шахты в поселок. Трамвая тогда еще не было. Однажды Рудометов пригласил Веру Павловну в кино.

Сходили. А на другой день по поселку пополз бабский слушок:

— Вдовушка-то наша с арестантом спуталась.

— Это правда? — спросила Вера Павловна у Рудометова.

— Правда, — просто и спокойно ответил он, словно его спросили не о прошлом, а о вчерашней погоде.

Через несколько недель они стали мужем и женой. В паспорте Владимира Николаевича, кроме штампа о браке, появилось еще два имени: Елена Рудометова — дочь, 1947 года рождения, Леонид Рудометов — сын, 1950 года рождения. Он усыновил детей Веры Павловны.

Пять лет прожила счастливо Вера Павловна с новым мужем. И вот горе вновь обрушилось на ее плечи. «Спасите» — кричат, просят ее глаза.

— Не волнуйтесь, — успокаивал Михаил женщину. — Вытащим вашего муженька целехонькым.

Успокаивал, а сам с тревогой думал о том, что, может быть, ни Рудометова, ни Огонька уже нет в живых.

Рудометова хотела улыбнуться, но вместо улыбки на глазах заблестели слезы.

Около самых дверей Михаила чуть не сбила с ног Катюша.

— Ты что тут делаешь? — удивился он.

— Я... Я... — залепетала жена и, не находя слов, потупила глаза.

«За Юрку переживает», — подумал Керим.

Увидев отца, Катюша с плачем бросилась к нему на шею.

— Я думала, ты в шахте, — всхлипывая, бормотала она.

«О Юрке ты думала, а не об отце с мужем», — негодовал Керим. Интересно все-таки построена жизнь. Вот Михаил Глушко идет спасать Юрку Огонька. А кто для него Юрка? Катюша обманывает Михаила. Любит Юрку. А Михаил, ничего не зная, идет спасать своего соперника.

— Ай, ай, как нехорошо получается! — закончил вслух свою мысль Керим.

— Что нехорошо? — спросил у него Петр Мороз.

— В шахту скорей надо идти, — пояснил Керим и, сердито посмотрев на Катюшу, добавил: — Скучно без Юрки.

Этого намека, кроме Катюши, никто не понял.

4

В конце нижнего штрека шахтеры остановились. Михаил внимательно осмотрел кромку пласта и первым взялся за отбойный молоток.

— Работать будем по пятнадцать минут, — сказал он, — пятнадцать минут работать, сорок пять — отдыхать.

— Как отдыхать? — удивился Керим. — Отдыхать нельзя.

— Не горячись, — оборвал его Петр Мороз. — Михаил поработает пятнадцать минут, потом я заменю, потом Николай полезет в эту чертову дыру. Понятно?

— Понятно.

— Тогда сиди и смотри, как люди работают, силы набирайся.

Керим сел на холодный рельс и стал наблюдать, как ловко орудует Михаил отбойным молотком. Вскоре шахтер исчез в угольном пласте.

Федор Петрович, примостившись рядом с Керимом, посматривал на светящиеся стрелки часов. Когда прошло пятнадцать минут, он громко крикнул в отдушину нового гезенка:

— Ша-ба-ш!

Треск отбойного молотка смолк, и в штрек вывалился из этой отдушины чумазый, как черт, Михаил. Отплевываясь угольной пылью, он пояснил:

— Поднимемся на десять метров, начнем рубить «печку» в первый уступ. Кутки в уступах при отвалах обычно остаются целыми.

— Знаю, не маленький, — отмахнулся Петр и полез в гезенк.

Снова затрещал отбойный. На этот раз он работал с небольшими интервалами.

— Зачем перебои делаешь? — заорал Керим на Мороза, когда тот, отработав свои пятнадцать минут, спустился в штрек. — Филонишь, да?

Петр хотел обидеться, а потом рассмеялся:

— Посмотрим, как ты рубать будешь, богатырь

маштагинский? Как по-вашему богатыря-то называют?

— Пахливан.

— Так вот, пахливан, тут в чем дело: пласт нужно слушать.

— Он разве говорить умеет? — удивился Керим.

— Умеет. Если Юрка с Рудометовым живы, то они обязательно в пласт стучать будут. В каком уступе захватил их обвал, столько раз и будут выстукивать. Понятно теперь? А ты филонишь...

— Понятно.

— Если понятно — тогда шуруй! — благословил его Петр.

Работать в гезенке было неимоверно трудно. Угольная пыль забивала глаза и ноздри, острые осколки угля летели за ворот спецовки, впивались в тело. Керим не обращал на это внимания. Вся его воля была сосредоточена на одном: как можно больше вырубить угля из пласта. Он знал, что после каждой глыбки, отколотой молотком, укорачивается путь к товарищам.

«Юрка, наверное, стучит», — подумал он и, выключив молоток, приложился ухом к пласту. Послышалось тихое: тук-тук-тук. Керим прильнул к пласту. Нет, это стучит не Юрка, а колотится сердце в груди у молодого шахтера.

Лазейку из гезенка в первый уступ пробивал Глушко. Когда пика отбойного молотка провалилась в пустоту, Михаил громко крикнул, но ему никто не ответил. Проделав отверстие пошире, он просунул в куток надзорку. Луч света скользнул по острым ребрам каменных глыб, по сломанным стойкам. Куток был пуст.

В кутке второго уступа тоже никого не оказалось.

Главный инженер без конца звонил на нижний штрек, спрашивал:

— Ну, как?

— Пока ничего утешительного, — отвечал Федор Петрович и тяжело вздыхал в телефонную трубку.

Когда шахтеры пробились в куток третьего усту-

па и не нашли в нем ничего, кроме отбойного молотка с перерубленным шлангом, Круглов сам появился на нижнем штреке. Спецовка топорщилась на его плечах, новенькая ребристая каска под тяжестью лампочки то и дело сползала на крутой лоб главного инженера.

— Как дела? — спросил он уже не у начальника участка, а у Михаила Глушко.

— Пробиваемся понемногу, — ответил тот, не поднимаясь.

Круглов прислушался, но рокота отбойного молотка не услышал.

Только черный шланг, подрагивающий в горловине гезенка, да осыпающийся уголь говорили ему о том, что там наверху идет жаркая работа.

— Хорошо, — протянул Круглов и присел к забойщикам.

Говорил он с волжским оканьем, от чего буква «о» в его словах казалась особенно круглой. Вот и сейчас три «о» прокатились по штреку, как три колеса, ошинованные железом.

— Когда к верхнему пробьетесь? — спросил главный.

— Завтра, — за всех ответил Михаил.

Круглов недоверчиво посмотрел на бригадира, но ничего не сказал. В обычных условиях на такую работу потребовалось бы десять дней: главный инженер хорошо помнил нормы выработки на все горные работы.

— Премию получите, — пообещал он. — По две сотни каждому отвалю.

— Не в деньгах дело, — буркнул Сазонов. Остальные промолчали, соглашаясь с товарищем.

— Вы бы лучше шамовки подбросили, — попросил Мороз.

— Сейчас организуем. В один момент все будет сделано, — засуетился Виктор Лаврентьевич, поправляя сползающую на лоб каску.

— Чудак, — беззлобно проговорил Михаил, когда светлое пятно инженерской надзорки растаяло в темноте штрека.

— По две сотни отвалю, — скопировал Мороз произношение главного инженера и рассмеялся.

Федор Петрович в этот разговор не вмешивался.

— Вот это дело! — обрадовался Петр Мороз, когда в штреке появились два шахтера, нагруженные продуктами.

Они принесли хлеба, колбасы, сливочного масла, вареных яиц, ящик лимонада. Сбив с бутылки железную крышку о головку рельса, Петр начал пить сладкий газированный напиток прямо из горлышка. Напившись, вытер губы рукавом спецовки, крякнул:

— Хороша водичка, а коньячок лучше! Недаром говорят: любить — так королеву, пить — так коньяк!

— Как там на поверхности-то? — спросил Федор Петрович у ребят, принесших продукты.

— Жинка Рудометова плачет, ваша дочка ей помогает, не хотят бабы уходить с шахты, — ответил один из них.

— А твоя бы ушла? — перебил его Мороз.

— Моя бы волосы на голове повырывала.

— А ты бы ей развод предъявил.

— Почему?

— Потому что с лысой жить не интересно.

Все рассмеялись.

Только один Михаил Глушко угрюмо хмурил брови.

— Мотайте-ка на-гора! — прикрикнул он на ребят.

— Что жинке передать?

Михаил сделал вид, что не расслышал вопроса, а Федор Петрович пробасил:

— Пускай домой идет. Ничего тут с нами не случится.

От зоркого глаза Керима не скрылась одна деталь: когда шахтер сказал о Катюше, лицо Михаила сразу помрачнело. Не ответил Глушко и на вопрос, что передать ей. «Неужели знает?» — с испугом подумал Керим, и мрачные мысли закружились в его голове. Может быть, Михаил ведет бригаду по не-

правильному пути, может быть, совсем не так надо спасать Юрку?

Обуреваемый сомнениями, он пристально начал рассматривать Михаила, стараясь прочитать на его лице ответ на свой тревожный вопрос.

— Что ты на меня так смотришь? — смутился Глушко.

— Влюбился, наверно, — пошутил Мороз.

— Михаил невольно улыбнулся, но от его улыбки сомнения у Керима не рассеялись.

С этими сомнениями он и полез снова в гезенк. Врубался в уголь, а они одолевали его, точили душу. Чтобы рассеяться, Керим начал думать об Амине. Интересно, что она сейчас делает? Наверное, пошла на берег моря. Когда-то они вместе часто ходили туда. Читали газели Саади и слушали, как шумит прибой. Особенно нравилась Амине вот эта газель о любви:

Если прах мой, ставший глиной, превратят в кирпич,
То любовь к тебе навеки сохранит стена.
Счастье наше в том, что можем мы тебе служить.
Если нас переживешь ты, смерть нам не страшна...

Ничего не знает сейчас Амина. Не видит, как ее Керим врубается в угольный пласт, задыхается от пыли, а врубается потому, что надо спасти людей, спасти друга.

Уголь летит вниз. Сделав передышку, Керим прислушался. Гробовая тишина. Только стучит сердце, а Юрка молчит...

5

А Юрий стучал. Сколько же времени прошло? Час, два, три? Может быть, целая вечность?

Зарядка в аккумуляторе кончилась, и в кутке стояла кромешная душная тьма.

— Стучи, стучи, — просил Рудометов, когда стук смолкал.

Ему становилось все хуже и хуже. Поднялась температура.

Юрий со страхом прислушивался к его бессвязным выкрикам и, чтобы заглушить их, стучал в пласт. Нестерпимо хотелось пить, но воды во фляге не было. Последними каплями были смочены потрескавшиеся губы Владимира Николаевича. Юрий прикладывался губами к холодному камню, думая этим перехитрить жажду. Но разве ее перехитришь? Она сжигает сердце и не идет ни на какие уловки человека.

— Страшно! — крикнул Огонек и, отбросив топор, начал барабанить в пласт кулаками. Боли он не чувствовал.

— Страшнее было, — услышал он из темноты.

Сознание на минуту вернулось к Владимиру Николаевичу. Ярко сверкнуло в его мозгу. Стало вдруг светло-светло.

Ах да, ведь это госпиталь! Ну, конечно, госпиталь!

— Больной Рудометов, мы вас переведем в другой госпиталь, — говорит ему женщина в белом халате.

А почему стоят у койки эти два незнакомых человека в хромовых сапогах, почему женщина в халате отворачивается и прячет глаза.

Ему говорят:

— Идите, одевайтесь и поедете с нами.

Мчится по ночному затемненному Баку машина.

— Вот ваш новый госпиталь, — говорит человек в сапогах и открывает тяжелую дверь. За дверью — каменный мешок. Голая железная койка, под потолком — синяя лампочка в железном наморднике.

Что же потом? Ах, да!

— Вы обвиняетесь в антисоветской агитации, — говорит ему в светлом кабинете розовощекий молодой человек.

— Вы — немецкий лазутчик! — кричит он. — Нам все известно. Вас завербовали, когда вы были в окружении.

— Меня вынесли оттуда на обгоревшей шинели мои солдаты.

— Это не имеет никакого отношения к делу...

— Вы были на фронте? — спрашивает Рудометов.

— Я воюю в тылу...

— С кем?

— С врагами народа!

...Владимир Николаевич со стоном открывает глаза, шепчет: — Стучи, Юра.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук...

Седьмой уступ живет. Его должны услышать люди, обязательно должны.

6

Когда главный инженер сказал Вере Павловне Рудометовой, что спасательные работы в лаве идут полным ходом, женщина немного успокоилась, но идти домой наотрез отказалась.

— Буду ждать до последнего.

— А вам вовсе нечего беспокоиться, — сказал Круглов Катюше.

— Иди, Катюша, домой,—посоветовала ей и Вера Павловна.

— И то правда, — нехотя согласилась Катюша, хотя ей совсем не хотелось уходить с шахты. Ах, если бы она могла так же свободно, как Вера Павловна, плакать, не стыдясь никого, и ждать, ждать...

— Иди, иди, — подтолкнула ее Рудометова.—Домой только ко мне не забудь заглянуть, посмотри, что там ребятишки без меня делают, — попросила она.

— Зайду,—пообещала Катюша и медленно, будто слепая, пошла к выходу.

В трамвае только и разговору было, что про обвал. Знакомый шахтер уступил Катюше место. Даже не поблагодарив его, она села к окну и прижала горячую голову к прохладному стеклу.

— Молодец Михаил Глушко,—услышала она чей-то молодой задорный голос.

— Главный знал, кого посылать.

— Главного самого бы туда послать,—недовольно проворчал чей-то басок.

— При чем тут главный? — начал оправдывать Круглова до сих пор молчавший шахтер. — Лава такая дурная. Работал в ней—знаю. Вечно, проклятая, ходором ходит.

Женщины охали и ахали, жалели Рудометову.

— Только было по-человечески жить начала, а тут на тебе — несчастье такое.

— Хороший мужик ей попался.

— С первым-то здорово она помучилась. Не раз пьяного под забором подбирала.

— Бог даст, спасут ее мужика, — вставила старуха и перекрестилась.

— Одного его там привалило, что ли?

— Говорят — двоих.

— Второй-то кто?

— Солдат какой-то. Вроде Юркой звать.

— Что-то не знаю такого.

Катюше хотелось встать и крикнуть женщинам, что под обвалом находится Юрий Огонек, но она только плотнее прижалась головой к холодному стеклу.

— Так и окно можно выдавить, — заметил сосед.

Катюша ничего не ответила, продолжая молча смотреть на пожухлую листву, которую ветер гнал вдоль трамвайного пути.

Домой идти не хотелось. Постояв у калитки своего дома, она пошла к матери.

— Мама пришла, мама пришла, — захлопал в ладошки Вовка и бросился навстречу.

Катюша обняла его за худенькие плечи и разрыдалась. Слезы, кипевшие целый день в груди, наконец нашли выход и хлынули наружу.

— Что случилось? — испуганным голосом спросила у нее мать.

— Ничего, ничего, мама. Это сейчас пройдет, — бормотала Катя.

— С отцом что случилось? С Михаилом? — заволновалась старуха.

Катя покачала головой.

— Тогда чего же ревешь?

Вовка, прижавшись к матери, не знал, что делать. Ему тоже хотелось разреветься, но он мужественно сдержался. Каким же будет он шахтером или космонавтом, если ни с того ни с сего разревется?

— Мама, давай я тебе слезки вытру, — предложил он и, не дожидаясь согласия, принялся водить по ее щекам и глазам своими маленькими ладошками.

Тронутая этой бесхитростной лаской, Катя расплакалась еще больше.

— Не плачь, мам... — засопел Вовка.

— Не буду, сынок, не буду.

Катя обхватила вихрастую голову мальчишки горячими ладонями и начала покрывать ее поцелуями. И Вовка разревелся. Теперь уже Кате пришлось успокаивать его.

Бабушка покачала головой и ушла в другую комнату.

— Есть хочешь? — спросила она оттуда.

— Ничего я, мама, не хочу, — отозвалась Катя и начала причесывать сына.

На душе у нее стало вдруг легко и чисто, словно в Вовкиных глазенках. Омытые слезами, они синели, будто майское небо после дождя.

Вспомнив просьбу Веры Павловны, Катюша предложила Вовке вместе сходить к Рудометовым.

— Только умойся, — сказала она.

— Давай вместе, — согласился Вовка и побежал к умывальнику. Катя слышала, как за стеной хлюпает вода, как бабушка ворчит на внука:

— Мать твоя в детстве такой же егозой была.

«В детстве!» — улыбнулась Катюша. А давно ли оно прошло? Кажется, еще совсем недавно бегало это детство по шахтерскому поселку в коротенькой юбчонке, играло в куклы, засыпало с конфетой под подушкой, хлюпало водой у старого умывальника.

— Я готов! — доложил Вовка, помахивая полотенцем. — Теперь твоя очередь.

Катя быстро сполоснула лицо холодной водой, поправила перед зеркалом прическу.

— Ты у меня, мама, красивая, — с восхищением проговорил Вовка. — Я тебя очень люблю!

— Я тебя тоже, Вовка, очень люблю,—без улыбки, очень серьезно сказала Катя и взяла сына за руку.

Дом Рудометовых был на другом конце поселка. Катюша с Вовкой медленно шла по узенькому тротуару. Несколько раз их останавливали люди, спрашивали о Михаиле, об отце.

Вовка шел, высоко задрав курносый нос. Катя с нежностью смотрела на мальчишку. Вот идет рядом, этот маленький человек, доверчиво сжимает в ладошке ее руку. Он безмятежно счастлив. Верит всему: и улыбкам людей, и солнцу, сияющему в зените, и птицам, беспечно распевающим в кустах смородины. Своим маленьким сердечком безотчетно тянется к доброму и светлому. Разве можно обмануть его?

Со стыдом вспомнила Катя ту ночь, когда умышленно отправила Вовку ночевать к бабушке. Даже почувствовала, как краска стыда заливает лицо.

Дома у Рудометовых оказался только одиннадцатилетний Ленька.

— А где сестра? — спросила у него Катя.

— На шахту уехала, маме обед повезла.

— А сами-то вы обедали?

— Как же? Ленка супа наварила, картошки нажарила, соседи разной еды принесли. Хотите попробовать?

Мальчишка загремел кастрюлями, а Катюша замахала руками:

— Не надо, не надо.

— А я хочу, — выпалил Вовка.

Суп оказался на редкость вкусным.

Убрав со стола, Катя принялась наводить порядок в комнатах. Полила цветы, застелила постели, подмела полы.

На комоде стояла семейная фотокарточка Рудометовых. Катя осторожно взяла ее и начала внимательно рассматривать. На лице Веры Павловны застыла счастливая улыбка. Рудометов смотрит немного сурово. На руках у него — Ленька. Рядом стоит

старшая дочь Веры Павловны — Леночка. На ней ученическое платьице, белый фартучек.

— Спасибо, тетя Катя, — поблагодарил Ленька, когда она с Вовкой собралась уходить. — Приходите.

— Придем, обязательно придем,—пообещала она.

На улице темнело. Под ногами шуршала опавшая листва. Когда проходили мимо клуба, Катя невольно бросила взгляд на стену, где обычно вывешиваются афиши и объявления. На большом белом щите, словно пауки, чернели буквы: «Танцы сегодня отменяются».

7

Рудометов болезненно прислушался к этим звукам. Откуда они идут? Кто так настойчиво стучит?

Ах, да! Это перестукиваются на стыках рельсов колеса этапного эшелона. Откуда-то из темноты звучит печальная песенка.

Заключенный Рудометов лежит на жестких нарах и думает, думает... Конечно, все это ошибка. Страшная, но поправимая ошибка. Какой же он враг народа?.. Ведь это он в свинцовой крутоверти, прямо глядя смерти в глаза, поднимал в атаку солдат. А за несколько минут до боя, получая партийный билет, клялся:

— Буду до конца предан Родине, партии, народу.

Эту клятву лейтенант Рудометов скрепил своей кровью. Он будет писать, требовать исправить ошибку. А колеса стучат и стучат: тук-тук-тук-тук...

Стучат много дней и ночей подряд.

В узкой прорези зарешеченного окошечка мелькает то клочок синего неба, то далекие равнодушные звезды. Какое им дело до заключенного Рудометова и до всего, что делается на земле! Они вот так же горели миллионы лет назад и так же будут гореть через миллиарды лет.

В окошечко врывается ветер, пахнущий таежной хвоей.

Почему же тогда не хватает воздуха?

...Огонек устало опустил топор и прислушался, но ничего, кроме тяжелого дыхания Владимира Николаевича, не услышал.

«Погибнем!» — с отчаянием подумал он и представил, как товарищи найдут их тела, как в поселковом клубе будут стоять два гроба, обтянутые красным сатином. А потом эти гробы понесут на кладбище. Впереди — знамя и венки, много венков, а сзади — сотни людей и медные трубы оркестра, захлебывающиеся скорбью похоронного марша.

Дадут телеграмму матери. Она будет идти за гробом и громко причитать: «На кого ты меня, родимый, покинул?»

Стало жалко не себя, а мать. Старенькая она уже... И вспомнилось Огоньку все-все, связанное с матерью. Вот она стирает в мыльной пене его детские штанишки, жарит на горячей сковороде гречневые оладьи, приглаживает на голове непокорные вихры.

Болит, наверно, сейчас у старой сердце. Чувствует, что ее Юрка попал в беду. Недаром она просила в последнем письме: «Ты уж, Юрочка, будь осторожен. Слыхала я, что шахтерское дело опасное, рискованное, вроде, как на фронте».

Писала мать и о том, что в доме протекает крыша, а починить некому. Жаловалась на здоровье, просила прислать немного денег. А Юрка денег не послал. Даже на дорогу теперь придется старухе занимать у соседей.

На кладбище будут говорить надгробные речи. Главный инженер обязательно скажет о том, что Огонек был хорошим шахтером, замечательным товарищем. О покойниках плохо не говорят. А потом гроб опустят в могилу и начнут засыпать землей. Первую горсточку бросит мать. Может быть, на кладбище придет Катюша. Поплачет дома, чтобы люди не видели, и придет.

Что-нибудь скажет и Керим, если, конечно, он жив. Похоронит друга и уедет к своей Амине в Маштаги. Родится у них мальчишка и назовут они его в честь Огонька Юркой.

От этих мыслей Огоньку стало совсем невмоготу. Глухая ярость закипела в груди. Хотелось рвать угольный пласт зубами, биться о него головой. Нет, так больше нельзя! От таких мыслей можно сойти с ума. Нужно думать о чем-нибудь другом. Конечно, о жизни, только о жизни! Бывают в ней ситуации посложнее. Продержались же наши ребята сорок девять дней в Тихом океане без воды и пищи? Продержались! А почему они вышли победителями? Потому, что верили в жизнь, любили ее! Верили в себя, в людей!

Полз же израненный летчик Мересьев по глубокому снегу к своим. Конечно, Юрка Огонек не Мересьев, но и он сможет постоять за свою жизнь, драться за нее до последнего.

Жизнь... А что хорошего Юрка сделал в жизни? Учился, потом служил в армии, приехал в Донбасс рубить уголь. Вот и все. Даже денег не успел матери послать. Был немного эгоистом, снисходительно относился к дружбе, не верил в громкие слова о самоотверженности.

Но сколько Огонек ни старался думать о жизни, мысль о ней все равно тесно переплеталась с мыслью о смерти.

Вот умрет он, Юрка Огонек, и ничего не изменится на земле. Да что там на земле — на шахте ничего не изменится. В бригаду придет такой же, как Юрка, парень. Отдадут ему отбойный молоток Огонька, поместят в интернате на Юркину койку. Будет этот парень читать о новых полетах космических кораблей, с гневом сжимать кулаки, когда услышит о происках империалистов против народа Кубы. Будет он рубить уголь, целовать любимую, качать колыбельку первенца-сына.

Рудометов тихонько застонал.

— Владимир Николаевич, — окликнул его Огонек.

— Что?

— Вам лучше?

— Кажется, немного лучше.

— О чем вы сейчас думаете?

— О многом.
— А все-таки?
— О жизни. Хорошая и трудная эта штука. Когда-нибудь в другой раз поговорим о ней.
— Другого раза может и не быть.
— Будет, Юрка! Обязательно будет!
Эти слова были сказаны с такой уверенностью, что Огонек даже во тьме увидел блеск глаз Рудометова.
— Кто вас научил такой уверенности?
— Люди.
Многое бы рассказал сейчас Владимир Николаевич молодому шахтеру, но ему было трудно говорить. Он рассказал бы Огоньку, как добивался пересмотра несправедливого приговора, как потом вызвали его и сказали:
— Вы осуждены правильно. Основания к отмене приговора нет.
Рассказал бы о том, как хотел покончить жизнь самоубийством, как вынул его из петли старый коммунист-ленинец.
— Мальчишка ты! — кричал он потом на Рудометова. — Ты думаешь, мне легче? Но я не лезу в петлю и не полезу никогда! Я был и остаюсь коммунистом.
— Без партийного билета? — усмехнулся Рудометов.
— Партия у меня в сердце, и никто не выжжет ее оттуда.
— Врагом народа, — досказал Рудометов.
— Коммунистом! — гордо произнес старик. — Правда все равно победит! Партию не обманешь. Потому что партия — это народ.
И старик умер коммунистом.
Шел 1942 год. На всех фронтах шли кровопролитные бои. Наши войска отступали. Казалось, никогда не будет конца этому отступлению. Зашевелились в лагере настоящие враги.
Но Рудометов не хотел даже допускать мысли о том, что немцы победят, что погибнет советская власть.

Рассказал бы Владимир Николаевич и о старом художнике, до конца сохранившем в своей душе целомудренную человеческую чистоту и веру в Родину.

Заключенные звали его «папашей», надзиратели — «аристократом», начальник лагеря — «гражданином». Он привык к этому и, наверное, забыл бы свою фамилию, если бы не ежегодная инвентаризация.

Обычно это делается зимой, под Новый год. Под открытым небом устанавливались столы с личными делами заключенных, их выгоняли из бараков в большой двор.

«Папаша», ежась от холода, подходил к столу с буквой «П» и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда надзиратель начнет задавать вопросы:

— Номер?

— Три тысячи сорок семь.

— Статья?

— Пятьдесят восьмая.

— Срок?

— Десять.

— Фамилия?

«Папаша» отвечал не сразу. Хмуря лоб, словно стараясь вспомнить что-то давным-давно забытое.

— Фамилиё? — сердито переспрашивал ефрейтор и, вынув из личного дела карточку заключенного, принимался внимательно вглядываться то в нее, то в лицо старика, покрытое седой щетинкой.

— Пегасов, — тихо отвечал «папаша», втягивая озябшие пальцы в длинные обтрепанные рукава бушлата.

— Что-то не похож, — замечал надзиратель, недоверчиво посматривая на карточку, а потом спрашивал: — Имя, отчество?

«Папаша», хмуря седые брови, отвечал:

— Алексей Лаврович.

— Правильна! А карточку-то все же надо обновить, завтра перефотографируем, — замечал напоследок надзиратель и, отложив в сторону серую папку, отпускал старика.

С неба срывались крупные снежинки, срывались

и таяли на лицах заключенных, на лакированных козырьках надзирательских фуражек.

Когда инвентаризация кончалась, «папаша» шел в свою каморку, расположенную тут же во дворе. За эту каморку и прозвали его наздиратели аристократом. Дело в том, что «папаша» пользовался в лагере некоторыми льготами. Его не выводили вместе со всеми на соляные озера, не ставили в строй на утренние и ночные поверки и даже не стригли под машинку, как всех. Правда, последняя льгота мало радовала старика. Несколько волосинок на лысине да венчик пушистых седых волос на затылке были ему совсем ни к чему.

Чтобы создать ему условия для работы, начальник лагеря приказал освободить небольшую кладовку, пристроенную к кухне, принести туда кровать и маленький столик.

Работы «папаше» нашлось много. Целыми днями чертил он какие-то диаграммы, рисовал плакаты для столовой вольнонаемных и лагерного клуба.

Изредка к нему заглядывал начальник лагеря.

— Трудимся? — спрашивал он и принимался с видом знатока рассматривать еще недорисованные плакаты. Иногда делал замечания, указывая куда и какой краски побольше положить. «Папаша» соглашался с ним и машинально водил кистью по шершавой бумаге.

Разоткровенничавшись, начальник рассказал, как сам когда-то в юности пробовал рисовать и как из этого ничего не получилось.

— Талант нужен, — вздыхал он.

«Папаша» тоже вздыхал и вспоминал дни своей юности, когда он учился у Репина, когда, значительно позже, уже признанным художником ездил по Советскому Союзу с выставкой своих произведений.

После одной из таких поездок он не вернулся домой, а очутился в лагере. Причиной ареста послужило резкое высказывание художника об одном портрете Сталина...

Особенно часто к старику заглядывали надзиратели, принося в каморку карточки жен и детей.

— Увековечить бы надо в крупном масштабе, — говорили они художнику и, оглядываясь по сторонам, совали ему вместе с карточками куски черного хлеба.

Ночью, когда лагерь засыпал глубоким сном, в каморке старика продолжал гореть свет. Художник увековечивал на картоне и полотне лица незнакомых женщин и детишек. Только один раз работа увлекла его по-настоящему. Он рисовал портрет белокурой девчушки, беззаботно улыбающейся чему-то хорошему, светлому... Девочка была похожа на внучку Машеньку, которую он не видел уже много лет.

По утрам, когда заключенных выстраивали в колонну, чтобы вести на работу, «папаша» открывал дверь каморки и, прислонившись к косяку, долго смотрел на них. Он видел все: и припухшие лица, и ноги, разъеденные солью, и бессильно опущенные по швам руки. Глаза старика слезились. По-видимому от бессонной ночи, проведенной за работой.

Как-то раз начальнику лагеря взбрела в голову идея прикрыть нишу в клубе картиной.

— Завтра же приступайте! — приказал он.

В каморке появились листы фанеры, тюбики с масляной краской, новые кисти.

«Папаша» загрунтовал фанеру, но работа у него не ладилась. Лица на картине получались одинаковые. Художник рисовал их, замазывал и снова рисовал. Особенно трудно давалось ему лицо женщины. Несколько дней стояла она в своем ярко нарисованном сарафане с темным пятном вместо лица. А начальник торопил. Он каждый день приходил к художнику, подолгу простаивал перед картиной и все больше хмурил брови.

— Понимаете, — оправдывался «папаша»,—трудно рисовать без натуры...

Начальник рассмеялся и погрозил пальцем:

— Понимаю, понимаю. Восемь лет без натуры трудновато. Завтра я предоставлю эту возможность.

За высокой стеной находилось женское отделе-

ние лагеря. Туда и повел начальник на другой день художника. Их сопровождали два надзирателя.

Когда мужчины вошли в барак, женщины, при виде начальника и надзирателей, встали, как по команде. Одна только продолжала сидеть на деревянных нарах, прикрытых серым одеялом.

— Почему не встаете? — спросил начальник.

— У меня погиб на фронте единственный сын. Я узнала об этом сегодня, — ответила та глухим голосом и посмотрела хозяину лагеря прямо в глаза. Не выдержав ее взгляда, начальник отвернулся и что-то шепнул надзирателю.

Что это был за взгляд! Художник никогда еще не видел такого: большие синие глаза смотрели прямо в душу. «Папаша», словно зачарованный, смотрел на простое лицо русской женщины, на седину, покрывавшую ее аккуратно причесанную голову, на большие, почти мужские руки, скрещенные на груди.

За долгие годы заключения «папаша» впервые почувствовал себя настоящим художником, полным прежних сил и вдохновения.

Каморка показалась ему настоящей мастерской. Он клал мазки и видел, как на темном пятне начинают проступать знакомые, навсегда запомнившиеся черты. Первыми ожили глаза. Они брызнули в каморку негасимым светом веры, озарили всю ее от пола до низенького потолка. Казалось, этот свет проникает сквозь каменные стены и расходится далеко-далеко за лагерную черту.

— Это что такое? — закричал начальник на художника, когда увидел картину готовой. — Сейчас же замазать! Не хватало еще арестантских морд на картине.

Уходя, он приказал немедленно замазать лицо и нарисовать вместо него другое. Но художник не мог сделать этого. Он несколько раз брался за кисть и в отчаянии опускал руку.

«Не делай этого», — просили глаза с картины. И просьба оказалась сильнее приказа.

— Хорошо! Будем действовать другими метода-

ми, — пригрозил начальник и посадил художника в карцер.

В каморку «папаша» вернулся через десять дней. За время его отсутствия картина покрылась тонким слоем пыли. Художник осторожно стер ее, и снова лучистым светом блеснули глаза женщины.

К «папаше» начальник больше не приходил. Он просто вызвал старика к себе в кабинет.

— Не передумали?

— Нет!

Начальник нажал на белую пуговку звонка, и «папашу» снова увели в карцер.

Оттуда он вернулся в общий барак в сопровождении надзирателя.

— Кончилась твоя аристократическая жизнь, — не то жалея, не то злорадствуя, сказал он старику.

На утро «папаша» вместе со всеми строился в колонну. Не было уже на его затылке венчика пушистых седых волос.

Конвоиры тщательно считали заключенных, тыча пальцами в затылки.

— Сегодня, кажется, на одного прибавилось, — заметил один из них.

Колонна проходила мимо каморки. Дверь в нее была раскрыта настежь. Двое заключенных из кухонного блока бросали в бывшую мастерскую художника кочаны капусты...

И вдруг на миг Рудометов увидел свет глаз той женщины здесь, в кромешной тьме каменного мешка.

— Юра, постучи еще, — попросил он и попытался приподняться.

— Лежите, лежите, — придержал его Огонек, осторожно опуская забинтованную голову Владимира Николаевича на глыбки угля.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук... — застучал снова топор.

Владимир Николаевич молчал. Крепко стиснув зубы, он считал глухие удары. Раз, два, три, четыре...

Семь ударов — и короткий перерыв.

Семь ударов — и короткий перерыв.

Люди, вы слышите? Седьмой уступ живет!

8

Больше суток пробивались шахтеры к пятому уступу, а он оказался безмолвным и пустым, как те четыре, что остались позади.

— Чертовщина какая-то!—выругался Мороз, растирая затекшие руки.

Михаил Глушко косо посмотрел на товарища, но ничего не сказал. Немного помолчав, спросил у всех:

— Может быть, устали, ребята?

Керим закрутил головой, отнекиваясь. Он хотел сказать об этом, но испугался, что бригада по голосу поймет, как он устал, и отправит на поверхность.

Петр усмехнулся.

— Меня, что ли, в виду имеешь? Я, брат, столько же угля переверну и не охну.

Сазонов промолчал. Некогда было шахтеру отвечать на вопрос бригадира. В гезенке его ждал отбойный молоток и пятнадцать минут напряженного труда. Потом он поспит сорок пять минут на каменистой почве штрека и снова поднимется по узкому темному лазу к пласту, будет крушить его, пробивая дорогу к друзьям.

Глаза у Керима слипались, но он делал вид, что бодрствует. Пил лимонад и даже рассказал анекдот о том, как Молла Насреддин просил ночью у жены очки, чтобы хорошенько рассмотреть снившийся сон.

— Тебе тоже скоро очки потребуются, — поддел рассказчика Петр.

Керим сделал вид, что не расслышал подковырки и, быстро сориентировавшись, начал рассказывать новый анекдот:

— Один раз у Моллы спросили: кто старше — брат или он. Молла немного подумал и ответил: «В прошлом году отец говорил, что брат старше меня на год. Так что мы теперь с ним ровесники».

— В твой огород камешек, — заметил Глушко.

— При чем тут я? — удивился Петр.

— С Керимом ровесником стал. Не отстает парень от тебя, хоть и моложе лет на десять тебя.

Керим с благодарностью посмотрел на бригади-

ра. Хороший он человек. Жаль только, жену плохую выбрал. А сказать ему об этом пока нельзя. Плохо может получиться. Юрку надо спасать. Но Керим обязательно скажет Михаилу об этом. Вот найдут Юрку с Рудометовым и скажет. Нельзя, чтобы такого человека жена обманывала. Кериму даже стало стыдно за то, что он сначала плохо подумал о Глушко. За сорок часов совместной работы молодой шахтер убедился в его честности и самоотверженности. Если бы Глушко знал об измене жены, то и тогда, пожалуй, не ушел бы из штрека, не выпустил из рук отбойного молотка. От этих мыслей Кериму становилось неловко. Он старался не смотреть в глаза бригадиру, потому что чувствовал вину перед ним.

Из гезенка вернулся Сазонов. Хлебнув лимонада, он растянулся на каменной почве штрека и мгновенно заснул.

Его место в гезенке занял Керим. Снова заклубилась черная пыль и полетели за ворот спецовки колючие кристаллики угля. Руки прикипели к отбойному молотку, и все тело слилось воедино с этим умным инструментом. Казалось, не сжатый воздух,— горячая человеческая кровь вгоняет в угольный пласт его острую, бешено вибрирующую пику. Керим рубил и рубил. Передохнув, приложился ухом к пласту и замер в ожидании.

Тук-тук — донеслось откуда-то издалека.

Может быть, в ушах его продолжает стоять рокот отбойного молотка? Может быть, это стучит сердце?

Нет, это не рокот отбойного молотка, не стук сердца. Это говорит земная твердь. Это люди подают весть о себе. Это они посылают позывные в кромешный мрак подземного царства.

Керим прислушался. Сомнений больше не было.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук—стучалось в его ухе. Семь ударов и тишина. Странная тишина. Но она была недолгой.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук — снова заговорил пласт. Семь ударов — и тишина.

Сердце в груди Керима бешено колотилось. Он

хотел крикнуть, но поперхнулся угольной пылью. «Живы, живы», — пела в нем каждая клеточка тела. Не помня себя от радости, Керим ринулся вниз. Шершавая почва пласта сдирала кожу с ладоней, сбивала колени, но он не чувствовал этого. Спрыгнув в штрек, Керим закричал как сумасшедший:

— Стучат! Стучат! Седьмой уступ стучит!

Михаил бросился к гезенку, а Петр Мороз, облапив Керима, начал тискать его, приговаривая:

— Стучат, а? Вот черти!

— Стучат! Стучат! — повторял Керим, стараясь вырваться из медвежьих объятий Петра.

Отпустив Керима, Мороз пнул в бок Сазонова, закричал у него над самым ухом:

— Вставай, ты, чертяка этакий! Из седьмого уступа стучат!

Николай вскочил как ужаленный. Поняв, в чем дело, принялся плясать, как мальчишка. Это получалось у него неуклюже, зато искренне.

— На поверхность надо сообщить, — спохватился Федор Петрович. — Звякни-ка, Керим, главному.

Виктор Лаврентьевич тоже не спал вторые сутки. Через каждый час он звонил на нижний штрек, справлялся о ходе спасательных работ, докладывал о них в трест. На других участках работа шла своим чередом, но сейчас она мало интересовала главного инженера.

— Потом, потом, — говорил он начальникам участков, когда те приходили к нему по какому-нибудь вопросу. Чуть не поругался с редактором многотиражки. Тот пришел, чтоб проконсультироваться с главным инженером, как лучше подать материал о работе Михаила Глушко, возглавляющего бригаду по спасению шахтеров, попавших под обвал.

— Не стоит об этом писать, — поморщился Виктор Лаврентьевич.

— Почему? — удивился редактор.

— Еще неизвестно, чем все это кончится.

— Но ведь люди работают, самоотверженно работают.

— Однако писать не советую. На шахте знают об этом и без газеты.

— А если я напишу в центральную?

— Да вы с ума сошли! — воскликнул Круглов. — Шахту опозорить хотите?

— Какой же это позор? Обвал — не позор, а стихийное бедствие. Наши люди борются со стихией и побеждают ее, — пытался доказывать редактор, но главный стоял на своем.

Разговор Круглова с Заниным был прерван резким телефонным звонком. Виктор Лаврентьевич схватил трубку, и по его лицу Занин понял, что случилось долгожданное: люди найдены.

Это звонил Керим из шахты. Волнуясь, он кричал в телефонную трубку:

— Товарищ главный инженер, седьмой уступ стучит! Семь раз стучит!

— Хорошо. Очень хорошо! Сейчас буду в шахте, — крикнул в ответ Круглов и, облегченно вздохнув, опустил трубку на рычажки старого аппарата. — Слыхали? — спросил он у редактора. — Седьмой уступ стучит! Понимаете, что это такое?

— Понимаю!

— Тогда поехали в шахту, — решительно сказал Круглов и взял редактора под руку. — Побеседуете с ребятами на месте. На ходу приказал секретарю срочно вызвать на шахту две машины скорой помощи.

Через несколько минут Круглов с Заниным были на нижнем штреке аварийного участка. А еще несколько минут спустя весть о том, что седьмой уступ стучит, катилась по шахте и к поселку.

Вера Павловна Рудометова, измученная бессонницей и тревогой, плакала от радости на плече дочери. Леночка никак не могла успокоить ее. Напрасно она стирала слезу с лица матери, напрасно гладила ее поседевшие волосы...

Увидев санитарные машины, подъезжающие к шахтному копру, Рудометова разрыдалась еще сильнее.

Около машин суетились люди в белых халатах.

Они расправляли брезентовые носилки, о чем-то тихо говорили между собой.

Катюша вся встрепенулась, когда услышала о седьмом уступе.

Она два дня готовилась к этой вести, и все-таки дрогнуло сердце, забилось часто-часто.

«Идти на шахту или нет?» — лихорадочно думала она, одеваясь. Еще несколько часов назад Катя твердо решила оставаться дома, а теперь... Что делать теперь?

Сладко посапывал в своей кроватке Вовка. На его лице блуждала счастливая улыбка. Наверно, мальчишке снился какой-то очень хороший сон. Может быть, в этот миг он вел к голубой звезде свой космический корабль. Может быть, рвал яблоки на далекой неведомой планете, где в зеленом небе плавают оранжевые облака, а под яблоней растет фиолетовая трава и цветут черные цветы. Во сне Вовка часто летает.

— Растет парень, — говорит бабушка.

Катя наклонилась над мальчишкой. Вчера ночью он долго не мог заснуть, все спрашивал: скоро ли вернется отец? Просил взять с собой на шахту, чтобы встретить его.

— А чего его встречать? Он и сам придет, — отговаривала Катя, но мальчишка не унимался:

— Он рад будет, если мы вместе придем.

Ресницы у Вовки дрогнули. Уж слишком пристально смотрела Катюша на мальчишку.

— Нашли шахтеров? — спросил он, вскакивая.

— Нашли, сынок, нашли.

— Ура! — захлопал Вовка в ладоши и принялся натягивать штанишки.

— Сейчас пойдем отца встречать, — тихо сказала Катя.

9

Дышать становилось все труднее и труднее. Для двоих людей, замурованных в кутке, не хватало

воздуха, скупо просачивающегося сквозь каменные глыбы завала. Тяжело дышал Рудометов, будто в его легкие поступал не воздух, а густой тягучий деготь. Слушая это прерывистое дыхание, Огонек обреченно закрыл глаза. Все тело болело, кружилась голова. Где-то высоко плавали зеленые круги. Столкнувшись, они разбивались, разбрасывая во все стороны дождь разноцветных осколков. Осколки эти мигали, как звездочки в темном небе, гасли и снова вспыхивали.

— Юра, — позвал Рудометов.

Огонек не отозвался. Ему ничего не хотелось: ни говорить, ни стучать, ни думать.

— Юра! — крикнул Владимир Николаевич.

Огонек нехотя ответил:

— Ну, что?

— Почему молчишь?

Рудометов с трудом придвинулся к Огоньку.

— Рано ты крылья опустил. Молодой, а на поверку — слабачком оказался.

— Ах, отстаньте,—сказал Огонек и отодвинулся.

Владимир Николаевич не удивился этому. Нервы у парня сдали. Значит, надо стучать самому. Превозмогая боль, он пошарил вокруг себя, отыскивая топор. Под руку попадались острые куски породы и угля, щепки обаполов. А вот и топор. Почему он такой тяжелый?

Тук-тук-тук — слабо звякнуло в кутке. Огонек не шевельнулся.

Тук-тук—послышалось еще тише и беспомощнее.

От этих тук-тук Огоньку вдруг стало больно, словно Рудометов стучал не в угольный пласт, а в его, Юркино, сердце. Метнувшись на звук, он вырвал из рук Рудометова топор и яростно забарабанил в пласт:

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук.

Теряя сознание, Рудометов подумал: «Что это стучит? Ах, да! Это стук в дверь».

— Вам письмо, — говорит кто-то и протягивает фирменный конверт. Буквы прыгают в глазах: «Дело по обвинению Рудометова Владимира Николаевича

пересмотрено судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР... Приговор военного трибунала отменен. Дело прекращается за отсутствием состава преступления. Рудометов Владимир Николаевич по данному делу реабилитирован».

— Правда все равно победит! Партию нельзя долго обманывать, потому что партия—это народ,— говорит старик и глаза его вспыхивают живым неистребимым огнем.

— Счастье-то какое! — сквозь слезы повторяет Вера.

Леночка и Ленька непонимающими глазами смотрят на мать.

Тук-тук-тук-тук... Это стучит сердце.

— Поздравляю! — говорит секретарь райкома и протягивает новенький партийный билет.

Рудометов помнил наизусть номер своего старого партийного билета. Номер нового — другой, намного больше. Растет партия!

— Растет и крепнет! — отвечает секретарь.

...Огонек еще несколько раз стукнул в пласт и, тяжело дыша, опустил топор. Все это было бесполезно. Никто не услышит. Никто не придет сюда. А если и придут, то будет уже поздно. Прижавшись щекой к пласту, он замер в изнеможении. В ушах гудело. Откуда-то издалека в этот гул начали вмешиваться посторонние звуки. Сначала Юрий не обратил на них внимания, но прислушавшись повнимательней, угадал в них стук отбойного молотка.

«Слуховая галлюцинация»,—подумал он и, тряхнув головой, снова приложился к пласту. Там рокотал отбойный. Сразу перехватило дыхание, застучала в висках кровь.

— Идут, идут! — заорал он и бросился к Рудометову.

Владимир Николаевич очнулся от этого крика. Собрав остаток сил, он подполз к пласту и уронил на него голову.

Тук-тук-тук — отозвался пласт.

С каждой минутой рокот становился все громче и отчетливее. Огонек, не помня себя от радости,

схватил топор и начал рубить пласт. Ему хотелось скорее сокрушить преграду, отделяющую его от людей. Лезвие звенело и отскакивало. Уже не нужно было прикладываться ухом к пласту. Отбойный молоток рокотал совсем рядом. С пласта посыпались в куток куски угля, а потом из него вырвался тонкий лучик света. Прорезав темноту, он задрожал на смолистой коре стойки.

— Сюда, сюда! — кричал Огонек.

— Живы? — спросил Михаил, проталкиваясь в отверстие, прорубленное в пласте.

— Живы, живы, — бормотал Юрий, обнимал Михаила, ощупывал его, словно желал убедиться в том, что перед ним живой человек, а не призрак.

Рудометов хотел подняться, но не смог. Он только прижал к груди руку Михаила и с благодарностью посмотрел ему в глаза. Потом перевел взгляд на Юрия и легонько кивнул головой, будто говорил: «А ты не верил, что за нами придут».

— Сам сможешь в штрек спуститься? — спросил Михаил у Огонька.

— Смогу!

Огонек все сможет. Ему теперь ничего не страшно, все под силу.

— Тогда помоги мне Владимира Николаевича на штрек доставить, — попросил Глушко.

Шахтеры бережно подняли Рудометова и понесли к узенькому лазу, уходящему в глубь пласта. Это была дорога к свету, к жизни.

10

Вера Павловна с волнением смотрела на шахтный копер, на шкивы, замершие на его вершине. Сейчас закрутятся они в разные стороны и взметнется из шахты клеть со спасенными шахтерами. Не только Рудометова смотрела на эти шкивы. С них не спускала глаз Катюша Глушко. На них смотрел Вовка и сотни людей, толпившихся в шахтном дворе.

Шкивы качнулись, и двор выдохнул в один голос:

— Везут!

Показались люди с носилками. Вера Павловна бросилась к ним и замерла, увидев мужа. Рудометов лежал, протянув вдоль носилок свои большие черные руки. Глаза были закрыты, голова перебинтована.

— Володя! — не своим голосом крикнула женщина и упала на колени перед носилками.

Услышав крик жены, Рудометов открыл глаза и виновато улыбнулся. Попытался поднять руку, но она бессильно упала на брезент носилок.

— Хорошая ты моя, — прошептал он.

Кроме Веры Павловны, этих слов никто не услышал.

Носилки скрылись в чреве санитарной машины. Без конца сигналя, она начала пробиваться к воротам.

— Скорее, скорее, — умоляла Вера Павловна шофера.

— Не волнуйтесь, — успокаивал ее врач. — Все будет хорошо.

Катя ждала, когда из клети вынесут вторые носилки, но они так и не показались. Огонек шел к санитарной машине, опираясь на плечо Керима.

Увидев его, Катюша больно сжала Володькину руку.

— Что ты делаешь, мама? — воскликнул испуганно мальчишка.

Юрий заметил Катюшу, но не улыбнулся ей, не помахал рукой, только подумал: «Хорошо, что с Вовкой пришла. Значит, не меня, а Михаила встречает».

Когда санитарная машина с Юрием скрылась за воротами, Катюша облегченно вздохнула.

Потом из шахты выехали Круглов, Чубарь, Михаил, Петр Мороз и Николай Сазонов. Михаил шел впереди, держа в руке фибровую каску. Лицо и волосы его были черные. Только две залысинки белели на лбу.

— Папка! — крикнул Вовка и, расталкивая острыми локотками людей, бросился к отцу.

— Наш пострел везде поспел! — проворчал на

него Федор Петрович, но Вовка не слушал деда, тараторил:

— А мы с мамой пришли. Вон она стоит.

Михаил повернулся, и Катюша поняла, что это ее ищет он глазами в толпе. Не раздумывая, она решительно шагнула на зов его уставших глаз. Счастливые слезы подступали к горлу, застилали глаза.

— Миша! Дорогой! — шептала она и прижималась к широкому надежному плечу мужа. Угольная пыль сыпалась со спецовки на ее русые волосы, на белую шерстяную кофту.

— Не надо, Катюша, — попросил Михаил и легонько сжал ее плечо.

В этот момент их сфотографировал Занин.

— Для газеты, что ли? — спросил у него Круглов.

— Иллюстрация к будущему очерку, — ответил редактор.

— Все-таки будете писать?

— Обязательно.

— А под снимком напишете: «Любящая жена встречает мужа-героя, вырвавшего из каменного плена двух товарищей-шахтеров»?

— Может быть, так, а может быть, как-нибудь поиному.

Шахтный двор начал пустеть. Снова закрутились на копре шкивы, загремели вагонетки на эстакаде, загудел на подъездных путях маневровый паровозик, настойчивым баском требуя угля.

На первый взгляд ничего не изменилось на шахте. А так ли это?

11

Заложив руки за голову, Огонек, не мигая, смотрел в белый потолок больничной палаты. Ему не хотелось ни пить, ни есть. На тумбочке давно остыл чай с лимоном, покрылась коркой манная каша. «Зачем они меня тут держат?» — со злостью думал он.

В соседней палате лежал Владимир Николаевич.

Оттуда доносился приглушенный голос Веры Павловны:

— Дома все в порядке.

Слов Рудометова Огонек не расслышал.

Потом опять заговорила Вера Павловна:

— Я чуть с ума не сошла, когда услышала про обвал.

— Молодец ты у меня, — ответил знакомый голос. — Если бы не Михаил Глушко...

Огонек повернулся к стенке и накрыл голову подушкой.

— К вам товарищи пришли, — услышал он третий голос.

В дверях палаты стояла медицинская сестра.

— К вам товарищи пришли, — повторила она.

— Впустите их, пожалуйста, сюда, — попросил Юрий.

— Это можно.

Керим не вошел, а влетел в палату. Длинный белый халат, накинутый на узкие плечи, развевался, как крылья птицы.

— Почему грустный? — сразу же с места в карьер начал он предъявлять претензии к другу. — Жив, здоров — радоваться надо.

— На душе, Керим, горько.

— Понятно, — протянул с расстановкой Керим и заходил по палате, размахивая полами халата.

— Ты мой друг? Друг. Уважаешь меня? Уважаешь. Скажи, когда тебя отсюда выпишут?

— Обещают дня через два.

— Так вот слушай, что я тебе говорить буду! Уезжать тебе надо. Как ты будешь в глаза Мише смотреть?

— Думал я об этом.

— Ну и что?

— Люди скажут: испугался Огонек обвала, убегает с шахты...

— Ну, ну, думай! Хорошо думай, — посоветовал ему Керим.

...За окном хозяйничала осень. Почти оголенные деревья низко гнулись под холодным ветром. Дож-

динка стукнула в оконное стекло и потекла по нему, оставляя извилистый след.

Еще одна дождинка оставила след на стекле. За ней другая, третья... И вот уже сплошным потоком они забарабанили в окно:

Тук-тук-тук...

ОБЕЛИСК В СТЕПИ

Вот и снова идет весна по донецкой степи. Идет, спешит, словно девчонка на первое свидание. Солнечная улыбка играет на ее лице, зеленые ленты трав переливаются в темных косах, небесная голубизна плавает в больших бездонных глазах.

— Смотрите, какая я красивая, — кричит она звонким голосом.

До чего же щедра эта девчонка-весна! Разноцветными огнями цветов греет она промерзшую за зиму землю, в яркий зеленый наряд одевает ветви деревьев, возвращает из дальних заморских стран пернатых певцов, бескорыстно делится своей молодой, безмерной любовью.

Повсюду чувствуется ее ласковое дыхание. Оно струится в небе, стелется по зеленой степи, проникает глубоко под землю. Заработает на поверхности

шахтный вентилятор, погонит по подземным выработкам свежий духмяный воздух, и расправит уставший углеруб плечи, вдохнет полной грудью, скажет:

— Весна!...

Настежь распахнулись окна в шахтерских домиках, и гуляют в них волглые сквозняки, хлопают тюлевые занавески, сдувают легкую пыльцу с листьев герани.

А ночью в небе вспыхивают далекие звезды. Они мигают, словно маленькие светофоры на бесконечных дорогах вселенной, переговариваются между собой на звездном языке, непонятном людям. И жадно тянутся в небо деревья, пьют хмельную влагу земли. Они чуть слышно раскрывают тугие почки, выбрасывают в тревожную тишину клейкую листву и робкие лепестки цветов.

Наутро не узнать деревьев. Будто невесты, стоят в садочках молоденькие яблони. Зелеными чубами кивают им через низенькие дощатые заборы клены, будто приглашают красавиц выйти погулять на широкую весеннюю улицу.

Замирает сердце у девчат. Они подолгу стоят перед зеркалом, всматриваются в свои слегка затуманенные глаза, заламывают руки в сладком предчувствии неизведанного счастья.

— Какое оно?..

Легкий ветерок будто невзначай тронет упругую девичью грудь и стремглав убежит в зеленую степь. А девчатам кажется, что это не ветер, а озорной шахтерский парнишка коснулся груди горячей нетерпеливой ладонью.

Хочется петь. Не потому ли с рассвета и дотемна щебечут на кленах неугомонные скворцы? Не потому ли до поздней ночи перекатываются хрустальные горошинки в тонких горлышках соловьев?

Много стежек-дорожек уходят из шахтерского поселка Кленовки в широкую неоглядную степь, уходят туда, где зеленеет сочная трава и вспыхивают багровые искры маков-недотрог. Ходят по этим стежкам-дорожкам молодые ноги, приминают молодую траву, гасят пламя маков.

Вечерами, когда в небе плывет желторогий месяц, степь замирает. Каждой травинкой, каждым лепестком прислушивается она к перестуку молодых сердец, к шепоту горячих губ.

— Любишь?

— Люблю.

— У нас будет сын...

Еще совсем недавно гудел здесь жаркий бой, вставала дыбом земля, стонала под ударами железного грома, корежилась под гусеницами танков.

А теперь у степной дороги стоит невысокий обелиск с пятиконечной звездой, вырубленной кем-то из листового железа.

Идут годы...

Не идут, а стремительно летят они над землей в блеске солнца, в малиновых зорях, в свисте осенних ветров, в шелесте золотого листопада, в грозах и метелях.

Летят годы...

Залечила земля раны, нанесенные войной, разгладила на лице своем глубокие морщины окопов и траншей, стряхнула с древней головы седой пепел пожарищ.

Когда-то росла в степи одинокая акация. Огонь войны сжег ее дотла, присыпал горячим порошком золы корни дерева. Но прошли дожди. Они остудили золу, напитали корни погибшего дерева живительной влагой, и выбросило оно к солнцу первый росток. За ним другой, третий...

Снова шумит в степи акация. Гудят над ней пчелы, собирая с воскресших цветов чуть горьковатый нектар.

Летят годы...

Высохли слезы на глазах вдов, в новой любви нашли утешение невесты погибших. Только матери продолжают ждать.

Выросли сыновья. Они стоят уже у полковых знамен, под которыми умирали их отцы. Давно служат в армии ребята, рожденные в первые годы войны.

Как быстро летит время!

Желторогий месяц плывет над обелиском...

Каждой травинкой, каждым лепестком прислушивается весенняя земля к перестуку молодых сердец, к шепоту горячих губ.

— Любишь?

— Люблю.

У НАС БУДЕТ СЫН

— Петя, у нас будет сын, — счастливо и немного смущенно прошептала Леночка, прижимаясь к теплому плечу мужа.

Молодая женщина давно уже почувствовала, как толкнул ее ножкой под сердце маленький, но все стеснялась сказать об этом Петру. Она тайком от мужа сшила байковые распашенки, купила в гарнизонном универмаге пинетки из мягкой кожи.

— Петя, ты слышишь?—спросила Леночка в темноту и снова ничего не услышала в ответ, кроме тихого ровного дыхания мужа. «Спит», — подумала она и заботливо поправила колючее солдатское одеяло, сползающее с кровати. «Устал за день, намаялся на учениях с бойцами».

Из-за легкого облачка показалась луна. В комнате сразу стало светлей. Бледные лучики побежали по стенам, заиграли на никелированной спинке кровати. В призрачном лунном свечении стала угадываться немудреная обстановка: стол, шкаф с круглым зеркалом, два стула с гнутыми спинками. На одном из них лежало обмундирование Петра. На рукаве гимнастерки поблескивал узкий лейтенантский угольник. Из-под кровати выглядывали круглые носки сапог.

«Утром надо почистить их»,—подумала Леночка.

Она любила, чтобы ее муж всегда выглядел молодцевато и подтянуто. Ей нравилось, когда новенький командирский ремень с медной звездочкой плотно облегал его стройную талию, собирая в мел-

кие ровные складочки гимнастерку. Нравилось, когда поблескивали на солнце его хромовые сапоги.

Вот лежит он рядом — ее муж лейтенант Петр Барсуков. Спит, как мальчишка, подложив под щеку ладонь, и чуть слышно посапывает. И ничегошеньки он пока не ведает. Не знает, что скоро у него будет сын, такой же курносый, как отец. Леночке вдруг захотелось среди ночи растормошить мужа, разбудить его поцелуями, закружить по комнате, как когда-то на школьном выпускном вечере. И все-таки будить мужа было жалко. Слишком уж сладко он спал после напряженного дня.

«Скажу завтра», — решила она и, поудобнее вдавив голову в подушку, закрыла глаза. Но сон не шел к ней.

Муж... Как-то даже немного странно — Петя Барсуков ее муж. А ведь совсем недавно они вместе ходили в школу, сидели за одной партой, бегали на Волгу купаться.

Вечерами в парке над Волгой зажигались огни. Сотни людей гуляли по его широким аллеям, сидели на скамейках под матовыми плафонами электрических фонарей, о чем-то говорили и громко смеялись. Они же, не сговариваясь, сворачивали в боковую аллейку и шли туда, где на краю обрыва жалась к раскидистому дубу одинокая скамейка. Внизу плескалась ночная Волга. Когда по ней проплывал озаренный огнями пароход, тяжелые волны начинали катиться к берегу, ударяться о борты лодок, прикованных железными цепочками к бревенчатому причалу. Цепочки легонько звенели.

Каждый вечер в парке до одиннадцати часов играл духовой оркестр. Когда он смолкал, Леночка поднималась со скамейки и нехотя снимала со своих плеч Петин пиджак.

— Мне пора. Мама ругать будет, — говорила она.

Петр не возражал. Он только глубоко вздыхал и принимался молча целовать чуть припухшие горячие губы Леночки.

Потом он уехал в военное училище. Почти каждый день приходили от него письма. Они и сейчас

хранятся у Леночки в чемодане. Хорошие письма. Когда вырастет сын, можно будет дать ему почитать. Конечно, только кое-какие. Сыну не обязательно знать все тайны родителей.

Леночка улыбнулась этой мысли и постаралась представить, каким будет сын. Ей очень хотелось, чтобы он непременно был похож на Петра. Только глаза у него пусть будут ее, Леночкины, большие, карие, с длинными изогнутыми ресницами. Ведь это очень красиво: русые волосы и карие глаза.

Маленький легонько шевельнулся под сердцем, будто почувствовал, что мать думает о нем.

«Кровинка ты моя», — прошептала Леночка и осторожно повернулась на другой бок, чтобы не разбудить мужа.

Но уснуть она так и не смогла. Снова полезли в голову разные мысли, замелькали в памяти картины недалекого прошлого.

Вот идут они с Петром по улице родного городка. Знакомые девчата с завистью смотрят вслед. Петр — в новенькой военной форме. То и дело посматривает он украдкой на петлицы, окантованные золотом, то на угольники нарукавных знаков отличия. В первый раз идут они по городу как муж и жена. Можно пойти в парк, посидеть на знакомой скамейке, послушать духовой оркестр и не надо говорить в одиннадцать часов вечера:

— Мне пора, мама ругать будет.

На другой день они уезжали в маленький пограничный гарнизон, к месту службы Петра. На душе радостно и немного тревожно.

Проводить молодоженов в далекий путь пришли родители, школьные друзья. Отец Петра, плотник с цементного завода, кашлял в ладонь, говорил степенно:

— Смотри, товарищ лейтенант, службу неси исправно. Сам знаешь, какое сейчас время. Война по Европе гуляет. Не ровен час, и к нам заглянет.

— У нас с Германией договор о ненападении, — отвечал Петр. — А если сунутся — быстро скулы свернем.

— Скулы-то и у нас есть, — вздыхал плотник и с грустью смотрел на хорохористого сына.

Мать Петра, то и дело вытирая заплаканные глаза, советовала:

— Живите дружно, мои деточки. Не обижайте друг друга.

Леночкина мать поддакивала, хотя ей и не очень хотелось отпускать от себя единственную дочь. Но что поделаешь, если дочь выросла, если вот этот парнишка в лейтенантской форме стал для нее дороже матери. Такова уж судьба матерей. Родить, нянчить, пестовать детей, провожать их неведомо куда, изредка получать письма от них...

Когда дежурный по вокзалу ударил в медный колокол, мать бросилась целовать Леночку, словно прощалась с ней навсегда.

— Устроимся — к нам приедешь, — успокаивала Леночка мать.

Но вот локомотив выдохнул на перрон белое облако пара и легонько толкнул вагоны. Звякнули буфера.

Последние поцелуи, последние пожатия рук.

— До свидания! — кричала Леночка с вагонной площадки и махала рукой оставшимся на перроне.

Петр помахивал своей новенькой фуражкой. На лакированном козырьке играл солнечный зайчик.

За окном проплыла Волга, песчаный пляж, промелькнули аллеи городского парка.

До свидания, город детства, город первой любви!

В пограничном городке молодоженам дали квартиру. Вот она, эта маленькая комнатка, залитая лунным светом... Не беда, что нет в ней хорошей мебели, а в шкафу висит всего лишь два ситцевых платьишка и старенькое демисезонное пальто. Не беда, что пока приходится брать у соседей кастрюли, чтобы сварить обед. Все будет со временем...

...Сон начал смыкать глаза, обволакивать туманной дымкой сознание. Из этого состояния Леночку вывел нежданно грянувший гром. «Жалость какая, —

подумала она, — завтра мы с Петей собирались сходить в лес за цветами, а тут на тебе — дождь».

Гром повторился. Его раскаты становились все громче и громче. Леночка натянула одеяло на голову: она с детства боялась грозы.

Гром не утихал. Он уже перешел в сплошной, непрерывный грохот. Леночка в испуге вскочила с кровати и зажмурила глаза от яркого света, хлынувшего в комнату. Проснулся и Петр. Спросонок он тоже ничего не мог понять.

Гром продолжал греметь. В комнате метался багровый свет, не похожий на вспышки молний.

Барсуков принялся быстро натягивать на себя гимнастерку, галифе, сапоги. Сапоги были узкие и никак не хотели налезать на ноги.

— Мне нужно в часть, — крикнул он с порога Леночке и распахнул дверь.

В это время страшный взрыв потряс весь дом. Посыпалась с потолка штукатурка, зазвенели выбитые стекла.

— Это война! — крикнула Леночка.

— Сейчас же иди в бомбоубежище! — приказал ей Петр и со всех ног бросился бежать к штабу, над которым уже полыхал огонь.

«Это война, это война», — лихорадочно думал Петр, сжимая рукоятку пистолета. Высоко в небе гудели чужие, не видимые с земли самолеты, да била из-за реки тяжелая артиллерия.

Около казарм метались командиры, собирая бойцов.

— К берегу! К берегу! — кричал осипшим голосом командир батальона капитан Шубин и зачем-то стрелял в воздух из своего маленького пистолета. В грохоте разрывов его выстрелов не было слышно.

Вдоль реки были вырыты окопы. Бойцы прыгали в них, занимали оборону. Барсуков лихорадочно смотрел на противоположный берег. В предутреннем тумане там сосредоточивались для удара тяжелые танки. Было слышно, как рычат их моторы.

«Будут наводить переправу», — подумал лейтенант и приказал:

— Приготовиться к бою!

О жене он вспомнил лишь тогда, когда сделал первый выстрел по врагу.

А Леночка в это время в одном легком халатике, накинутом на ночную сорочку, в комнатных шлепанцах на босу ногу, вместе с толпой бежала по пылающей улице городка. Языки пламени вырывались из окон, плясали над крышами. Гудело небо, стонала земля.

Шлепанцы слетели с ног, но Леночка не заметила этого. Она бежала вместе со всеми по булыжникам мостовой, падала и снова вставала, чтобы бежать дальше.

Люди бежали к вокзалу, чтобы втиснуться там в вагоны и вырваться из этого ада. Но было уже поздно. На железнодорожных путях зияли огромные воронки, высокими кострами пылали вагоны. Словно тяжелораненые звери, с ревом метались среди пламени и дыма паровозы.

Обезумевшая толпа снова ринулась в город. Люди бросали ненужные узлы и чемоданы, кричали, плакали, ругались... Женщины крепче прижимали к груди детишек, уставших от плача.

Плыл дымный рассвет. Хорошо были видны тяжелые бомбардировщики, кружащиеся над огненной чашей города. Они разворачивались и, стремительно пикируя вниз, освобождались от бомб. Перейдя на бреющий полет, строчили из пулеметов. Люди на мостовой падали и не поднимались больше. Леночка с ужасом смотрела на все это.

Где-то рядом завыл мотор. Леночка оглянулась и не успела даже крикнуть от страха. Что-то горячее, острое, как игла, пронзило ей грудь, бросило на булыжники мостовой. Она только успела с сожалением подумать о том, что не сказала Петру о сыне, и инстинктивно прикрыла руками живот, словно хотела защитить от смерти росточек новой жизни, трепетавшей в ее чреве.

ПТЕНЦЫ

Из-за кромки соснового бора медленно выползло яркое летнее солнце и принялось нещадно обстреливать тонкими лучами покрытую утренней росой землю. Росинки задрожали, заискрились на стебельках трав всеми цветами радуги. Зашевелила мокрыми усиками начинающая созревать пшеница.

Словно приветствуя восход солнца, зазвенели над полями жаворонки.

Семен Ткачук встал в это июньское утро раньше обычного. Нужно было скосить траву на делянке возле соснового бора.

Слава богу, колхоз выделил в этом году хороший участок. Будет зимой коровенка с сеном.

Наспех умывшись под глиняным рукомойником, Семен отбил косу на стальной бабке, провел по ней несколько раз мокрым бруском. Потрогав лезвие ногтем большого пальца, удовлетворенно причмокнул губами.

Услышав звон косы, из хаты выбежал сынишка Семена — десятилетний Грицко.

— Тату, и я с тобой пойду, — начал проситься он, потирая кулаками заспанные глаза.

— Спать тебе еще надо, — прикрикнул на него отец, но мальчишка не унимался.

— Хорошо, хорошо, — смилостивился отец. — Только не хнычь, да поесть собери что-нибудь.

Грицко мигом юркнул в хату. Вернулся оттуда с большим куском сала и краюхой хлеба. Сунув их отцу, сбегал в огород, нащипал с грядки зеленого сочного лука.

Семен бережно завернул все это в старенькое вафельное полотенце.

— Пошли, — сказал он сыну и перекинул через плечо косу.

Дорога к сосновому бору шла полем. Грицко бежал впереди, поднимая босыми ногами клубы густой желтой пыли, а Семен то и дело останавливался, трогал пшеничные колосья.

«Скоро убирать можно будет», — думал он, разжевывая сладкие, еще не созревшие зерна пшеницы.

Славный урожай выдался в этом году. Интересно, сколько зерна выдаст колхоз на трудодень?

Большая семья у Семена Ткачука. Трое детишек один другого меньше. Самый старший — Грицко, помощник отцовский. Вон как на работу торопится, аж пыль столбом стоит.

Вдоль бора росла, вперемежку с цветами, высокая, густая трава.

Кое-кто из мужиков уже успел скосить свои делянки. Скошенная трава сушилась под солнцем. От нее пахло дурманящим ароматом мяты, клевера, ромашки, мышиного горошка...

У Семена закружилась голова от этого запаха.

Присев под высоченную сосну, он достал из кармана кисет с самосадом, закурил. Горький дымок, выпущенный из ноздрей, заклубился в его прокуренных усах.

А мальчишке не сиделось на месте. Он кувыркался в росистой траве, бегал за бабочками. Из-под его ног неожиданно выпорхнула перепелка. Хлопнув крыльями, она опустилась неподалеку.

— Тату, тату! — закричал Грицко. — Иди сюда, я гнездо нашел.

Семен подошел к сыну и раздвинул траву у его ног. В гнезде копошились еще голенькие птенцы. Они жалобно пищали, раскрывая клювики, окаймленные желтой пленкой. Рядом с гнездом валялась серая яичная скорлупа.

«Недавно вывела», — подумал Семен, прикрывая гнездо травой.

— Давай их домой возьмем, — предложил Грицко и потянулся к птенцам.

Отец, сердито посмотрев на него, спросил:

— Тебе их не жаль?

— А чего их жалеть, — засмеялся Грицко и снова потянулся к гнезду.

— Мы сейчас вот что сделаем, — проговорил Семен и в раздумье посмотрел вокруг.

Увидев куст жимолости, растущий посреди буйной травы, он осторожно взял гнездо с птенцами и понес его к нему. Раздвинув траву под кустом, Семен ударом каблука сделал в сырой земле вмятину и осторожно опустил в нее гнездо. Птенцы продолжали пищать.

— Идем отсюда, — сказал он сыну и пошел прочь от куста. — Только не подходи к ним больше, мать сама их найдет.

— Ладно, — нехотя согласился Грицко.

Затоптав окурок, Семен снял косу с сучка сосны, поплевал на ладони и, широко размахнувшись, опустил острую «литовку» в разнотравье. Скошенная трава покорно легла к его ногам.

— Вжик-вжик, — пела коса.

Грицко с интересом наблюдал за работой отца. Оказывается, это совсем просто — косить траву.

— Тату, дай я попробую, — попросил мальчишка.

Отец повернулся. Тяжело дыша, стоял он опершись подбородком на косовище.

— Дай я попробую, — еще раз попросил Грицко.

— Ну что ж, попробуй, — улыбнулся отец и показал, как правильно держать косу.

Мальчишка крепко вцепился в деревянную дужку, пристроенную на середине косовища, и взмахнул косой, во всем стараясь подражать отцу. При первом же взмахе коса клюнула носком в землю и не двинулась с места.

— Вот так надо, — подсказал отец, поправляя косу в руках сына, — пятку к земле прижимай.

С помощью отца Грицко скосил первую полоску. Получилась она неровной. Местами трава была скошена под самый корень, а местами торчала высокой колючей щетиной.

— Ничего, научишься, — успокаивал молодого косаря отец.

Солнце уже стояло высоко.

— Может быть, пообедаем? — предложил уставший и счастливый Грицко.

— Можно и поесть, — согласился отец. — Мы с

тобой сегодня славно поработали. Без тебя я, наверно, не справился бы.

Грицко гордо выпятил грудь и с напускной важностью ответил:

— Конечно, одному трудно.

Отец довольно улыбнулся в усы. Растет хлопец, ничего не скажешь.

Обедали под сосной. Грицко за обе щеки уминал черный хлеб с салом, стараясь не отстать от отца. Наевшись, он повалился в траву и, посматривая в голубое небо, мечтательно, как взрослый, произнес:

— Теперь Зорьке на всю зиму сена хватит.

— Хватит, сынок, хватит, — так же мечтательно отозвался Семен и лег рядом с сыном.

Над ними плыли причудливые облака.

В село они вернулись в полдень. На околице Семена ошеломило страшное слово:

— Война!

— Какая война? С кем война? — срывающимся голосом спросил он у плачущей женщины.

— Гитлер проклятый напал! — кричала та, потрясая кулаками.

Семен стоял посреди улицы и от неожиданности не мог двинуться с места. Коса подрагивала на его плече.

— Тату, пойдем домой, — дергал его за рукав Грицко.

Мальчишка никак не мог понять, почему так испугался отец.

Такой большой и сильный и вдруг испугался. Подумаешь, велика важность — война! Это даже хорошо. Можно будет посмотреть, как стреляют настоящие пушки, как сражаются в небе самолеты. Грицко не раз видел войну в кино. Там это здорово получается. Музыка при этом играет веселая-превеселая, как на каруселях в Ольшане, куда Грицко недавно ездил с отцом.

Повесив косу под навес, Семен вошел в хату. Жена встретила его плачем:

— Пропали наши головушки, — голосила она, — Немец войной попёр.

Детишки жались к матери, теребили ее юбку, хныкали.

— Говори толком, — оборвал ее Семен и тяжело опустился на лавку под иконой.

Икона была большая, деревянная, засиженная мухами. Краска на ней кое-где облупилась, отчего святая дева Мария казалась рябой и некрасивой, похожей на сельскую сплетницу бабку Чижиху. Под иконой на тонкой цепочке висела лампада из синего стекла, которую давно никто не зажигал. Вместо масла на ее донышке лежал толстый слой пыли да несколько мух, подохших от ядовитого мухомора. Дева Мария осталась Ткачукам в наследство от бабки Петровны, умершей в прошлом году. Так и висит она в углу по старой традиции. На икону не молились, а клали за ее широкую доску разные справки да квитанции об уплате налогов.

— По радио объявляли, — продолжала голосить жена. — Киев бомбили и еще какие-то города.

— Перестань реветь, — прикрикнул Семен на жену и стукнул кулаком. На столе подпрыгнула деревянная солонка. В разные стороны полетели на потертую клеенку серые кристаллики соли. Семен осторожно смел их в ладонь и снова высыпал в посудку, выточенную из липы. Потом, обхватив голову руками, долго сидел в глубоком раздумье. Ему еще не верилось, что грянула война, что где-то уже горят города и села, льется человеческая кровь.

— Пойду в сельсовет, — сказал он жене и поднялся из-за стола.

Из сельсовета Семен вернулся быстро. Он своими ушами слышал там, как хриплая черная тарелка репродуктора передавала первые сводки с полей сражений.

— Правда это, Маша, — угрюмо сказал он жене и замолчал.

— Значит, и тебя возьмут? — спросила Мария дрогнувшим голосом и припала к широкой груди мужа.

Семен не оттолкнул ее. Огрубевшая от нелегкой жизни душа вдруг встрепенулась, затеплилась давно

забытой нежностью. Он перебирал шершавой рукой волосы жены, разглаживал гусиные лапки морщинок около ее заплаканных выцветших глаз. И вспомнилась ему черноглазая дивчина Машенька с белыми руками, с короной тугих русых кос на голове, с губами сочными, как вишня, с голосом, лучше которого не было во всем селе. Вспомнилось, как до рассвета сидел с ней под вербой на берегу тихой Сулы. Нет больше этой дивчины. Посеклись русые косы, потускнели глаза, побледнели губы, потрескались, как земля в засушливое лето, руки, огрубел голос от песен, пропетых бессонными ночами над колыбелью детей. А ведь ей всего двадцать восемь лет.

Тронутая нежданной лаской, Мария притихла на груди мужа.

— Одна ты теперь с детьми останешься, — с горечью сказал Семен и, как когда-то в юности, посмотрел в глаза своей Машеньки.

Дочурки — пятилетняя Валя и трехлетняя Оля, — не обращая внимания на родителей, играли в углу хаты: укладывали спать тряпичных кукол на кроватки, сколоченные Грицком из кусков фанеры.

Мария посмотрела на них и снова расплакалась. Грицка в хате не было.

— Давай подумаем, что делать будем, — предложил Семен, хотя прекрасно знал, что ничего доброго сейчас уже не придумаешь и ничего не изменишь. Все будет так, как решит вершительница судеб человеческих — война.

А все-таки кое-что еще можно сделать.

Семен вспомнил, как Мария жаловалась на крышу сарая, которая протекает. Значит, надо починить. Нужно отремонтировать и покосившийся забор, сколотить новую лестницу для погреба. Старая сгнила — того гляди ноги сломаешь. Нарубить дров. Хворост давно лежит во дворе, но все руки до него не доходили.

— Ты куда? — заволновалась Мария, когда Семен направился к двери.

— Дело есть, — буркнул он.

Починив крышу сарая и сколотив новую лестни-

цу для погреба, Семен принялся рубить хворост. Сухой ольшаник и березовые ветки хрустели под ударами топора.

Грицко помогал отцу: таскал нарубленный хворост под навес, складывал в поленницу.

— Матери во всем помогай, — наставлял Семен сына. — Ты теперь один в доме остаешься.

— А как же, — с достоинством отвечал Грицко и, чтобы показать отцу, какой он сильный, поднимал с земли охапки хвороста побольше.

— Не надорвись.

— Не маленький.

— Ты что, или не слышал про войну? — окликнул Семена через забор пьяненький сосед. — Горилку с горя пить надо, а ты дрова рубишь. Пошли ко мне. У меня, брат, первачок есть.

Семен отказался.

— Пошли, пошли, — настаивал сосед.

— Не пойду, — отрезал Ткачук и снова взялся за топор.

— Ну, как хочешь — махнул рукой сосед и, покачиваясь, пошел по улице, мурлыча под нос старую рекрутскую песню.

В небе зажглись звезды, а Семен, не чувствуя усталости, продолжал работать. Порубив хворост, поправил забор, вплел в него десятка два гибких прутьев, покрепче вбил в землю дубовые колья.

— Отдохни, Сёма, — просила Мария, но Семен и слушать не хотел ее.

В хату вернулся, когда на дворе стало совсем темно.

— Занавесить надо, кивнул он на окна. В сельсовете так приказали.

Когда Мария занавесила их старыми тряпками, Семен зажег керосиновую лампу, висевшую над столом. На потолке заплясал желтый круг.

«Теперь можно и вещи в дорогу собирать», — подумал Семен и не знал, как сказать об этом жене. Опять начнет плакать. Да и как не плакать ей, если уходит кормилец на войну, а картошки в погребе осталось пудов пять. Муки в кладовке и того меньше.

Как не плакать, если останется она с тремя ребятишками-несмышленышами да с постоянной тревогой за мужа. В любой момент может сделать вражеская пуля солдатку Машу вдовой, а детей солдатских — сиротами.

Но Мария не заплакала, когда Семен сказал ей о вещах. Она только плотнее сжала губы и еще ниже опустила плечи. Дрожащими руками открыла сундучок, вынула оттуда пару белья, серый хлопчатобумажный пиджак в елочку, коричневую рубаху в белую полоску. Семен свернул белье, а пиджак с рубахой отложил в сторону.

— Грицку перешьешь, а из рубахи, может, девчатам платьишки получатся.

Мария, горестно вздохнув, положила пиджак и рубаху на место.

Ребятишки уже легли спать. Валюшка с Олей легли вместе. Из-под домотканого одеяла виднелись их льняные головенки. Семен подошел к кровати и, наклонившись над дочурками, стал пристально разглядывать их сонные личики. Какие у него хорошие дочки! Раньше он не замечал этого: некогда было присматриваться. Валюшка на мать похожа. Вырастет, такой же красавицей будет.

«Птенцы вы мои маленькие», — подумал Семен и невольно вспомнил сегодняшний сенокос, птичье гнездо под кустами жимолости.

Грицко притворился спящим. Из-под краешка одеяла наблюдал он за родителями. Когда отец подошел к нему, мальчишка крепко зажмурил глаза, но дрожащие ресницы выдали его.

— Почему не спишь? — нарочито строго спросил Семен.

— Не хочется.

— Спи, спи.

— Ладно, — согласился Грицко. — Только когда на войну пойдешь, обязательно разбуди меня.

— Разбужу. А ты потом не забудь сено в копну сложить.

— Сложу.

— Птенцов под кустом не вздумай трогать,

— Ладно, — уже засыпая, пообещал мальчишка.

Потом Семен достал из-за печи мешочек с самосадом. Развязал его. Понюхал горький табак и, снова завязав, положил рядом с бельем. Сюда же положил он и военный билет, несколько лет пылившийся за иконой. За девой Марией отыскалась и старая районная газета. Семен аккуратно разрезал ее ножом на маленькие листочки для самокруток.

— Вот я и собрался, — вздохнул он.

— А иголку-то забыл? — напомнила жена, словно весь вечер только и думала о ней.

— Забыл.

— Я сейчас, — засуетилась Мария и начала вдевать в иголку нитку, но никак не могла сделать этого. Нитка дрожала в ее руке, упрямо не хотела попадать в крошечное ушко иголки.

— Дай-ка я сам, — попросил Семен и, вдев нитку, воткнул иголку в засаленную подкладку старой фуражки.

На стене громко стучали ходики. Два часа ночи. Потушив свет, Ткачук выглянул в окно. Улица серебрилась в лунном свете. Где-то залаяла собака. И снова не поверилось Семену, что идет война.

— Спишь? — окликнул он жену.

— Какой уж тут сон, — отозвалась Мария из темноты.

Раздевшись, Семен прилег рядом с ней и сразу почувствовал, как устал за день.

«А может быть, и впрямь нет никакой войны», — подумал он. Под его рукой тихонько билось сердце жены.

...Наутро рядовому запаса Семену Ивановичу Ткачуку принесли повестку. Ему предлагалось срочно явиться в райвоенкомат, имея при себе пару белья, ложку, иголку с ниткой...

СЕРЕГА КРИНИЦА—ДОНЕЦКИЙ ШАХТЕР

Серега Криница фотографировался в своей жизни дважды. В первый раз фотоаппарат запечатлел его

для потомства голеньким, с погремушкой в пухлых ручонках, а во второй — крепким белозубым парнем, с симпатичными ямочками на щеках. Детский портрет хранился у него на дне чемодана, карточка более поздних лет, воспроизведенная в нескольких экземплярах, пошла на паспорт, комсомольский билет, шахтный пропуск.

Надобность фотографироваться у парня отпала с тех пор, как на экранах появился кинофильм «Моя любовь» с участием Переверзева. Криница был здорово похож на этого артиста. Даже мать не разобрала, когда Серега послал ей вместо своего портрета карточку двойника, купленную в газетном киоске. Она только написала: «Уж очень мне понравился твой костюм. Наверно, рублей восемьсот за него отвалил».

Сереге пришлось заказывать в ателье мод точно такой же костюм и покупать в универмаге полосатый шелковый галстук, похожий на переверзевский.

Поразительное сходство с артистом кино имело свои положительные и отрицательные стороны. Ребята на шахте подшучивали, а на улице и в городском парке не было прохода от незнакомых девчат.

— Смотрите, смотрите, Переверзев идет, — ахали они.

Серегу это поначалу забавляло, а потом он стал злиться. Иногда ему хотелось повернуться и показать девчатам дулю. Бывали и такие случаи, когда настойчивые поклонницы подходили к нему на улице и, протягивая карточку Переверзева, смущенно просили:

— Подпишите, пожалуйста, на память.

Серега вежливо улыбался, доставал из кармана ручку, писал размашисто: «На добрую память».

Но однажды новоявленный Переверзев пошел за девушкой сам. Было это светлым весенним вечером в городском парке. Серега сидел на скамейке и безразличным взглядом наблюдал за гуляющими. Он уже привык к своей артистической славе и равнодушно реагировал на красноречивые взгляды поклонниц. Как говорится — вошел в роль. Мимо него прошла высокая стройная девушка в белом платьице, обсыпанном

красным горошком. Прошла и даже не посмотрела в его сторону. Серегу это задело.

Девушка была уже далеко. Мелькнули красные горошины и укатились куда-то за поворот аллеи.

На эстрадной площадке играл оркестр. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось», — всхлипывал саксофон. «В этот час ты призналась, что нет любви», — отвечала ему одинокая скрипка.

Серега любил музыку. Она всегда действовала на него возбуждающе. Иногда парню хотелось плакать, а в другой раз — лихо отплясывать какую-нибудь лезгинку или гопак.

Сегодня музыка действовала на него как-то странно: не хотелось ни плакать, ни плясать. Просто было желание закрыть глаза и молча слушать ее, угадывать в звуках музыки плеск морских волн, шепот кипарисов. Может быть, это потому, что Серега никогда не был на море. Криница закрыл глаза, но волн не увидел. Вместо них на берег почему-то катились красные горошины.

Тряхнув головой, Серега встал. «Пойду лучше пива выпью», — решил он.

Знакомая буфетчица, нацедив ему полную кружку пенистого «Жигулевского», спросила:

— Скучаете?

Серега ничего не ответил. Не отходя от стойки, он залпом опорожнил кружку и, бросив на мокрый поднос измятую рублевку, вышел на воздух.

Оркестр продолжал играть. Утомленное солнце давно уже простилось с морем и, видимо, по этому поводу с эстрадной площадки летели «Брызги шампанского».

В парке зажглись фонари. Электрический свет, пробиваясь сквозь молодую листву деревьев, бросал на асфальт желтые пятачки, похожие на горошинки. «Чего мне эти горошинки дались?» — со злостью подумал Серега, шагая по электрическим бликам, а в глубине души ему хотелось встретиться с хозяйкой горошинок, познакомиться с ней.

«Наверно, на танцы пошла», — решил он и свернул в аллею, ведущую к танцплощадке. Там твори-

лось столпотворение. Сотни пар, тесно прижавшись друг к другу, топтались под музыку на одном месте. Сквозь реденький забор Серега принялся внимательно рассматривать танцующих, но той, которую он хотел увидеть, среди них не было.

«Ну, и черт с ней», — махнул рукой Серега и быстро принял самое подходящее в таких случаях решение: пойти выпить чего-нибудь покрепче.

Серега искал девушку на танцплощадке, а она тем временем сидела в буфете и спокойно ела из стеклянной вазочки сливочное мороженое.

Войдя в буфет, Серега от неожиданности растерялся. Вот так штука! Что же теперь делать? Конечно, нужно сесть за ее столик. Благо, что девушка сидит одна.

Недолго раздумывая, Серега подошел к ней и, галантно поклонившись, спросил:

— Можно около вас присесть?

Девушка вскинула продолговатые серые глаза, опушенные густыми ресницами, и, вся зардевшись от смущения, проговорила:

— Пожалуйста.

Серега, взяв со стола меню в коричневом кожаном переплете, подозвал официантку. Водку, конечно, заказывать теперь нельзя. Девушка черт знает что может подумать.

— Бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет, — заказал он.

Когда прозрачно-искристое вино зашипело в длинноногой рюмке, Серега вежливо спросил:

— Не разделите ли вы со мной компанию?

Девушка смутилась еще больше, а Криница, не дожидаясь ее согласия, уже просил официантку принести вторую рюмку.

Налив девушке вина, Серега поднял рюмку:

— Давайте выпьем за знакомство.

Девушка тряхнула светлыми кудряшками, перетянутыми голубой ленточкой, и так посмотрела на Серегу, что у него дух захватило. До чего же есть красивые глаза!

Девушка протянула Сереге маленькую белую руку с розовыми ноготками и не проговоорила, а пропела:

— Светлана.

— Иван, — буркнул Криница имя Переверзева и быстро убрал под стол свою грубую шахтерскую руку.

Светлана выпила. Щеки ее разрумянились, глаза посветлели, будто кто-то плеснул в них немного голубизны.

— Вы надолго приехали в наш город? — уже более смело спросила она.

— Надолго.

— А все же?

Серега пожал плечами:

— От начальства зависит.

— От режиссера?

— От него.

Серега смотрел в доверчивые глаза девушки и чувствовал, как начинает краснеть. Ну, зачем ломает он эту комедию? Зачем бессовестно врать, выдавая себя за артиста? Но и отступать было уже поздно. Как теперь скажешь: мол, никакой я не Переверзев, а простой донецкий шахтер Серега Криница?

«Водки, что ли, тяпнуть, — подумал он, — чтобы в башке закружилось да вранье поскладнее получалось? Она в таких случаях помогает». Но не станешь же пить водку в присутствии Светланы! А все-таки что-то надо предпринять. Идея!

— Разрешите на минуточку отлучиться? В буфет за папиросами сходить, — нашел Серега выход.

— Пожалуйста.

Буфетчица сразу поняла, что нужно Сереге. Через минуту он уже сидел за столиком и, покуривая длинную папиросу «Чапаев», непринужденно болтал со Светланой, стараясь не дышать в ее сторону:

— Мы сейчас снимаем новую картину из шахтерской жизни. Очень интересная штука получается, — говорил он, пуская над столом колечки дыма.

— Вы, конечно, играете главную роль? — громко спросила Светлана, чтобы слышали люди за соседними столиками.

Ей было приятно сидеть с артистом, разговаривать, как с хорошим старым знакомым. Она только жалела, что сейчас ее не видят подружки из десятого «Б» класса. Они умерли бы от зависти.

Серега настолько вошел в свою роль, что даже родной матери было бы трудно разубедить его в том, что он вовсе не Переверзев, а ее сын Сережа.

— Жизнь артистов полна различных комбинаций и вариаций. Артист должен уметь делать все: рубить уголь, ловить рыбу, пить вино, любить... В новой картине я играю роль шахтера, влюбленного в хорошую девушку, — самозабвенно сочинял он.

— Как ее звать? — поинтересовалась Светлана, искренне веря во все, что мелет ей Серега.

— Светлана, — не моргнув глазом, соврал Криница. — Она очень красивая и умная, у нее серые глаза, большие ресницы. Впервые я познакомился с ней в парке. На ней было платье в красный горошек. Я пригласил ее выпить шампанского, а потом пошел провожать домой. По дороге встретился ее поклонник, и мы с ним подрались.

Светлана поняла, что ее новый знакомый играет, на ходу сочиняет сюжет картины. Уж очень героиня будущей картины похожа на нее. Да и ситуации знакомые: парк, шампанское...

— Мне кажется, у вашей героини не было поклонника, — кокетливо улыбнулась девушка

— Был!

— Не было!

— Был! — настаивал Серега. Ему не верилось, что у такой девушки как Светлана нет знакомого парня. И если он сегодня встретится где-нибудь и начнет приставать, то непременно получит. Это Серега решил твердо.

— Не было, — доказывала Светлана. Ее начинала забавлять эта игра, и девушка с удовольствием принимала в ней участие.

— Не было так не было, — сдался наконец Серега. — Это даже лучше.

Когда вышли из буфета, Криница попросил у Светланы разрешения проводить ее домой. Девушка

не возражала. Она только, улыбнувшись уголками губ, заметила:

— Как в новой картине?

Серега промолчал. Они медленно шли по центральной аллее, думая об одном и том же. Криница мучительно решал взять девушку под руку или нет, а Светлана ждала этого, гадала, словно на ромашке: возьмет, не возьмет, возьмет, не возьмет...

В голове у нее немного шумело от выпитого вина. Хотелось смеяться и баловаться.

—А вдруг сейчас появится поклонник? — озорно спросила она.

Серега усмехнулся и решительно взял спутницу под руку.

«До самого дома не отпущу», — твердо решил он, сжимая маленький острый локоток.

В конце аллеи его внимание привлек силовой аттракцион. Около высокой планки с делениями толпились мужчины. Один из них стукнул кулаком по тряпичной голове фашиста, и вдоль планки скользнул вверх квадратик с пистоном. До конца планки он не долетел.

— Слабак, — засмеялся какой-то парень, — дай-ка я попробую.

— Пожалуйства, молодой человек, — пригласил его старичок-аттракционщик.

Парень раздал плечи, размахнул и опустил кулак на лысую макушку фашиста. Квадратик подпрыгнул, но пистон остался цел.

Вокруг снова рассмеялись.

— А ну-ка, дай я, — раздвинул Серега плечом толпу и очутился около тряпичной головы. Ему очень хотелось доказать Светлане, на что он способен.

— Удар — двадцать копеек, — напомнил аттракционщик.

— На все, — бросил Криница, протягивая старичку рублевку. Краешком глаза он наблюдал за Светланой. Девушка весело улыбалась ему, подбадривала. Широко расставив ноги, Серега подтянул рукава пиджака, чтобы сподручнее было бить, и, собрав все силы, резко опустил кулак на голову чучела. Квадра-

тик метнулся вверх. Послышался треск разбитого пистона. Запахло дымком.

— Есть у парня силенка, — послышалось из толпы.

Серегина рублевка не пропала даром. Пять раз бил он по фашистской голове, и пять раз стреляло на конце планки. Пять раз ахала толпа.

— Вы так у меня все боеприпасы израсходуете, — пошутил аттракционщик.

— Ну, как? — спросил Серега у Светланы, снова беря ее под руку. Ведь для нее одной старался он сегодня. Ей одной хотел доказать, что никакие поклонники ему не страшны.

— Вы сильный, — похвалила его девушка.

Серега только хмыкнул и подумал: «Посмотрела бы ты, как я уголь в шахте рубаю».

Светлана жила недалеко от парка, и Серега пожалел, что так быстро они дошли до ее дома. Даже поговорить толком не успели. Прощаясь у калитки, Серега долго не хотел отпускать руку Светланы и даже попытался поцеловать девушку.

— Артисты, наверно, все такие? — обиделась Светлана и вырвала пальцы из горячей Серегиной руки.

— Какие? — удивился Криница.

— Нахальные.

Серега хотел возразить, но было уже поздно. Девушка скользнула в темный двор и захлопнула за собой калитку.

— Подождите, Светлана, — крикнул Серега и рванулся за ней.

Калитка была заперта.

— Светлана, — уже тише позвал Криница.

— Ну, что? — спросила она через щелку.

— Вы на меня обиделись?

— Немного.

— Давайте постоим еще.

— Уже поздно.

— Где же мы встретимся завтра?

Светлана молчала.

— Вы слышите?

— Слышу.

— Почему же не отвечаете?

Светлане впервые назначали свидание, и она не знала, что ответить.

— Вы слышите? — спросил снова Серега.

— Не знаю, — ответила девушка.

— Давайте встретимся на старом месте, — горячо предложил Криница.

— Хорошо.

— В семь часов вечера.

— Хорошо.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Серега долго еще стоял у калитки. Он слышал, как легонько простучали во дворе каблучки босоножек, как скрипнула дверь в доме, как чей-то незнакомый голос спросил:

— Почему так поздно?

«Отец, наверно», — подумал Криница, закуривая папиросу.

«Спокойной ночи!» — звучали в его ушах последние слова Светланы. Какой у нее хороший, певучий голос! И вся она такая хорошая и светлая. Недаром назвали ее Светлана.

Нет, не будет сегодня у Сереги спокойной ночи. Ворочаться ему в постели, вспоминать серые глаза и полудетскую улыбку, маленькие руки с розовыми ноготками...

Стало стыдно за обман. Ну, какой он к чертям артист! А Светлана поверила. Завтра обязательно надо сказать ей, что это все ерунда, что никакой он не артист, а простой горняк с шахты «Великан». Так-то будет лучше! Приняв это решение, Серега вынул из кармана карточку Переверзева и тут же порвал ее на мелкие клочки. Прощай, товарищ Переверзев! Завтра — воскресенье. Отработав смену, пойдет Серега в парк, встретится со Светланой и скажет:

— Давайте знакомиться еще раз: Серега Криница — донецкий шахтер.

* * *

Серега рубил уголь и чувствовал, как во всем теле гудят молодые жилы. Пика отбойного молотка по самую шейку уходила в пласт, откалывала от него тяжелые глыбы угля. Черный резиновый шланг дрожал на стойках, извивался, как живой. Холодный сжатый воздух вовсю шел по нему, отчего отбойный молоток на месте соединения со шлангом покрылся легкой изморосью.

Смена подходила к концу. «Помоюсь, пообедаю и — в парк», — думал Криница и уже представлял, как встретится со Светланой, как расскажет о своем обмане. А может быть, пока не надо говорить об этом? Еще обидится и уйдет. Может быть, девушка согласилась придти на свидание потому, что принимает его за артиста? От этой мысли становилось обидно.

Вдруг прекратилась подача воздуха. Отбойный молоток бессильно замер в руках.

— Что за чертовщина? — выругался Серега, освобождая застрявшую в пласте пику.

Из соседнего уступа спустился Мишка Яровой.

— Энергию, наверное, в компрессорной отключили, — проговорил он, поудобнее устраиваясь на стойке. — В честь воскресенья пораньше на-гора поднимемся.

Когда Серега с Яровым спустились в штрек, там уже было многолюдно. Шахтеры стряхивали с себя угольную пыль, громко переговаривались. Они еще не знали, что на поверхности их встретит страшное слово — война. Они гомонили в штреке, а война уже стальной лавиной танков катилась по советской земле, сжигала созревающие хлеба; не знали, что в это воскресное утро упала сраженная фашистской пулей Леночка Барсукова и дымный ветер уже высушил ее кровь на камнях мостовой.

Стиснув зубы, слушали шахтеры правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Безмолвной стеной стояли они под репродуктором.

Стихийно возник митинг. Не было на нем ни стола, накрытого красным сукном, ни трибуны, ни графина с водой. Гневом сверкали глаза людей, сжимались кулаки.

— Узнают проклятые фашисты, где раки зимуют! — выкрикивал Мишка Яровой. — Добровольцами пойдем! Почувствуют фашисты, как с шахтерами дело иметь!

— Составляй список! — первым поддержал Ярового Криница и невольно подумал о Светлане.

Первым в список добровольцев Яровой записал себя, а потом уже Серегу Криницу.

Помывшись в бане, друзья пошли в столовую. Хотели выпить, но водки ни в одном магазине не оказалось.

Война. Она громыхала где-то далеко-далеко, но ее дыхание уже чувствовалось повсюду. Суровыми стали лица людей, исчезли улыбки, смолкла веселая музыка. Из репродукторов гремели марши.

О свидании со Светланой Криница промолчал.

— Ты куда? — спросил Мишка, когда Серега в половине седьмого собрался уходить из общежития.

— Я скоро вернусь, — проговорил он.

Несмотря на прекрасный летний вечер, в парке почти не было людей. Старичок-аттракционщик одиноко сидел около своего хитрого механизма. Уродливая фашистская голова бессмысленно смотрела вдаль аллеи своими круглыми мертвыми глазами. Старичок узнал Серегу.

— Может быть, для почина стукнете? — спросил он скрипучим голосом.

Размахнувшись, Серега опустил кулак на кожаную лысину фашиста. Громко прозвучал в пустой аллее хлопок разбитого пистона. Денег за удар старичок не взял: почин — дороже денег.

Ровно в семь в аллее показалась Светлана. Она была в том же платьице, только на ногах вместо босоножек белели туфли на высоком каблуке. Серега обрадованно пошел к ней навстречу.

— Я думала, вы не придете, — пропела она.

— Давайте посидим,— предложил Сережа и сразу же заговорил о войне. Он ругал фашистов, доказывал, что наши войска разобьют их в два счета.

Светлана молча слушала его, чуть покачивая красивой головой.

— А вас возьмут на фронт? — спросила она и пристально посмотрела на Сергея. Глаза у девушки сегодня были темные, не плавали в них вчерашние голубинки.

— Наверное, возьмут, — нерешительно ответил Серега.

Светлана вздохнула. Потом они долго бродили по пустым аллеям парка, но сказать девушке правду Криница так и не решился. Около калитки, захлопнувшейся вчера перед самым носом Сереги, Светлана нерешительно попросила:

— Подарите мне на память вашу карточку?

— У меня нет с собой, — увильнул Криница, но если хотите...

— Очень хочу, — ответила девушка и, не дослушав его, вынула из сумочки карточку Переверзева.

Серега повертел ее в руках, всматриваясь в темноте в знакомые черты артиста.

— Подпишите, — попросила Светлана.

Что же написать тебе, милая сероглазая девушка? Снова обмануть тебя?

Серега нерешительно вынул из кармана ручку, стряхнул чернила.

Светлана ждала. Криница хорошо видел, как блестят в темноте ее глаза, как мнут пальцы плетеную ручку сумочки.

— Хорошо, — сказал он и, приложив карточку к калитке, написал прямо на лицевой стороне: «На добрую память Светлане от донецкого шахтера Сергея Криницы».

Немного подумав, добавил: «Смотри и помни».

АЭЛИТА

Пятый месяц отступает взвод лейтенанта Барсукова. Пятый месяц бушующий океан войны крутит эту

песчинку в водоворотах сражений, швыряет из огня в полымя. От пограничной речушки до широких донецких степей докатилась она и залегла на склоне глубокой балки. Надолго ли? Позади остались пылающие города и села, Днепр, розовый от крови, холмики братских могил. Из тех, кто отражал первый удар врага, во взводе почти не осталось никого. Несколько раз взвод пополнялся. Обычно это происходило ночью.

— Принимай пополнение! — кричал командир батальона и показывал Барсукову на новеньких бойцов, только что прибывших из тыла. Они робко жались друг к другу, шинели неуклюже топорщились на их спинах. Прислушиваясь к гулу артиллерии, втягивали головы в плечи, ждали, что им прикажет лейтенант. Среди бойцов были люди разного возраста: и совсем юнцы, и люди, много повидавшие на своем веку.

Барсуков всматривался в их лица и почти безошибочно угадывал биографию и характер каждого. Парнишка с широко расставленными удивленными глазами и большими руками, конечно, из колхоза. Только мало пришлось поработать ему косой и вилами, попеть песен, поплясать под гармошку. Одели на парнишку солдатскую шинель. Дали винтовку, показали, как нужно стрелять и колоть штыком, а может быть, даже и не показали. Такое тоже случалось.

— Стрелять умеешь? — спрашивал Барсуков у новичка.

— Научусь, — отвечал парнишка.

Стоит в строю пожилой боец. Глубокие морщины избороздили его обветренное лицо. Этот успел и поработать и покачать детишек на коленях. Этого не нужно учить стрелять. На войну он пришел, как на работу, а на лейтенанта смотрит, как на колхозного бригадира.

Иногда приходилось новое пополнение с места в карьер бросать в бой. Новички неумело заряжали винтовки, почти не целясь, стреляли в сторону врага, повинуясь приказу командира, бежали в атаку. Кто не был в бою, тот не знает, что такое первая атака,

Сотни пуль свистят над головой, земля гудит от разрывов снарядов, и кажется каждая пуля метит попасть в твое сердце, каждый снаряд норовит разорваться у тебя под ногами. Хочется упасть на землю, прильнуть к ней и не подниматься до тех пор, пока не стихнет все вокруг. Как чудовищный магнит тянет к себе земля в первом бою. Барсуков на себе испытал это тяготение. Тысячу километров он прошел с боями, а сила земного магнетизма не ослабевала. Только огромным усилием воли научился лейтенант преодолевать ее.

Когда замирал бой, хоронили в воронках парнишек, так и не научившихся стрелять. Прощальные салюты над ними не гремели: экономили патроны.

Пятый месяц отступает взвод Барсукова. Пятый месяц бесчинствует на земле война. Фашисты захватили огромную советскую территорию. Их бронированные полчища рвутся к Москве и Ленинграду. «Будем бить врага на чужой территории», — с горечью вспоминал Барсуков довоенный лозунг. Стараясь разобраться во всем, что происходит, он настойчиво думал. Как это могло получиться, что вражеские армии хозяйничают на советской земле, а мы отступаем и отступаем?

Вспоминались довоенные кинокартины, состряпанные шапкозакидателями. Как все легко и просто получалось в них. Полетели наши тяжелые бомбардировщики в тыл врага — и победа обеспечена, пошли стремительные танки — и бежит враг.

Барсуков видел, как эти самые бомбардировщики, неуклюжие и беззащитные, горели на аэродромах, так и не успев подняться в воздух; видел, как сотни немецких танков рвали нашу оборону, а нам пришлось встречать их не ответной стальной лавиной, а штыками и гранатами, своей грудью.

Часто вспоминал Барсуков последний разговор с отцом на вокзале. Тысячу раз был прав старик, намекнув о скулах. Ой, как сильно побаливают они сейчас!

Волновала судьба жены. Где она? Что с ней? Барсуков твердо знал, что из пограничного городка, где

жили они с Леночкой, никому из гражданского населения вырваться не удалось.

...Несколько дней на фронте стоит сравнительное затишье. Изредка только грохнет где-нибудь снаряд, да прострекочет пулеметная очередь или повиснет над передним краем немецкая ракета. Затишье пугало. Значит, немцы готовят новый удар, накапливают силы для решительного броска на Донбасс. Барсуков прекрасно понимал, что битва на этом рубеже будет жестокой и кровопролитной. День и ночь бойцы его взвода вгрызались в каменистую землю, рыли траншеи, окопы, тянули телефонные провода к штабу батальона, к артиллеристам, окопавшимся в трех километрах от передовой. Каждому хотелось верить, что это будет последним оборонительным рубежом. Что именно здесь выдохнется фашистское наступление, отсюда пойдут наши войска на Запад. Барсуков ходил по окопам, придирчиво проверял каждую мелочь. Остался доволен наблюдательным пунктом. С высоты хорошо просматривалась вся местность. Глубокий противотанковый ров, словно русло высохшей реки, тянулся вдоль окопов, уходил к седым терриконам, вырисовывающимся вдали. Ряды колючей проволоки щетинились под скупым осенним солнцем. То там, то здесь дрожали на них желтые шары бездомной травы-перекатиполя.

Хорошо была видна с наблюдательного пункта и линия обороны противника. Она проходила вдоль дороги, терялась среди домов небольшого степного поселка. Барсуков приложился к стереотрубе. Перед глазами запрыгали добротные накаты вражеских укреплений, присыпанные свежей глиной, черные глазницы амбразур. Одна за другой они брызнули огнем, и пули засвистели рядом. Ординарец Барсукова Вася Перепелкин инстинктивно прижался к стене, по-детски заморгал светлыми глазами.

— А ну-ка, звякни артиллеристам, — приказал ему Барсуков, удобнее устраиваясь у стереотрубы.

— Аэлита! Аэлита! Я — Земля! Я — Земля! — закричал парнишка в телефонную трубку.

Аэлита отозвалась. Барсуков видел, как по веснушчатому курносому лицу ординарца расплылась счастливая улыбка.

— Цель номер три! Левее ноль пятнадцать! — скомандовал лейтенант и снова посмотрел на ординарца.

С той же улыбкой повторил Перепелкин в трубку команду Барсукова.

В стереотрубу было хорошо видно, как далеко за вражескими дзотами вырос дымный кустик разрыва. Перелет.

— Правее ноль двадцать! — приказал Барсуков.

— Правее ноль двадцать! — отчеканил Перепелкин, стараясь придать голосу грозность, а команда у него прозвучала как-то нежно и задушевно.

Второй снаряд разорвался перед дзотом. Пулемет в нем на мгновение замолчал, а потом застрочил с новой силой.

Третий снаряд разорвался возле самой амбразуры. Вместе с землей во все стороны полетели обломки бревен. Следующие четыре снаряда разворотили его до основания. На месте дзота дымились глубокие воронки.

Артиллерия противника почему-то молчала.

Когда вернулись в блиндаж, Барсуков спросил у ординарца:

— Почему это ты, когда с артиллеристами разговариваешь, как майская луна сияешь?

Перепелкин немного смутился и вместо ответа наивно спросил:

— А разве заметно?

Барсуков рассмеялся. Рассмеялись и другие бойцы, бывшие в блиндаже.

— Военная тайна, товарищ лейтенант, — подмигнул Серега Криница.

Никто во всем взводе не знал, почему счастливо улыбается ординарец, разговаривая по телефону с артиллеристами, а Серега знает. Поделился с ним Василий Перепелкин своей тайной в минуты затишья, когда стояли еще на Днепре.

Звездная ночь плыла над рекой, звездная и тихая, как будто не было на земле войны. Вася задумчиво смотрел в небо, покусывая сухую былинку.

— Звезды считаешь? — спросил у него Серега.

Перепелкин промолчал, а когда маленькая звездочка скользнула по темному небосводу и погасла где-то за темной кромкой прибрежного лозняка, вдруг заговорил тихо, будто сам с собой:

— Говорят, у каждого человека есть своя звездочка. Умрет человек, и погаснет она в небе.

—Сказки все это. Если бы это действительно так, то давным-давно погасли бы все звезды, — возразил Серега.

А Перепелкин продолжал говорить:

— Вот горит над нами маленькая красная звездочка. Это Марс. Говорят, на нем люди живут. Я даже книжку об этом читал. «Аэлитой» называется.

Серега впервые слышал о такой книге и поэтому спросил.

— Интересная, наверно?

— Хочешь, расскажу, — предложил Василий.

— Валяй, — охотно согласился Криница. Он любил слушать рассказы о разных путешествиях и приключениях.

Чем дальше рассказывал Василий, тем зримее вставал перед Серегой образ далекой пепельноволосой марсианки Аэлиты. Она и сейчас еще, наверно, живет на своей умирающей планете и тоскует о земной любви. Живет и не знает, что на земле идет война, что лежат сейчас на сырой земле два русских паренька в солдатских шинелях и говорят не о войне, а о далеких звездах, о любви.

— А ты знаешь, Аэлита на мою девушку похожа, — обрадованно проговорил Серега и рассказал Перепелкину о том, как познакомился со Светланой, как провожала она его на фронт.

— Вот посмотри, — засуетился он, доставая из кармана гимнастерки карточку Светланы, подаренную в день отъезда.

Ярко светила луна. Под ее лучами на глянцевой бумаге засеребрилась скромная девичья прическа.

— Похожа, — согласился Перепелкин, возвращая карточку Кринице.

Василию нечем было похвалиться. Нет у него девушки, похожей на Аэлиту. И на фронт его провожала только старуха-мать. Не успел парнишка влюбиться, не успел найти свою Аэлиту. Живет она где-то на земле, дышит, смеется, плачет...

За рекой отрывисто, как цепная собака, пролаял чужой пулемет. Огненная строчка трассирующих пуль прошла над темной водой и погасла где-то в прибрежных зарослях.

— Стреляют, сволочи, — выругался Серега, пряча карточку в карман.

А Перепелкин, глядя в небо, продолжал тихо говорить:

— Ты счастливый. Аэлита говорила, что люди, познавшие любовь, не умирают.

— Ну, это ты загнул, — возразил Серега. — Пуля, брат, дура. Ей все равно кого в лоб стукнуть. Может быть, на Марсе пули разборчивее, а на Земле они, проклятые, без разбора людей косят. Сам видишь.

Не слушая возражений Криницы, маленький ординарец мечтал вслух:

— Когда-нибудь люди полетят на Марс, обязательно полетят. Проплывут по его каналам, привезут на Землю марсианских цветов.

— Чудак ты, Василий, — тихо рассмеялся Серега. — Кругом война, а ты о каких-то марсианских цветах мечтаешь.

— А ты о чем?

— О том, чтобы скорее фашистов разбить. Живым домой вернуться.

— Об этом сейчас все думают.

На рассвете дрогнуло небо, зашаталась земля. Погасли в дыму звезды. Сотни немецких орудий обрушили шквал огня на узкую полоску нашей обороны.

И снова отступил взвод в глубь страны. Снова пылила под ногами разбитая дорога. Снова першило в горле от обиды и порохового дыма, снова с немым упреком смотрели в глаза отступающим скорбные женщины.

Когда на горизонте показались серые пирамидки терриконов, сердце Криницы болезненно сжалось. Не думал он, что враг прорвется так далеко. В стороне горел захваченный фашистами родной город. Дымные крылья пожаров трепетали над ним. Серега до боли в пальцах сжимал автомат, затуманенными глазами смотрел на это печальное зрелище. Там в огне и пламени осталась его юность, его первая любовь, его земная Аэлита — Светлана.

— До каких пор отступать будем? — кричал он и страшно ругался.

— Не психуй! — оборвал его Барсуков. — Злее станешь.

И Серега стал злее. Кроме ненависти к врагу, в его душе ничего не осталось. Этот пожар выжег оттуда все другие чувства. Серега с остервенением копал каменистую землю, выкладывал камнем амбразуру, будто строил блиндаж не на одно сражение, а на века. Криница будет стоять здесь на смерть, не отступит, если немцы бросят на него одного даже целый батальон.

— Передохнем малость? — предложил ему работающий рядом Перепелкин. — Перекурим?

Развязав кисет, он сыпанул в ладонь Сереге щепотку крупитчатой махорки. Криница, бережно ссыпав ее на клочок газетной бумаги, начал крутить цигарку.

— Возьми-ка, парень, другую, — предложил Сереге Семен Ткачук. — Махорка в чистой бумаге лучше горит. От краски она вкус теряет.

— Мне все равно.

— Нет, не все равно. А ты старших слушай. Давай-ка сюда твою бумажку. На портретной курить вредно.

Снова зазвенели лопаты.

Потом Перепелкин с лейтенантом ходили к артиллеристам. Барсуков о чем-то говорил в блиндаже с командиром батареи, а Василий от нечего делать бродил по огневой позиции. На снаряде сидела девушка в длиннополой солдатской шинели и что-то читала. Из-под аккуратной пилотки на чистый лоб

девушки выбивалась светлая прядка волос. Она была так увлечена чтением, что не заметила, как подошел к ней молодой незнакомый солдат.

Василий кашлянул. Девушка оторвала взгляд от книги и смущенно улыбнулась.

— Читаете? — растерянно спросил Василий.

Девушка кивнула головой и спрятала книгу за спину. Это была «Аэлита» Алексея Толстого.

Перепелкин страшно обрадовался встрече с любимой книгой. Ему даже показалось, что и девушку в солдатской шинели он знает давным-давно, хотя она ни капельки не похожа на Аэлиту. Маленькая, розовощекая, с большой родинкой над густой бровью, она была больше похожа на его сестру Веру, а не на марсианскую красавицу. Может быть, поэтому разговаривать с ней сразу стало легко и просто. За несколько минут Василий узнал, что ее зовут Раисой, что она телефонистка батареи, что в Киеве у нее остались папа с мамой и маленький братишка Витька. За это же время она узнала и коротенькую биографию Васи Перепелкина.

Пролетел немецкий самолет-разведчик, но они, увлекшись разговором, даже не обратили на него внимания. Им было по-человечески хорошо вдвоем. Хорошо, как только бывает в юности.

— Перепелкин, пошли! — крикнул, выходя из блиндажа Барсуков.

Если бы он только знал, как не хотелось уходить с батареи его ординарцу! Если бы видел, как хорошо Васе Перепелкину сидеть рядом с девушкой, то, может быть, задержался бы он в блиндаже командира батареи, поговорил бы с ним еще о чем-нибудь! Но лейтенант не знал этого.

— Перепелкин! — еще раз сердито крикнул он.

Василий нехотя поднялся со снаряда и, сам не зная почему, назвал девушку марсианским именем.

— До свидания, Аэлита, — выдохнул он и побежал на зов лейтенанта.

Вернувшись в блиндаж, он обо всем рассказал Сереге Кринице.

— Поздравляю! — только и сказал тот. — Люди, познавшие любовь, не умирают.

На другой день позывные артиллерийской батареи сменились.

— Я — Аэлита! Я — Аэлита! — звенел в телефонной трубке девичий голос.

— Аэлита, я слышу тебя. Земля слышит тебя! — отвечал молоденький ординарец и счастливо улыбался.

Он верил, что люди, познавшие любовь, не умирают.

ПОСЛЕДНИЕ КООРДИНАТЫ

На колючей проволоке серебрился иней первых заморозков. «Вот и зима скоро», — подумал Барсуков, вглядываясь в серую пелену холодного рассвета. Над передовой стояла гнетущая тишина. Было даже слышно, как потрескивает над головой смерзающаяся земля и шуршит на колючих струнах заграждения перекати-поле.

Лейтенант пристально всматривался вдаль и ничего не видел, кроме противотанкового рва и посеребренной заморозками безмолвной равнины. Внезапно где-то за немецкими окопами сверкнули сотни молний и дрогнула тишина, расколотая гулким громом. Снаряды с ревом начали раздирать небо. Барсуков сжался в комок и сунул голову в колени. Как живая, застонала, заходила земля. Запахло кислой пороховой гарью. К разрывам снарядов прибавились глухие бомбовые удары. Над передним краем, будто водя хоровод, кружились немецкие бомбардировщики. С ревом пикировали они в гудящий омут огня, дыма, земли... Из-за тучки ринулись на них наши «ястребки». Маленькие, юркие, они появлялись то здесь, то там. Вот один бомбардировщик тяжело клюнул носом и, развернувшись, пошел на запад. Из-под крыла стервятника метнулся язычок пламени и погас, задушенный дымом. Разматывая черный шлейф дыма;

самолет опускался все ниже и ниже, пока не рухнул за противотанковым рвом. Второй самолет упал на проволочное заграждение, разметав его взрывом во все стороны.

Немецкая артиллерия продолжала остервенело обрабатывать передний край нашей обороны. Засыпанные землей, оглохшие, ждали бойцы, когда кончится артиллерийская подготовка и противник ринется в атаку. Ждать пришлось недолго.

— Идут, — шепнул побелевшими губами Перепелкин и кивнул головой на равнину.

Десятка два танков, легко подпрыгивая на гусеницах, ныряя то вверх, то вниз, мчались на полной скорости к противотанковому рву. Следом за ними, пригибаясь, бежала вражеская пехота, на ходу строча из автоматов.

Ударила наша артиллерия, и степь покрылась черными фонтанами взрывов. Они вырастали перед танками, бугрились в рядах наступающих. Немцы падали и снова бежали за машинами, стараясь не отстать от них. Около противотанкового рва танки замешкались, но ненадолго. Они выбирали места, где ров был распахан снарядами, и устремлялись туда, чтобы с ходу выпрыгнуть на другую сторону.

«Надо отсечь танки от пехоты», — мгновенно решил Барсуков и приказал открыть огонь. Затрещали пулеметы и автоматы. Серега Криница приник к пулемету и длинными очередями косил между танков по фигуркам в мышиных шинелях. Он видел, как немцы залегли, начали пятиться назад. Приклад ручного пулемета больно бил в плечо, ходором ходил в руках. «Как отбойный молоток», — невольно подумал Серега.

А танки продолжали лезть вперед. Один из них вполз на гребень балки и, круто развернувшись, помчался вдоль линии обороны прямо по окопчикам и стрелковым ячейкам. Семен Ткачук уже видел желтые кресты на броне и широкие траки гусениц, забитые липкой глиной. Рука потянулась к противотанковой гранате. Когда танк прогромыхал в нескольких шагах, Семен метнул ему вслед гранату и упал на

дно окопа, закрыв голову руками. Грохнул взрыв. Из-под низкого днища машины метнулся клуб огня, дыма и земли.

На правом фланге вспыхнул еще один танк. Немецкая пехота, отсеченная от брони, залегла и яростно строчила по окопам из автоматов.

— Не пройдете, гады! — кричал Барсуков и, тщательно целясь, стрелял, стрелял...

А вдали уже вырастала вторая волна танков и пехоты. Видимо, немцы решили во что бы то ни стало прорвать линию нашей обороны. Железная волна катилась через степь на истерзанные окопы и блиндажи и казалось, никакой силой не остановить ее. Пять месяцев катится эта волна по советской земле от моря и до моря.

Волна все ближе и ближе. Сталь. Грохот. Огонь. Смерть.

— Аэлита, Аэлита, — кричит Перепелкин и повторяет в телефонную трубку команду лейтенанта. Глаза у парня слезятся, голос срывается. В грохоте боя он почти не слышит собственного голоса. Валяется под ногами разбитая осколком стереотруба. Она уже не нужна больше лейтенанту: и без нее хорошо видно поле боя и танки, мечущиеся среди взрывов.

Подкрепление подбодрило немцев. Они снова бросились к окопам. Барсуков видел, как фашисты прыгали в них, как там начинала закипать рукопашная схватка. Мелькали штыки и приклады, лопались ручные гранаты. Расстреляв все патроны, Серега Криница схватил ручной пулемет за ствол, орудуя им, как палицей. На бруствер вскочил фашист без каски. Голова у немца была лысая, точь-в-точь такая же, как у того манекена, что был в парке, на котором когда-то Серега пробовал свою силу. Криница опустил приклад на лысину и услышал, как что-то хрустнуло. Звук был похож на хлопок разбитого пистона.

Два танка шли прямо на наблюдательный пункт. Барсуков почувствовал, как подступает к горлу тошнота. Поборов ее, он мельком взглянул на ординарца и выкрикнул новые координаты. Василий вздрогнул: на этих координатах находился он с лейтенантом.

Барсуков заметил это и, отвернувшись, чтобы не видеть испуганного взгляда ординарца, повторил команду.

— Я не могу, — хотел возразить Перепелкин, но гул приближающихся танков подхлестнул его и, не раздумывая больше, он крикнул в трубку последние координаты.

— Прощай, Вася, — грустно сказал лейтенант и крепко поцеловал своего маленького веснушчатого ординарца в губы. — Понимаешь, прощай...

Последних слов Василий не расслышал. Они потонули в гуле танков и грохоте снарядов. И только телефонная трубка продолжала хрипеть:

— Земля! Земля! Ты меня слышишь? Я — Аэлита! Я — Аэлита!

Но напрасно взывала Аэлита. Ее уже никто не слышал.

Молчала земля, покрытая глубокими воронками и обломками стали, перемешанная с человеческой кровью...

* * *

Как быстро летят годы...

Высохли слезы на глазах вдов, в новой любви нашли утешение невесты погибших.

Стремительно летят над землей годы. Летят в блеске солнца, в малиновых зорях, в свисте осенних ветров, в шелесте золотого листопада, в грозах и метелях.

...У степной дороги стоит невысокий обелиск с пятиконечной звездой, вырубленной кем-то из листового железа. На сером известняке высечены имена тех, кто лежит под ним:

Петр Барсуков — лейтенант.
Василий Перепелкин — рядовой.
Сергей Криница — рядовой.
Семен Ткачук — рядовой.

Идет по степи весна. Идет, спешит, словно озорная девчонка на свидание. Солнечная улыбка играет

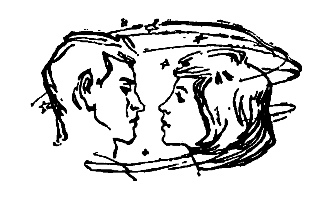
на ее лице. Зеленые ленты трав переливаются в темных косах, небесная голубизна плавает в больших бездонных глазах.

Вечерами, когда в небе вспыхивают первые звезды, замирает степь. Каждой травинкой, каждым лепестком прислушивается она к перестуку молодых сердец, к шепоту горячих губ:

— Любишь?

— Люблю...

— У нас будет сын...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОВЕРШИЛОСЬ

ПРОЛОГ

Высоко в безоблачном небе парил ястреб. На какую-то долю секунды он замер над степной балкой и вдруг, что-то заметив на ее склоне, начал стремительно падать вниз. Казалось, что хищник уже не сможет выйти из своего смертельного пике, никогда не взмоет снова в небесный простор. Вот уже совсем рядом горячая каменистая земля, вот уже качнулся под крыльями сухой чернобыльник. Но хищник не разбился. Он снова взмыл в знойное небо. В его клюве бился какой-то нерасторопный степной зверек.

— Чертяка ненасытный! — со злостью проговорил сержант Егоров и, сняв с бруствера окопа винтовку, выстрелил в ястреба.

Хищная птица судорожно дернула крыльями и бесформенным комком рухнула в чернобыльник.

Выстрела почти не было слышно, но по цепи уже передавалась команда:

— Патронов зря не тратить!

Действительно, в эти минуты нельзя было тратить их даром. Каждую пулю нужно послать во врага, который, укрывшись в балке, готовился к очередной атаке. Три раза поднимались сегодня в атаку фашисты, три раза подходили они почти вплотную к окопам, занятым гвардейцами лейтенанта Светличного, и три раза откатывались на исходные позиции, оставляя на колючей траве десятки убитых и раненых.

Лейтенант Светличный внимательно следил за балкой. На его небритое лицо из-под тяжелой стальной каски струились ручейки пота. Не по росту сшитая гимнастерка коробилась. На спине и плечах выступали большие пятна соли.

Враг молчал. «К четвертой атаке готовятся», — подумал лейтенант и окинул взглядом длинную цепочку своих солдат. Сто винтовок смотрело в сторону врага, готовые в любую минуту открыть ураганный огонь, встретить свинцом тех, кто поднимется из балки. Сто указательных пальцев лежали на спусковых крючках, в сотне солдатских сердец билось одно желание: выстоять, не пропустить врага.

Лейтенант верил в своих солдат и сейчас думал о них. Лежит за песчаным бруствером молчаливый Петр Егоров. Не раз ходил он в штыковые атаки, не раз забрасывал траншеи врага гранатами. И кто бы мог подумать, что этот скромный человек совсем недавно под пулями врага пополз навстречу фашистскому танку и подорвал его в нескольких метрах от своего окопчика.

Танк еще продолжал дымить. Его длинное, когда-то грозное орудие беспомощно опустилось к земле, а сбитые взрывом гусеницы валялись в пересохшей траве.

Два года воюет киевлянин Максим Зарудный. Воюет так, словно занят своим обычным делом.

Медицинская сестра Лидочка Белозерова... Недаром называют ее солдаты сестричкой. Много раненых вынесла она из-под огня, многим спасла жизнь.

Сама маленькая, щупленькая такая, а усталости и страха не знает. Смотришь на нее и начинает казаться, что вот-вот она к маме попросится. Глаза у девушки такие чистые и ясные, словно никогда они не видели ни пожарищ, ни крови человеческой...

Лейтенанту было грустно думать о том, что, может быть, через несколько минут не будет в живых ни сержанта Егорова, ни Максима Зарудного, ни ясноглазой сестрички Лидочки. Много фронтовых друзей схоронил Светличный у обочин суровых военных дорог. Лежат его товарищи в братских могилах под Сарептой, Харьковом, Миллеровом. Да разве сосчитаешь все могилы, которые выросли на родной земле, разве запомнишь названия всех городов и деревень, которые пришлось брать с боем! Много этих городов и деревень, много братских могил.

Рота лейтенанта Светличного вела бои на донецкой земле.

Высоко над степью снова показался ястреб. Он развернулся над окопами, и его крылья сверкнули в лучах знойного солнца. Птица была железной. Клюнув носом, фашистский самолет начал с противным свистом пикировать на окопы. От самолета отделилось несколько бомб. Через несколько секунд они с грохотом рвали землю, засыпая гвардейцев комьями сухой глины. Выйдя из пике, самолет прошел на бреющем полете над окопами, поливая их пулеметным огнем.

Сделав короткую перебежку, Лидочка прыгнула в полуразрушенный окоп. Но его хозяину не нужна была медицинская помощь: он был мертв.

В другом окопе, неестественно согнувшись, лежал Иван Яровой. Увидев медицинскую сестру, он чуть приподнял голову и что-то прошептал. Лидочка не расслышала слов, но по движению запекшихся губ поняла, что раненый просит пить. Девушка отстегнула флягу и торопливо поднесла к губам солдата горячее алюминиевое горлышко. Глаза раненого на миг вспыхнули и снова погасли. Воды во фляге не было. Лидочка чуть не заплакала от обиды. Отбросив пустую флягу, она начала делать перевязку. Яровой

не стонал. Он только кусал пересохшие губы и страшно скрипел зубами.

Вдруг снова заговорил пулемет, защелкали винтовочные выстрелы. «Опять фашисты в атаку пошли»,— с тревогой подумала девушка и осторожно выглянула из окопа.

Немцы шли в полный рост, строча из автоматов по низким брустверам окопов.

Пулемет лейтенанта Светличного неистовствовал.

— Та-та-та-та, — неслось над степью.

«Как мамина швейная машинка», — невольно подумала Лидочка и зачем-то принялась считать падающих фашистов, загибая пальцы на руке.

Вот рухнул на землю коротконогий, похожий на оловянного солдатика фашист. Его каска откатилась далеко в сторону. Вот упал еще один, другой, третий... Не падал только высокий солдат, вышагивающий впереди всех. Казалось, пули не берут его. Шел он прямо на окоп, где находилась Лидочка и смертельно раненный Яровой. Девушке стало страшно. Схватив винтовку гвардейца, она выстрелила в неуязвимого солдата. Тот продолжал идти. Значит, пуля пролетела мимо. Заложив новую обойму, девушка собрала всю силу воли и уже хладнокровно начала целиться в эту ненавистную мишень. Мушка больше не прыгала перед глазами. Плавно нажав на спусковой крючок, Лидочка обрадованно воскликнула. Тот, в кого она стреляла, остановился на всем ходу, будто раздумывая, идти ему дальше или нет, потом лениво повернул голову в сторону и, качнувшись, упал навзничь. Лидочке хорошо были видны только подошвы его сапог. На каблуках поблескивали полукруглые металлические подковки.

Вражеская атака снова захлебнулась.

— Бегут, бегут фрицы! — крикнула Лидочка Ивану Яровому, но тот молчал, устремив в небо мертвый безразличный взгляд.

Только сейчас Лидочка почувствовала, что нестерпимо хочет пить. Она глотнула слюну и слизнула кончиком языка с пересохших губ солоноватую пыль. За одну каплю воды отдала бы сейчас полжизни.

Но где возьмешь эту каплю, если кругом лежит выжженная солнцем степь и нет рядом ни ручейка, ни колодца.

Умирали от жажды тяжелораненые солдаты.

— Товарищ лейтенант, разрешите мне за водой сходить, — попросил у Светличного маленький черноглазый солдат.

Лейтенант недоверчиво посмотрел на бойца: мол, откуда ты достанешь ее?

Черноглазый кивнул в сторону убитых фашистов и похлопал ладонью по своей пустой фляге. Светличный понял и коротко приказал:

— Действуйте!

Солдат осторожно выбрался из окопа и, прижимаясь всем телом к земле, пополз в лощину, усеянную фашистскими трупами. Вскоре он уже снимал с их широких ремней плоские фляги. Над головой храбреца посвистывали пули; то справа, то слева от него поднимались фонтанчики пыли.

Через несколько минут солдат вернулся и молча протянул лейтенанту четыре тяжелые фляги. Радостно блеснули глаза бойцов, но радость была преждевременна. Во флягах оказалась водка.

— Где же взять воды? — об этом думал лейтенант, думали все солдаты.

— Пить, — жалобно попросил смертельно раненный Зарудный и судорожно сжал Лидочкину руку.

— Потерпи, родимый. Потерпи немного, — успокаивала его маленькая сестра.

Раненый начал бредить. Широко открыв тронутые холодком смерти глаза, он выкрикивал:

— Почему вам жалко воды? Она ведь рядом, совсем рядом... Смотрите, смотрите, вон по реке лебедь плывет... белый, белый... красивый... А на берегу каштаны шумят...

Петр Егоров смахнул с ресниц скупую слезу.

— Максим, — позвал он тихонько товарища. — Ты слышишь меня?

Тот еле заметно кивнул и устало закрыл глаза.

— Максим, — уже громко крикнул Егоров и при-

нялся тормошить Зарудного. — Скоро подкрепление подойдет. Воды много будет...

Запыленные веки Зарудного дрогнули, но глаза так и не открылись.

— Вовку бы увидать, — прошептал он и замолчал навсегда.

Его мертвая рука крепко сжимала пустую флягу, обтянутую серым шинельным сукном.

Егоров молча обнажил голову и, опустившись на колени, поцеловал мертвого друга в губы.

Почти два года провоевал Петр Егоров вместе с Максимом Зарудным. Всем делились между собой гвардейцы: ели из одного котелка, укрывались одной шинелью, курили из одного кисета. Не раз выручали друг друга в бою. И вот вражеская пуля свалила на полдороге Максима Зарудного. Так и не дошел он до родного Киева, где ждала его жена с маленьким сыном Вовкой. Не постучит солдат в родную дверь. Зароют его гвардейцы в жесткую донецкую землю, поставят над могильным холмиком обелиск с фанерной пятиконечной звездой, а сами уйдут на запад добивать врага.

...Снова заработал пулемет, захлопали винтовочные выстрелы. На этот раз немцы не шли, а как угорелые выскакивали из балочки, разбегались в разные стороны. Сзади них, поднимая пыль и стреляя из пулеметов, стремительно двигались тяжелые танки.

— Наши! Наши! — закричала Лидочка, не помня себя от радости.

Фашисты заметались между двух огней. Отступать им было некуда. Бросая оружие, они становились на колени, высоко поднимали дрожащие руки.

I

Такова уж, видно, судьба газетчика: стоять возле дороги и «голосовать» проходящим машинам, ждать, когда какой-нибудь водитель затормозит и, не открывая дверку кабины, спросит: «Куда?»

Много машин проносится по шоссе, но не каждый шофер обращает внимание на поднятую руку человека. Это о таких, наверно, сложилась в народе поговорка: едущий идущего не разумеет.

Корреспондент областной газеты Николай Петрович Светличный уже неоднократно убеждался в правдивости этой поговорки. Не раз приходилось ему стоять у обочины дороги: летом глотать пыль, осенью мокнуть под дождем, зимой пританцовывать на снегу. И все это ради того, чтобы поехать на какой-нибудь участок и привезти оттуда в редакцию статью или очерк о строителях канала. Вот и сейчас стоит он у обочины широкой автострады, поднимает руку навстречу проносящимся машинам.

Солнце печет немилосердно. Трава в степи вся выгорела. Она чудом сохранилась только под чахлыми кустами лесопосадки, протянувшейся по обе стороны дороги. Струится марево. Кажется, с раскаленной земли поднимается в бесцветное небо бесчисленное множество золотистых легких паутинок. А машины мчатся и мчатся. Вот прошуршал мимо большой черный «ЗИМ». Шофер даже не посмотрел в его сторону. Рядом с ним на сиденье важно развалился толстый обрюзгший мужчина в расстегнутом чесучовом пиджаке. Шоферу нечего смотреть по сторонам. Он прекрасно знает, что «хозяин» любит ездить один. Вслед за «ЗИМом» пронеслась голубая «Волга». Горячий встречный ветер с силой бил в никелированного «оленя», не давая ему спрыгнуть с радиатора. Приготовившись к прыжку, так никогда и не прыгнет он на дорогу. В машине тоже было двое. И ни один из них не заметил Светличного. Шофер оживленно о чем-то беседовал с молодой красивой женщиной. Та счастливо смеялась. Ветерок, врывающийся в машину, развевал ее светлые волосы. Светличный вздрогнул: женщина, промелькнувшая перед ним, чем-то напомнила Машу, его жену, погибшую в первый год войны.

В 1941 году жена с двухлетним сыном эвакуировалась из Донбасса в Среднюю Азию. Лейтенант Светличный сам провожал их. На вокзале творилось что-то невообразимое: плакали дети, надрывно

кричали женщины, устремляясь к длинному эшелону, стоящему на самом дальнем пути.

На западе уже глухо рычала чужая артиллерия. Этот железный страшный рык становился все слышнее и слышнее. Он словно хлыстом подгонял людей к эшелону.

Схватив сынишку на руки, Светличный бежал вместе со всеми. Маша еле поспевала за ним, хотя у нее с собой не было ничего, кроме маленькой сумки с продуктами. Сжав ручонками отцовскую новенькую портупею, Мишка не плакал. Ему было хорошо около широкого теплого плеча. Суматоха даже забавляла малыша. Какое дело ему до войны и до того, что через несколько минут поезд увезет его с матерью из родного города неведомо куда, а отец уйдет навстречу железному грому войны!

С трудом пробился Светличный к теплушке. Подав Мишку какой-то женщине, он почти втиснул в вагон жену, даже не успев поцеловать ее на прощанье. Эшелон, звякнув буферами, медленно тронулся с места.

— Машенька, Мишку, Мишку береги! — кричал он вслед.

Маша не слышала его. Высунувшись из маленького оконца теплушки, она тоже что-то кричала и махала рукой. Ветер трепал ее светлые волосы. Такой навсегда и осталась она в памяти Светличного.

Давным-давно окончилась война, отгрохотали залпы великих сражений, исчезли с лица земли развалины, заросли буйной травой окопы и воронки, но не заживают раны на человеческих сердцах. Старые раны от пуль и осколков ноют только на непогоду, а эти не дают покоя даже в самый жаркий полдень. Вот и сегодня. Пронеслась мимо машина, на мгновение мелькнули за стеклом голубые глаза, светлые вьющиеся волосы, и заболело сердце.

Конечно, в машине была не Маша. Ей сейчас исполнилось бы сорок лет, а веселой собеседнице шофера, наверно, нет еще и тридцати.

«А сыну было бы семнадцать», — с грустью подумал Николай Петрович и снова начал перебирать в

памяти давно минувшее, невозвратимое. Вспомнил, как нес своего первенца из родильного дома, его первые шаги, день эвакуации, прикосновение пухлой ручонки к своей небритой щеке...

Тщетно пытался Светличный разыскать жену и сына. Женщины, вернувшиеся из эвакуации, рассказали ему, что их эшелон попал под бомбежку. Многие погибли. Возможно, в их числе была и Маша с сыном.

Николай Петрович опубликовал письмо в «Комсомольской правде». На него откликнулось много однофамильцев: Светличных в Советском Союзе — тысячи. Какая-то незнакомая Мария Светличная писала из Свердловска, что она потеряла на фронте мужа, но его звали Юрием и жили они до войны не в Донбассе, а в Киеве. Было письмо и от моряка Балтийского флота Михаила Светличного. Тот сообщал, что родился в Ленинграде и потерял родителей во время блокады. Почти в течение месяца получал журналист письма от Светличных и с каждой весточкой становилось все меньше и меньше надежд на встречу с родными. Трудно было привыкать к этой жестокой правде, но время брало свое. Боль тяжелой утраты то понемногу затихала, то вспыхивала с новой силой. Шли годы. Новой семьей Николай Петрович так и не обзавелся. В качестве разъездного корреспондента областной газеты мотался он по Донбассу с шахты на шахту, со стройки на стройку, с завода на завод. Маленькая комнатушка в областном центре вполне устраивала его. Жил он в ней не больше недели в месяц. Все остальное время уходило на разъезды. Большинство очерков и статей своих Светличный написал в красных уголках общежитий, в номерах гостиниц, в комнатах для приезжих.

В редакции ценили и уважали Николая Петровича. Ему несколько раз предлагали возглавить какой-нибудь отдел или перейти в секретариат, но он настойчиво отказывался или отделывался шуткой: мол, я еще не настолько стар, чтобы протирать брюки на жестких редакционных стульях. Редактор соглашался с этим доводом и на некоторое время оставлял

Светличного в покое. Особенно не настаивал он еще и потому, что материалы Николая Петровича, опубликованные в газете, часто отмечались в центральной и республиканской печати. В обзорах вместе с фамилией Светличного фигурировала и фамилия редактора. Федор Акимович Горбунов не был тщеславным человеком, но ему льстило, когда кто-нибудь на заседании бюро обкома говорил:

— А вас сегодня «Правда» похвалила.

Обычно Федор Акимович давал задания корреспондентам через заведующих отделами, а Светличного он обязательно вызывал в кабинет, долго беседовал с ним, прежде чем послать в очередную командировку. Перед поездкой на строительство канала Светличный провел в кабинете у редактора целый час. Решено было, что журналист пробудет на участках недели три и напишет серию очерков о молодых строителях голубой магистрали.

Светличный уже не раз бывал на молодежных стройках, писал о комсомольцах, сооружающих новые шахты, и поэтому охотно согласился поехать на трассу канала, где развернулась трудовая битва за большую донецкую воду. Среди молодых он и сам себя чувствовал моложе, забывал о седине, которая, словно изморозь, легла на виски, меньше думал о прожитых годах.

...Одна за другой проносятся машины по автостраде. Бросив окурок, Николай Петрович снова поднял руку. Скрипнув тормозами, остановился тяжелый самосвал. Весь он от радиатора до стоп-сигнала был покрыт седой пылью. Заводская зеленая краска чуть виднелась из-под нее. Только никелированный зубр на капоте матово поблескивал в ярких лучах солнца. Молодой сероглазый шофер широко распахнул дверку кабины, спросил у Светличного звонким голосом:

— Куда?

— В Еленовку, — поспешно ответил журналист. — На строительство плотины.

— Значит, к нам. Садитесь, — кивнул водитель и свободной рукой убрал с сидения букетик бессмерт-

ников. Цветы он пристроил в коробочку, вмонтированную чуть пониже ветрового стекла.

В кабине было душно. Особенно доставалось ногам. Железная обшивка пола припекала их, словно раскаленная сковородка. От жары не спасал даже ветерок, врывающийся в кабину. Он был горячий и сухой, горький от полыни, сгоревшей в степи.

Светличный привычным взглядом газетчика окинул молодого водителя и сразу же определил, что тот недавно демобилизовался из армии. На нем была выцветшая солдатская гимнастерка с засученными рукавами. Загорелые крепкие руки уверенно лежали на баранке. Обогнав какую-то старую «Победу», шофер весело подмигнул Светличному: мол, знай наших!

Светличный улыбнулся.

— Из армии-то давно? — спросил он.

— Девятый месяц на плотине работаю.

— Для стройки стаж солидный, — заметил журналист.

— А вы по какому делу к нам едете? — поинтересовался бывший солдат.

— Да как вам сказать, есть небольшое служебное дело, — пояснил Николай Петрович.

— А вообще, к нам корреспонденты часто приезжают.

— Откуда вы знаете, что я из газеты? — удивился такой осведомленности Светличный.

Водитель многозначительно улыбнулся, показывая на редкость белые красивые зубы.

— У меня на этот счет глаз наметанный! Корреспондентов я в любую погоду узнаю: голосуете вы как-то деликатно и худые все, будто вас не кормят.

Николай Петрович рассмеялся. Действительно, парень подметил точно.

Когда самосвал свернул с автострады на грунтовую дорогу, беседа пошла оживленнее. Здесь автомашин почти не было, а если и встречалась какая-нибудь, то шла она на небольшой скорости.

— О чем же вы писать будете? — допытывался шофер.

— О людях.

— Тогда прежде всего напишите о передовом водителе нашего участка Владимире Соловейко, — полушутливо посоветовал парень.

Светличный сразу догадался, что шофер рекомендует самого себя, и также полушутливо ответил:

— Учту, товарищ Соловейко.

— Если вас не устраивает эта кандидатура, тогда непременно напишите о Верочке Трещеткиной.

Имя девушки сероглазый водитель произнес с нескрываемой нежностью.

«Так вот, значит, кому он цветы везет», — подумал Николай Петрович и посмотрел на букетик. Цветы были совсем свежие, словно их не разлучали с матерью-землей. Нет, недаром их назвали бессмертниками!

— Где Верочка работает? — спросил Николай Петрович и отвел взгляд от цветов.

— На самом ответственном участке — личным секретарем Егора Трофимовича Бурлака.

— Значит, Верочка работает личным секретарем начальника участка? — переспросил Николай Петрович.

— Так точно! — по старой армейской привычке отчеканил Соловейко и принялся расхваливать девушку. По его словам выходило, что умнее, трудолюбивее и красивее Верочки нет ни одной девушки на всей стройке — от Оскола до Кальмиуса.

— Она достойна поэмы! — воскликнул он и круто повернул баранку, чтобы не врезаться колесами в колдобину, зияющую посреди дороги.

— К сожалению, я стихов не пишу, — охладил Светличный восторг Владимира и посоветовал ему самому заняться этим делом.

— Пробовал, да ничего не получается. Хотите, почитаю.

Не дожидаясь согласия журналиста, он принялся декламировать:

Не смыкаю, Вера, свои вежды
Я уже ни ночью и ни днем:
Все мои желанья и надежды
В сердце похоронены твоем.

— Ну, как?

— А как к ним относится Верочка?

— Смеется, — откровенно признался начинающий поэт. — Не морочь мне, говорит, Володька, голову, что ты ни днем, ни ночью не спишь. Шоферу это не положено. Еще за рулем уснешь, аварию какую-нибудь сотворишь. Обижается, что сердце могилой назвал. Говорит, что в ее сердце хоронить ничего не надо, для этого кладбище есть.

— А Верочка-то, пожалуй, права, — заметил Николай Петрович и, подмигнув, спросил: — Бессонницей-то, наверно, не страдаешь?

— Сплю, как медведь в берлоге, и даже снов не вижу, — с виноватой улыбкой признался Верочкин поклонник.

Водитель и журналист так увлеклись разговором, что не заметили, как доехали до участка. Николай Петрович удивился размаху строительных работ. Неподалеку от реки возвышалась плотина, одетая в новую сосновую опалубку. Мощный подъемный кран, словно аист, вытягивал над ней свою ребристую железную шею, крепко держа в клюве стальной трос с тяжелой бадьей на конце. Бадья то ныряла в блок плотины, то снова взмывала вверх. В стороне белел шиферной обшивкой бетонный завод. От него к плотине сплошной цепочкой шли самосвалы, груженные бетонной смесью. Метрах в трехстах от завода, на склоне балки возвышался жилой поселок строителей. Дома в нем были двухэтажные, каменные, добротные. Одни стояли еще без крыш, а другие уже поблескивали кровельным железом и стеклами широких окон. А далеко-далеко, по ту сторону реки, к песчаному берегу жались ветхие домишки села Еленовки.

Соловейко остановил самосвал около одноэтажного длинного здания, чем-то напоминающего овощехранилище.

— Вот и наша контора, — сказал он Светличному и, взяв букетик бессмертников, сбрызнул его водой из алюминиевой солдатской фляги.

Прежде чем войти в контору, Николай Петрович остановился около Доски почета.

На каждой стройке имеются такие доски, и все они похожи одна на другую, как два пятака одного года чеканки. Из-под запыленного стекла на журналиста смотрело с десяток хлопцев и девчат, снятых каким-то фотографом-самоучкой. Фотографии были серые, однообразные. Даже галстуки у ребят одинаковые.

Светличный сразу представил, как делалась эта доска: приехал на стройку фотограф, собрал по списку в контору передовиков и начал усаживать перед объективом аппарата. Галстуков у строителей не оказалось. Ну какие же это передовики, если у них нет даже галстуков! Снял находчивый фотограф свой галстук и охомутал им шею бригадиру бетонщиков Григорию Щетине, а потом другому, третьему, четвертому... Так и получились все передовики производства на фотографиях в одинаковых полосатых галстуках.

Из-под стекла широко улыбалась незнакомая девушка Мария Дудченко, выполняющая нормы выработки на 150%, весело смотрел чубатый бригадир бетонщиков Григорий Щетина, как старому знакомому подмигивал Владимир Соловейко, и только Михаил Гринько отвел куда-то в сторону свои печальные глаза.

Светличный достал блокнот и записал несколько фамилий. О ком-то из них надо будет непременно написать. Ведь для этого и ехал он сюда.

В конторе было многолюдно. Молодые строители толпились в коридоре. Одни о чем-то громко спорили, другие, усевшись на подоконник, смачно курили, третьи внимательно изучали бумажки, приклеенные к черному листу фанеры, именуемому «Доской приказов». На журналиста никто не обратил внимания. Мало ли людей бывает здесь каждый день. Только из главного управления строительства канала ежедневно приезжает сюда человек десять, а то и больше. Они интересуются техникой безопасности, культурно-массовой работой, общественным питанием...

Пройдя в конец коридора, Николай Петрович ре-

шительно открыл дверь, на которой красовалась дощечка: «Без стука не входить».

Девушка лет девятнадцати, вскинув голову, туго оплетенную русой косой, недовольным голосом спросила:

— Вам кого?

— Мне нужен начальник участка, — ответил Николай Петрович и шагнул к двери, обитой черной, потрескавшейся клеенкой.

— Егор Трофимович занят, — торопливо сообщила девушка и встала из-за маленького столика, словно боясь, что посетитель войдет в кабинет начальника без ее предварительного доклада.

Со столика чуть не упала на пол пустая стеклянная банка.

— Я подожду, Верочка, — ответил журналист.

— Откуда вы меня знаете? — спросила она с истинным женским любопытством.

— А это секрет, — многозначительно произнес Николай Петрович.

Ему не хотелось рассказывать девушке о встрече с шофером Соловейко, о стихах, которые прочитал он. Может быть, эти стихи были тайной двоих, а доверчивый автор неосторожно посвятил в нее третьего, который в таких делах всегда бывает лишним. Верочка больше ничего не спрашивала.

— Почему вы такая серьезная? — спросил Светличный у девушки, когда та быстрым движением передвинула каретку машинки.

Верочку этот вопрос рассмешил. На стройке все, кроме Володи Соловейко, считают ее легкомысленной и пустой девчонкой, которая ничего не умеет делать, кроме как стучать на машинке да перекладывать с места на место какие-то никому не нужные бумажки. Она в глубине души соглашалась с таким мнением. И вот тебе на — нашелся еще один человек, узревший в ней серьезность!

«Шутит, наверное», — подумала Верочка.

— И не такая уж я серьезная, как вы думаете. Серьезные девчата бетон в плотину укладывают, дома строят, а я на этой вот проклятой карете раз-

ные приказы да инструкции печатаю. Я бы это и у себя в Одессе могла делать.

Посмотрев с ненавистью на машинку, она рванула из-под валика наполовину отпечатанный листок и протянула его Светличному.

— Вот посмотрите, чем приходится заниматься.

Николай Петрович пробежал глазами по тексту недопечатанного приказа. Из прочитанного он понял, что сдача в эксплуатацию жилья в поселке задерживается, отчего многие строители продолжают жить в Еленовке.

Верочка печатала очень хорошо: чисто, без единой ошибки. Ее работе могла бы позавидовать не одна редакционная машинистка.

Возвращая листок, Светличный похвалил девушку:

— Печатаете замечательно. Вам бы только у нас в редакции работать.

— В редакции? — переспросила Верочка и моментально скрылась в кабинете начальника.

Вернулась она быстро. Не закрывая за собой клеенчатую дверь, сказала с извиняющейся улыбкой:

— Пожалуйста, проходите! Егор Трофимович вас ждет.

В кабинете начальника Светличному прежде всего бросился в глаза большой чертеж будущего канала. Он занимал почти половину стены. На его светло-фиолетовом фоне коричневой полоской змеилось русло водной магистрали, заштрихованными квадратиками темнели здания насосных станций и других гидротехнических сооружений. В самом верху чертежа светлым пятном обозначалось водохранилище «Оскольское море».

Егор Трофимович Бурлак не встал навстречу Светличному. Он только откинулся на стуле и заговорил первым:

— Простите, что немного заставил подождать. Сами видите, дела...

В подтверждение своих слов он поднял со стола раскрытую подшивку чертежей, полистал ее, передвинул в сторону папку с корреспонденцией.

Николай Петрович представлял себе Бурлака совсем не таким. Ему казалось, что начальник строительного участка будет двухметрового роста, с копной седых волос на голове и громовым голосом. За столом же сидел маленький лысый мужичок в сером парусиновом пиджаке и тихим голосом спрашивал:

— Что же вас интересует на нашей стройке?

— Главным образом — люди, — пояснил Светличный цель своего приезда.

— Людей хороших у нас много. Не мельницу ветряную строим, а канал, море шахтерское... С плохими людьми разве такое построишь? — с чувством гордости заговорил Бурлак.

Встав из-за стола, он пригласил к раскрытому окну Николая Петровича:

— Вот полюбуйтесь-ка!

Из окна кабинета вся стройка была видна как на ладони. Железо, бетон, камень, машины и среди всего этого сотни людей, делающих свое будничное и вместе с тем грандиозное дело. Где-то что-то гремело, ухало, гудело... В этой какофонии звуков Светличный ничего не мог разобрать, а Бурлак слушал ее и, словно дирижер, улавливал малейший неверный такт железных инструментов своего могучего оркестра.

— Опять на заводе бетономешалка барахлит, — сказал он.

Николай Петрович удивленно посмотрел на него. Тот понял причину удивления и пояснил:

— По звуку определяю. Когда на заводе все в порядке, его отсюда почти не слышно.

— Давно на стройке работаете? — поинтересовался журналист.

Егор Трофимович вскинул седую косматую бровь, прикинул в уме:

— Чтобы не соврать — лет двадцать пять. С Магнитки начинал.

Позвонив на завод, он приказал срочно привести в порядок бетономешалку и уже после этого продолжал:

— Основное у нас сейчас — бетон и еще раз бетон. Плотину надо до дела доводить. Бетонщики сейчас решают эту проблему. Вот о них и пишите.

— О ком же конкретно? — спросил Николай Петрович. Вынув из кармана блокнот, он прочитал фамилии бетонщиков, списанные с Доски почета.

— О Щетине еще рановато писать, хотя он и бригадир — вывихи у парня есть, а вот о Михаиле Гринько можно, вполне заслуживает.

— Где и когда его можно увидеть?

— Сейчас узнаем, — проговорил Егор Трофимович.

Вызвав в кабинет Верочку, он приказал ей разыскать Гринько.

— Зачем же человека от работы отрывать? — возразил Николай Петрович, — я сам еще не раз побываю на плотине, приехал сюда не на один день.

Светличный вышел из кабинета вместе с Верочкой. Около машинки в стеклянной банке стоял букетик бессмертников.

Николай Петрович тронул девушку за плечо и, кивнув на букетик, спросил:

— Володя привез?

— Откуда вы все знаете? — всплеснула руками Верочка.

Журналист и на этот раз отделался шуткой.

Через несколько минут он был уже в комнате для приезжих, расположенной в новом общежитии. Комната Николаю Петровичу понравилась. Она была ничуть не хуже дешевого номера в любой городской гостинице: чистая, уютная.

В ней стояли две железные кровати, заправленные байковыми одеялами, стол, накрытый полотняной скатертью, шкаф с зеркалом, врезанным в дверку. Между окнами висела безыскусная копия с картины Перова «Охотники на привале».

Николай Петрович вздохнул. Опять эти охотники!

Начинало смеркаться, и Николай Петрович решил отдохнуть с дороги, чтобы с утра отправиться к бетонщикам на плотину, посмотреть, как они работа-

ют, побеседовать с ними. Умывшись и поужинав, он лег в постель, легонько повернул пластмассовый рычажок динамика, стоявшего на тумбочке. Москва передавала симфонический концерт.

II

В тот же день на маленькой железнодорожной станции, находящейся неподалеку от строительного участка, сошел с поезда ничем не примечательный человек. Было ему лет под пятьдесят. Старенькая полосатая рубаха свисала с его острых угловатых плеч. Серые хлопчатобумажные брюки чуть доставали до щиколоток. Подойдя к киоску, он поставил на теплый асфальт перрона самодельный чемодан, покрашенный зеленой масляной краской, выпил бутылку минеральной воды и, расспросив у продавщицы, как лучше добраться до Еленовки, потихоньку пошел по пыльной дороге, ведущей к плотине.

Его обогнало несколько самосвалов, но пешеход с зеленым чемоданом не остановил ни одного из них, хотя те шли в сторону Еленовки. Пройдя метров триста, человек оглянулся по сторонам и круто свернул с дороги. В густом прибрежном лозняке он облегченно вздохнул и, присев на чемодан, закурил. Едкий папиросный дымок приятно щекотал в ноздрях. От реки тянуло легким холодком.

Не впервые приходится курьеру иеговистов Семену Палию ездить в такие опасные командировки, но всякий раз чувство страха берет верх. А вдруг схватят! А в чемодане у Семена такие штуки, за которые не погладят по голове, будут судить по всей строгости закона. В нем плотными стопками лежит иеговистская антисоветская литература. Семен развозит ее по «стрефам» и «килкам» — низовым организациям иеговистов.

Иеговистом Семен Палий стал совсем случайно. Ни в бога, ни в черта он никогда не верил. В 1944 году бывший бандеровец бежал из Львова в Сибирь, чтобы скрыть следы своих преступлений, совершенных в период фашистской оккупации. Следы за ним

тянулись глубокие, кровавые: расстрелы, пытки, насилия. В тихом сибирском городке устроился он ночным сторожем лесного склада, чтобы поменьше бывать на глазах у людей. В разговоры вступал редко и неохотно, женщин сторонился. Часто напивался до потери сознания, но этого никто не видел. Пил Семен Палий втихую. Запершись в своей комнатушке, тянул за стаканом стакан и, скрипя зубами, молчал, боялся, что и стены могут подслушать случайно сорвавшееся слово.

Склад был большой. Ночью его охраняли два сторожа. Напарник Палия — седой костлявый старик Федот несколько раз пытался заговорить с Семеном, но тот угрюмо молчал.

Как-то раз в метельную январскую ночь старик пришел в сторожку к Семену и заговорил о боге Иегове. Семен смутно понимал, о чем говорит Федот.

— Вот это почитай и многое поймешь, — сказал напарник.

Достав из-за пазухи какой-то сверток, сунул его Семену.

В свертке оказался журнал «Башня стражи».

Вернувшись с дежурства, Семен заперся в своей комнатушке и начал читать. Статьи в журнале были туманные.

На следующую ночь, встретив Федота между высокими штабелями распиленного леса, Семен вернул ему журнал и пригрозил:

— Больше таких штук не давай, а то в милицию заявлю.

К его великому удивлению, эта угроза вовсе не подействовала на старика. Он только чуть слышно хихикнул и, приблизившись к Семену, прошептал:

— Заяви. Может быть, самого отправят куда надо.

Неужели Федот догадывался о его прошлом? Отступать было некуда. Так изменник Родины Палий превратился в иеговиста. Он стал часто посещать домик Федота на окраине городка, где собирались сектанты. Разные люди были среди них: и старики, и

женщины, и подростки. Наглухо закрыв ставни, Федот читал им библию и статьи из журнала «Башня стражи», в которых говорилось о том, что скоро бог даст бой сатане и установит на земле свое тысячелетнее царство.

Месяца через три Федот познакомил Семена с угрюмым человеком. И лесной склад сибирского городка остался без ночного сторожа. Уже на другом конце страны, в другом городе обучали его методам конспирации, премудростям тайнописи и другим совсем не божественным делам. Из Палия готовили курьера.

Первое задание он выполнил хорошо. За несколько дней развез по организациям большое количество подпольной литературы, собрал отчетные данные.

Новая работа и нравилась Семену и страшила его.

Вот и сегодня приехал он к Матвею Крикуну, привез пачку новых журналов. А вдруг этот Матвей Крикун возьмет да и выдаст! Никому верить нельзя.

Семен оглянулся по сторонам. Кругом было тихо, только легкий ветерок шелестел листочками лозняка да плескалась о песчаный берег речная ленивая волна. До Еленовки рукой подать. Стоит она на другом берегу тихая и загадочная, но идти туда пока нельзя. Нужно ждать, когда придет ночь и погаснет в селе последний огонек. Надо пройти к Матвею Крикуну так, чтобы никто не видел и не слышал. Дом Крикуна он найдет без расспросов. В комитете всегда толково объясняют, в какое окно нужно стучать.

В эту поездку курьер отправлялся без особого желания. Из Еленовки ему предстояло отвезти часть литературы во Львов. Это больше всего и пугало Палия. Никак нельзя ему ехать во Львов. В этом городе его могли опознать. Давно окончилась война, но люди не забывают зла, не прощают убийц и палачей.

Палий не раз читал в газетах о судебных процессах над изменниками Родины, палачами народа. «Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

Семен пробовал отказаться от этого задания, но ему сказали:

— Это приказ бога Иеговы.

Семен знает, что это такое — приказ бога Иеговы. Уже несколько курьеров, не выполнивших его, исчезли бесследно. Лишь одного из них случайно выловили рыбаки. Тяжелый камень, привязанный к шее, долго удерживал на озерном илистом дне нарушителя божьего приказа. Жесток и бессердечен бог Иегова. Жестоки его слуги на земле.

Палий посмотрел на мутную воду реки. «Вот так могут и меня бултыхнуть с камнем», — с ужасом подумал он.

Постепенно начало темнеть. Огромный оранжевый диск солнца уже опустился за зубчатую кромку леса и посылал в небо прощальные холодные лучи. В бледном небе мигнули первые звездочки.

В полночь курьер выбрался из лозняка и, осторожно ступая по сырой траве, пошел вдоль берега к мосту, чуть виднеющемуся в темноте. Было тихо. Только изредка всплескивали рыбы. Ударив хвостом о черную гладь воды, они уходили в речную глубину.

Перейдя мост, Семен благополучно добрался до Еленовки. Никто не встретился ему. Село спало. Дом Матвея Крикуна курьер нашел без особого труда. Вот стоит он на самой околице, смотрит тремя темными окнами на реку. Старая верба с раздвоенным стволом опустила ветви на его черепичную крышу. Все верно: и три окна, и черепичная крыша, и раздвоенный ствол дерева. В комитете дали точные ориентиры.

А вот и маленькое окошечко с задней стороны дома, в которое нужно постучать трижды.

Семен стукнул костяшкой пальца в закрытую ставню один раз, потом другой. Прислушался. В доме никто не отозвался. Только после третьего стука за окном послышались шаркающие шаги и старческий голос спросил:

— Кто там?

— Странник, над головой которого вместо крова звезды, — приглушенным голосом ответил Палий.

— Какая звезда горит в зените?

— Сириус.

Это был пароль. Тихонько скрипнул засов, и дверь приоткрылась.

Хозяин дома провел ночного гостя по коридору в комнату. Не зажигая света, спросил:

— Никто не видел?

— Вроде бы так, — ответил Семен, ставя на пол тяжелый чемодан.

В комнате стоял сплошной мрак. Матвей Крикун заранее был извещен о приезде курьера и поэтому наглухо задрапировал окна одеялами. Чиркнув спичку, он зажег маленькую керосиновую лампу. Под стеклом затрепетал желтый лепесток пламени.

Всматриваясь в старческое, морщинистое лицо хозяина дома, Палий спросил:

— Матвей Крикун?

Старик кивнул. Своего имени курьер не назвал. Рядовому проповеднику не положено знать, как зовут курьера, откуда он прибыл. Этого требуют законы конспирации. Курьер же знает о руководителях организаций почти все, начиная с дня рождения. Семену известно, что этот самый Матвей Крикун жил когда-то в Киевской области, бежал от коллективизации в Донбасс. Курьеров хорошо информируют о людях, к которым посылают.

— Так вот, — начал Палий, — мама получила ваше письмо и посылает вам подарок.

Крикун украдкой посмотрел на чемодан гостя. Перехватив этот взгляд, Семен пододвинул чемодан и, открыв, достал оттуда большой квадратный сверток. Развернув его, протянул старику с десяток журналов «Башня стражи» и несколько брошюр. В комнате запахло типографской краской. Глаза старого проповедника блеснули.

— Без слова божьего мы, как овцы, в тумане бродим, — заговорил он, — словом божьим веру озарять надо. Не озаришь — снопики развязываться начнут. Дьявол-то силен. Ох, как силен!

Семен слушал старика и не мог понять, искренне тот говорит о вере или же лицемерит. Среди проповедников встречал курьер и фанатиков, и таких, как он сам, авантюристов, и просто-напросто людей, выживающих из ума. И во всех случаях бывшему бандеровцу нужно было играть хорошо заученную роль верного слуги бога Иеговы. Сперва трудно было привыкать к этому, а сейчас, пожалуй, даже сам президент иеговистского «Общества» в Бруклине мог бы позавидовать ему.

«Посмотрим, что дальше будет? Если попросит денег, значит, авантюрист», — подумал Палий и заученным, благочестивым голосом начал расспрашивать о делах «килки».

Проповедник подробно рассказал о том, как собирается кружок, сколько новых членов вовлек он в него, какие трудности приходится испытывать в постоянной борьбе за каждую душу, приобщенную к святому источнику познания.

Семен внимательно слушал старика, поддакивал ему, а потом неожиданно перебил:

— Нива тут благодатная, а снопиков связано маловато. Мама обижается.

Седые брови старика дрогнули. Нижняя беззубая челюсть отвисла. Собравшись с духом, он заговорил плаксивым дрожащим голосом:

— Нива большая, да бесплодная. Скупо растут на ней злаки господни — то там, то здесь колосок.

— И колоски собирать надо. Без колосков и снопа не бывает, — вставил Семен.

— Бог видит, как я стараюсь, — начал оправдываться старик. — Недавно парня одного верой господней озарил.

«Видать, фанатик», — решил Семен и не стал больше расспрашивать о делах организации. Его вовсе не интересовало, кого и каким образом вовлек старик в секту. Нужно было решать вопрос с поездкой во Львов.

«Может быть, старик поможет», — мелькнула у него мысль, и курьер издалека повел разговор об этом.

— Много братьев и сестер по земле разбросано, и все они нуждаются в слове божьем. Но слово это не до всех доходит. Трудно стало.

Проповедник внимательно слушал, не зная еще, куда клонит свой разговор гость. А тот, пристально посмотрев в выцветшие глаза старика, спросил откровенно:

— Кого можно послать во Львов?

Беззубая челюсть старика отвисла еще ниже. Неужели ему придется ехать в далекий незнакомый город и везти туда «мамины» подарки?

— Не знаю, — прошамкал он.

— Это приказ бога Иеговы, — процедил сквозь редкие желтые зубы Палий и побарабанил пальцами по краю стола.

— Я же совсем старик, — умоляюще забормотал хозяин, взявшись за облысевшую голову.

Семену захотелось стукнуть по черепу, обтянутому желтой кожей, но он сдержался.

— Это приказ бога Иеговы, — тем же жестким голосом повторил он.

Проповедник молчал, не поднимая головы, а потом срывающимся голосом спросил:

— А если я не поеду?

Палий усмехнулся. Взяв со стола брошюру «Оздоровление мира», он полистал ее и, найдя нужное место, черкнул по странице ногтем.

— Почитай вот это, — приказал он, сунув под нос проповеднику раскрытую книжонку.

Матвей дрожащими руками поправил очки.

«Всякий, находящийся в организации этой, — читал он, — и получающий распоряжения от того места, которое поставлено, чтобы давать распоряжения, будет повиноваться этим распоряжениям, как Христу Иисусу. Это категорический приказ, причем отказ исполнить таковой или неисполнение означает гибель такого свидетеля».

Когда старик отложил брошюру в сторону, Семен спросил:

— Понятно?

— Понятно, — ответил тот.

— Значит, надо выполнять приказ.

— Может быть, кто-нибудь другой поедет? — нерешительно предложил Матвей.

— Может поехать и другой.

Это несколько приободрило проповедника. Но кто поедет? Дарью посылать нельзя, она работает. Ее дочь Ольга последнее время стала какой-то странной и подозрительной. У других братьев и сестер песок начинает сыпаться. А что, если послать новенького парня? Но как это сделать? Он работает на стройке, числится в передовиках. И вдруг в старческом мозгу, словно молния, сверкнула мысль, и он почти выкрикнул:

— Есть кого послать!

— Кого? — подался вперед Семен.

— Того самого парня, о котором я говорил.

— Надежный человек?

— Сделаем надежным, — заверил Матвей и принялся торопливо рассказывать о новом сектанте.

— Нет у него ни отца ни матери — в войну голову сложили. А парень-то думает, отец его жив, найти хочет. Вот мы и поможем ему.

Палий непонимающе посмотрел на старика, а тот продолжал:

— Пусть из Львова ему отец письмо пришлет: так, мол, и так, дорогой сынок, рад, что нашел тебя, приезжай немедленно. Львовский-то адрес, наверно, есть?

Палий чуть не подпрыгнул от радости. Вот и нашелся выход. Старик-то, оказывается, хитер, как черт, с ним любую кашу сварить можно, только припугнуть надо.

Через несколько минут Палий уже скрипел пером. Он писал во Львов: «Дорогой брат Сергей! Большой привет тебе от нашей любимой мамы. Хотел приехать к тебе в гости сам, но задержали дела. Спешу сообщить тебе радостную весть: наконец-то нашелся твой сын, которого ты потерял во время войны. Пиши ему письмо по адресу: Донбасс, Славянский район, Строительный участок № 7. Пиши, чтобы он срочно ехал к тебе. Мамины

подарки привезет сын. Он очень любит маму, поддерживай в нем эту любовь».

Сложив письмо, курьер вдруг вспомнил, что позабыл написать имя и фамилию паренька.

— Как парня-то звать? — спросил он у проповедника.

Матвей назвал. Дописав имя и фамилию, Семен вложил письмо в конверт.

— Отправить надо быстрее, — устало сказал он.

За окном пропел петух. Солнце уже всходило над землей, но сквозь толстые ватные одеяла в комнату не пробивалось ни одного луча. Лампа на столе чадила и покрывала копотью пузатое стекло.

III

Каждое утро в Еленовку со строительной площадки приходил большой голубой автобус. Шофер останавливал его около раскидистого дуба, что рос посреди села, и ожидал, когда соберутся все хлопцы и девчата, проживающие тут.

Раньше приходилось делать сюда по четыре рейса, а теперь достаточно и одного. Скоро и этот рейс отменят. Строительство общежития подходит к концу.

Водитель автобуса Иван Иванович Дерюгин, или, как его ласково называли ребята, дядя Ваня, любил эти рейсы в Еленовку. В автобусе всегда было шумно. Всю дорогу не смолкали в нем веселые шутки и раскатистый смех молодежи. А сколько замечательных песен услышал старый шофер за последний год! За всю свою жизнь не слышал он столько разных песен — и грустных и веселых. Обычно запевает черноглазая Маша Дудченко. Много украинских песен знает она: и про сиву зозулю, и про огирочки, и про карие очи... Иван Иванович раньше и не подозревал, что есть на свете так много хороших песен. По песням научился он узнавать настроение девчат. Запоют печальную — о сивой зозуле, значит, грустно у них на душе. Подхватят «Распрягайте, хлоп-

цы, кони», значит, хорошее у девчат настроение, радуются чему-то.

«Последние разочки в Еленовку езжу», — с легкой грустью подумал Иван Иванович и остановил машину на знакомом месте, около дуба, под которым уже толпились молодые строители.

— Все в сборе? — спросил он у ребят.

Высокий, широкоплечий парень, бригадир бетонщиков Григорий Щетина, окинув беглым взглядом собравшихся, недовольно проворчал:

— Гринько что-то опаздывает.

— И Ольга тоже, — подсказал ему маленький чернявый паренек и лукаво подмигнул.

Один из ребят громко рассмеялся, но его одернула Маша Дудченко.

Сузив черные глаза, прикрытые черными длинными ресницами, она с расстановкой сказала:

— Перестань смеяться!

— Это почему же? — возмутился обиженный бетонщик. — Не потому ли, что сама сохнешь по Мишке, а он на тебя и смотреть-то не хочет.

Маша покраснела, но не опустила глаз.

— А хотя бы и так, — твердо сказала она и улыбнулась, словно ничего особенного не произошло. — Не по тебе же, водохлебу такому, сохнуть.

Теперь уже смеялись многие. Ребята недолюбливали Петьку Иванова за ехидный характер, за мелочность, прозвали водохлебом. Зарабатывал Петька прилично, но отказывал себе во всем. На завтрак кроме чая и булочки ничего не брал, а в обед обходился тарелкой борща и стаканом чая. Вечером, придя в столовую на ужин, бросал буфетчице тридцать две копейки, важно говорил:

— Отпустите мне, пожалуйста, чаю.

Ребята тем временем нажимали на сметану и смеялись над любителем ароматного напитка. Петька же всякий раз серьезно доказывал им, что чай полезнее сметаны, что он повышает жизненный тонус, придает бодрость, способствует правильному обмену веществ. Все это Петька вычитал из какой-то книги и ребят, не знающих о целебных свойствах чая,

считал просто-напросто профанами. Но дело было, конечно, не в целебных свойствах древнего напитка, а в том, что он стоил в несколько раз дешевле сметаны. Такие же свойства обнаружил Петька и в соленой хамсе, потому что на три рубля можно было купить целый килограмм этой мелкой рыбешки. У него была заветная мечта: вернуться со стройки на собственном «Москвиче». Ради этого он и экономил деньги. Он даже во сне видел, как въедет на новенькой машине в родную Дергачевку, как будут шептаться между собой соседские девчата, как он поставит свою голубую красавицу под соломенный навес сарая. Ради этой мечты Петька ел соленую хамсу, пил чай, терпел бесконечные насмешки. Стерпел бы он и на этот раз, но, заметив Михаила и Ольгу, спешивших к автобусу, с ехидцей сказал обидчице:

— Ольга-то посильнее тебя оказалась: из-под носа Мишку увела.

Маша еще не знала, любит она Михаила или нет. Ей нравился этот тихий скромный паренек с большими печальными глазами. Он не был похож на других ребят: не сквернословил, не пил водки, не приставал к девушкам с глупыми шутками. Маша могла подолгу любоваться, как он орудует тяжелым вибратором. Ей нравилось работать рядом с Михаилом. Стараясь поспеть за ним, она не чувствовала даже усталости. Иногда у девушки появлялось желание подойти к бетонщику и стереть с его лба крупные капли пота. Ни с того ни с сего приходил он вдруг в ее девичьи сны. Ребята замечали это, и только один Михаил оставался слеп. Подружки советовали Маше поговорить с Михаилом, но та отшучивалась: зачем, мол, мне нужен такой тихоня, и продолжала думать о нем.

А в Машу был влюблен бригадир Григорий Щетина. Он не скрывал этого ни от кого, хотя и знал, что Маша неравнодушна к Михаилу.

— Все равно моей будешь, — самоуверенно говорил он девушке.

Гринько жил на квартире у тети Даши Демченко. Ее дочь Ольга работала в одной бригаде с ним.

Щетина все свои надежды возлагал на то, что рано или поздно между Михаилом и Ольгой вспыхнет любовь и тогда Маша благосклонно отнесется к его чувству.

В автобусе Михаил и Ольга сели рядом. Когда дверка захлопнулась и машина, поднимая клубы пыли, помчалась по сельской улице, Петька Иванов снова уколол Машу. Кивнув в сторону Михаила, он громко сказал:

— Напрасно ты по нему сохнешь, — а потом, подмигнув Ольге, спросил, — правда, ведь, Оля?

Девушка ничего не ответила. Она только низко опустила голову и покраснела, словно ее обдали кипятком. Михаил тоже промолчал.

Кое-кто из ребят возмутился Петькиным злословием, но тот не унимался.

— Мишка скоро в примаки пойдет. Тещины-то блины вкуснее, чем в столовке, — разглагольствовал он на весь автобус. — А на свадьбу Борьку Жмурко пригласить надо. Он здорово в свою трубу дует, свадебный вальс не хуже Эдди Рознера исполнит.

Борька Жмурко принял это за комплимент и расплылся в довольной улыбке. Его круглые щеки заалели, словно созревшие яблоки. Одернув свою чистенькую спецовку, он, немного картавя, произнес:

— Я с удовольствием, но с одной трубой свадьбы не бывает. Свадьба все-таки не солдатский лагерный сбор.

Слово «сбор» у него прозвучало, как «сбох».

— Сбох, сбох, — передразнил его Петька. — Сам не будь плох — и порядок. Хороший музыкант и на трубе хорошо сыграет. В крайнем случае, я с барабаном приду.

— В музыканты записаться хочешь? — спросила с издевкой Маша. — Опоздал, дружок. Вакантных мест в инструменталке нет: Борька занял.

— По распоряжению начальника управления Мусоргского, по приказу начальника участка Бурлака, — вставил Борька.

Ему хотелось, чтобы эта фраза прозвучала веско и торжественно, но снова подвела картавинка.

— Сам ты Бухлак, если вибратор на трубу променял. Букварь ты, а не строитель, — с чувством пренебрежения проговорил Григорий и, уже поворачиваясь к Михаилу, спросил: — Правда, что ли, свадьба будет?

Ему очень хотелось, чтобы это действительно было так.

Михаил продолжал смущенно молчать. Маше было больно смотреть на него. Почему он не может постоять за себя? Почему не скажет, что все это ложь?

— Глупости Петька болтает! — крикнула она и притопнула ногой.

— Ага, за живое задело? — обрадовался Петька и расхохотался, будто сказал что-то остроумное.

Его никто не поддержал.

— Ты что, чаю перебрал, что ли? Тогда останови автобус, сбегай в кусты, — одернул Петьку бригадир.

Не найдя поддержки у ребят, Петька замолчал. А ведь он рассчитывал, что бригадир будет на его стороне. На какой-то миг в автобусе наступила тишина. Воспользовавшись ею, Иван Иванович предложил:

— Вы бы лучше песню спели.

Но петь никому не хотелось. Петька испортил всем настроение.

IV

Николай Петрович проснулся чуть свет. Побрившись и сполоснувшись холодной водой из-под крана, он вышел из общежития и, не торопясь, зашагал по склону балочки на строительную площадку. Солнце медленно поднималось над прибрежным лозняком, разливая вокруг розовые холодные лучи. Речная вода была похожа на густой малиновый сироп. На травинках сверкали капельки скупой росы. Поднимется солнце повыше, и останутся на стебельках только

светлые пятнышки, а к концу дня они исчезнут — покроются пылью.

На строительной площадке, несмотря на ранний час, кипела жизнь. От бетонного завода к плотине один за другим тянулись самосвалы. Подойдя к котловану, они чуть притормаживали и осторожно спускались в него. Издалека казалось, что это идет на водопой стадо каких-то доисторических животных.

«Как мамонты», — подумал Светличный. Эта мысль промелькнула не случайно. В этих местах когда-то проходили мамонтовы тропы. Не раз уже экскаваторщики при разработке котлована находили в песке обломки гигантских костей.

Не заходя в контору, Николай Петрович направился к плотине, которая серой громадой возвышалась над котлованом. Ее сооружение уже приближалось к концу. Крутолобые бетонные бычки ждали, когда ударит в них речная волна. На их плечах лежала галерея из сборного железобетона. Кое-каких узлов там еще недоставало, и бока галереи зияли широкими проемами.

Бетонщики работали в котловане. Они покрывали непроницаемой одеждой его дно и крутые откосы. Спустившись по деревянной лестнице, Светличный подошел к молодым строителям. Ребята дружно работали широкими лопатами, бросая на арматурную сетку тяжелую бетонную смесь, спускавшуюся в котлован по металлическому желобу. Заполнив сетку смесью, бетонщики принимались уплотнять ее тяжелыми вибраторами. Проворнее всех работал высокий скуластый парень. Николай Петрович сразу узнал в нем бригадира Григория Щетину, хотя у того не было полосатого галстука и чуб был зачесан совсем не так, как на фотокарточке, вывешенной на Доске почета. Узнал Светличный и Михаила Гринько. Тот работал спокойно и сосредоточенно. Упершись ногами в сетку, он с силой налегал на рукоятку вибратора, загоняя густую бетонную смесь в тесные железные клетки арматуры.

Чуть в стороне работали девушки. Они поливали из черных шлангов уже забетонированную часть от-

коса. Это делалось для того, чтобы бетон затвердевал постепенно и не давал трещин.

Солнце начинало припекать. Вода, омывающая бетон, скатывалась с откоса и разливалась по широкому дну. От нее поднимался легкий парок.

— Товарищ Щетина, можно вас на минутку, — окликнул Светличный бригадира.

Григорий недовольно посмотрел на незнакомого человека, но все же выключил вибратор. Спустившись в котлован, спросил:

— Вы по какому делу? Хронометраж снимать приехали, что ли?

Светличный объяснил, кто он такой и зачем приехал сюда.

— Тогда другое дело, — широко улыбнулся Щетина. — А я думал хронометражист. К нам они часто приезжают. Постоят, на часики посмотрят, а потом ка-а-к чиркнут по норме...

— Как чиркнут?

— Как бритвой! Ни один парикмахер так не побреет.

— На сколько процентов вы норму выполняете?

— После очередного бритья — на сто пятьдесят.

Услышав разговор о процентах, ребята один за другим повыключали вибраторы и столпились около журналиста. Со всех сторон посыпались вопросы. Светличный еле успевал отвечать на них. Но больше всего молодых бетонщиков интересовало, о ком же журналист будет писать очерк. В восемнадцать лет каждому хочется увидеть в газете свою фамилию, а может быть, и портрет.

— Как работает Гринько? — спросил Николай Петрович у бригадира.

Григорий замешкался, и Светличный понял, что бригадир не одобряет эту кандидатуру.

Маша Дудченко, заметив кислую мину на лице Григория, возмутилась:

— Ты что, кислушку проглотил, что ли? — выпалила она. — Ну, скажи, как Михаил работает. Только честно скажи!

— Я против ничего не имею. Работает как все, —

ответил Григорий и посмотрел на ребят, ожидая от них подтверждения своих слов.

— Конечно, как все! — зашумели ребята.

Никто из них не совершал особо героических подвигов. Все они начинали свою трудовую жизнь на этой стройке, в этом глубоком котловане. Правильнее всего будет написать очерк не об одном человеке, а обо всей бригаде. Так и решил Светличный.

Ребята продолжали галдеть. Больше всех разорялся Петька Иванов. Он еще не забыл обиду, нанесенную ему утром, и всячески старался отомстить Маше.

— Видите, как она Мишку в герои тащит? Будто мы хуже его работаем, — кричал он, топчась в луже воды, сбежавшей с откоса.

— Что ты как лошадь топчешься? — одернул его бригадир. — Чайком бы лучше нервы успокоил.

Ребята снова громко рассмеялись. Петька потерпел очередное поражение.

В общем разговоре не принимали участия только Михаил с Ольгой. За все время Михаил произнес только одну фразу:

— А чего обо мне писать?

Ольга стояла в стороне и нервно теребила концы косынки. С самого утра у нее было тяжело на душе. Зачем смеется над ней этот Петька Иванов? Что понимает он?

С тайным страхом посмотрела девушка на Михаила. Нет, она не боялась, что он уйдет к Маше. Та умеет бороться за свою любовь. Когда любишь — надо быть сильным. А где взять эту силу, у кого занять ее, хотя бы для того, чтобы сказать любимому о своей любви? Люди со стороны замечают эту любовь, а Михаил живет в одном доме и не видит ее или не хочет видеть. Слепым сделал его этот проклятый старик Крикун, взял в цепкие лапы доверчивое сердце парня. Порою Ольге хочется крикнуть: «Спасите его!» Но от этого удерживает страх. Не о себе думает она. Ей нужно, чтобы прозрел Михаил и, прозрев, позвал за собой. Она пойдет за ним хоть на край света.

Светличный пробыл в котловане до конца смены. Несколько минут он наблюдал, как работают бетонщики, а потом, засучив рукава, вместе с ними укладывал арматурную сетку, бросал на нее бетон и орудовал вибратором.

— Полсотни вы уже заработали, — пошутил Щетина, когда бригада поднималась из котлована.

Светличный проводил бетонщиков до автобуса. Среди них не было только Михаила и Ольги.

— А куда же твой герой делся? — спросил Петька ехидно у Маши.

— Ты, Петька, хуже собаки, та хоть на своих не лает, — отрезала Маша и так посмотрела на задиру, что у того пропала всякая охота разговаривать с ней.

Михаила и Ольгу бетонщики ждали несколько минут, но так и не дождались их.

— Поехали, дядя Ваня! — крикнул Григорий, усаживаясь рядом с Машей.

И снова, как утром, шел автобус по степной дороге без песен.

V

Михаил с Ольгой возвращались домой прямо через степь. Шли они молча. Первой нарушила молчание Ольга.

— Тебе бы лучше было вместе с ребятами в автобусе ехать, — несмело сказала она.

— Почему? — удивился Михаил.

— И так говорят, а теперь и вовсе засмеют.

— Ну и пусть смеются.

Девушка с немым укором посмотрела на Михаила.

— Тебе-то что? А мне это вовсе ни к чему. И так, как на гвоздях, живу: куда ни повернись — везде больно. А теперь еще это, — сказала она.

— А ты на это не обращай внимания.

Ольга резко остановилась.

— Слепой ты человек, Миша. Ничего ты не видишь и не знаешь, кроме своей библии...

— Что ты говоришь, Оля? — испуганно перебил ее Михаил.

— Нельзя так жить. Понимаешь, нельзя! — чуть не плача заговорила девушка.

Не поняв ее, Михаил простодушно спросил:

— Может быть, мне на другую квартиру перейти?

— Тоже насмешек испугался? Или к проповеднику поближе перебраться хочешь? — уже злым голосом спросила Ольга.

— Я хочу как лучше, — начал оправдываться парень.

— Для себя или для меня?

— Для тебя.

— Поступай, как знаешь. Как сердце велит.

— Вот никуда я и не перейду от вас, — вдруг решительно заявил Михаил и неестественно рассмеялся.

Ольга грустно покачала головой. Ах, Миша, Миша, так ничего и не понял ты!

Вспомнился ей хмурый осенний день, когда она впервые увидела Михаила. В их дом паренька привел заместитель начальника строительного участка Петр Егорович Колода.

— Вот вам квартирант, о котором мы договаривались, — сказал он матери и, зачеркнув в списке фамилию Михаила, торопливо вышел на улицу, где его ожидали другие хлопцы и девчата.

Всех их нужно было пристроить на частных квартирах в Еленовке, потому что мест в общежитии для всех приехавших на стройку не хватило.

Мать встретила паренька приветливо: отдала в его распоряжение лучшую комнату, прибрала ее, словно для родного сына. Квартирант оказался на редкость застенчивым и неразговорчивым. Неохотно рассказывал о себе, смущался, когда ему задавали вопросы. Никто ни разу не видел его в шумной компании на сельской улице.

— Красная девица, а не парень, — говорили о нем в Еленовке.

Ольга работала с Михаилом в одной бригаде, жила в одном доме, но знала о нем очень мало. Рабо-

тал Михаил замечательно. Быстро освоив профессию, он стал одним из лучших бетонщиков в бригаде. Девчата засматривались на трудолюбивого красивого парня, но он оставался равнодушным к их красноречивым взглядам.

«Почему он такой нелюдимый», — думала Ольга и боялась заговорить с Михаилом.

Однажды она совсем случайно подслушала разговор Михаила со своей матерью и многое поняла. Паренек даже не помнит, откуда он родом. В самом начале войны потерял он родителей. Отец ушел на фронт, а мать погибла под бомбежкой, когда эвакуировалась с двухлетним сынишкой в тыл. Чудом уцелевшего мальчишку подобрала на железнодорожной насыпи какая-то тетка Прасковья, дала свою фамилию, стала ему вроде второй матерью. Жила она в стареньком домишке на железнодорожной станции, неподалеку от которой попал под бомбежку эшелон с эвакуированными женщинами и детьми. Три сына ее сражались на фронте, и ни один не вернулся к матери. Один погиб под Харьковом, другой — на Карпатах, третий — у стен рейхстага. Так сообщалось в извещениях.

Тяжелое горе придавило женщину, выело горючими слезами материнские глаза. До последних дней своих не верила она в смерть своих сыновей, долгими ночами простаивала на коленях перед иконой, моля бога вернуть их живыми под родительский кров. Шли годы, а сыновья не возвращались.

Набожная женщина научила молиться маленького Михаила. Сперва он делал это неосознанно, а потом молитва стала для него необходимостью. В школе, где он учился, об этом ничего не знали. Несколько раз читал он библию, но не понял в ней ничего. Однако, многие из заповедей пришлись ему по душе. Например: не убий, не укради, не обидь ближнего...

Михаил не помнил ни отца, ни матери, но они часто приходили в его сны. Мать в сновидениях была всегда такой, как на карточке, найденной теткой Прасковьей в тот страшный день в кармане женщины, обнимающей руками плачущего сынишку: боль-

шеглазой, красивой. Она улыбалась, манила взглядом, но Михаил никогда не слышал ее голоса.

Отец снился по-разному: то в военной форме, то в кителе железнодорожника, то преподавателем географии, водящим указкой по большому школьному глобусу. Отцовское лицо в каждом сне тоже было другое: то молодое, то старое, в глубоких морщинах. Только голос всегда был одинаковый: приглушенный, с хрипотцой.

Михаил рассказывал эти сны тетке Прасковье. Та крестилась и делала свои выводы:

— Значит, жив твой отец, если голос подает, а мертвые и во сне молчат. Вот мои сыночки тоже со мной каждую ночь говорят. Значит, живы родимые мои.

В том, что матери нет в живых, Михаил не сомневался. Тетка Прасковья уже не раз рассказывала ему о том, как оторвала его от мертвой матери, как нашла карточку. Мать была похоронена в братской могиле неподалеку от станции. Михаил с теткой Прасковьей часто ходили туда. Весной приносили букеты сирени, а зимой — гроздья рябины. Эти гроздья долго тлели потом на белом снегу, словно из могилы продолжала просачиваться живая горячая кровь.

— За отца молись, — внушала тетка Прасковья Михаилу.

И Михаил молился вместе с ней.

Год тому назад вернулся младший сын тетки Прасковьи. Был он в плену, а потом мытарствовал где-то на чужбине.

— Услышал бог мою молитву! — ликовала старуха.

После возвращения сына она прожила недолго. Видимо, не выдержало сердце великой радости. Похоронив старуху, пропадавший сын продал на слом ее хибарку, а Михаилу сказал:

— К жизни пора пристраиваться.

Михаилу все равно куда было ехать. И он, недолго раздумывая, поехал с ребятами в Донбасс на строительство канала.

У тети Даши Михаилу понравилось. Он попал здесь в привычную обстановку. Квартирная хозяйка была верующей. Ольга тоже верила в бога. Обе они состояли в секте иеговистов. Тетя Даша рассказала о Михаиле проповеднику Матвею Крикуну, и тот зачастил в ее дом. Как-то раз, будто ничего не зная, он спросил у Михаила:

— Письма-то от родителей получаешь?

— Нет у меня родителей.

И тут проповедник заговорил елейным голосом:

— Много на земле еще горемык обездоленных, одни в куске хлеба нуждаются, другие — в ласке душевной. А земля наша скупа на ласку стала. Ой как скупа! Черствой стала она. В камень да железо оделась и души людские в камень одела.

— В камень, батюшка, в камень, поддакивала проповеднику тетя Даша.

— Но есть на земле милость божья, вызванная материнской молитвой, — продолжал старик. — Видел я силу этой молитвы. В начале войны бежали мы от врага лютого. Ехала в нашем вагоне женщина с ребенком. Разные люди были в вагоне: одни врага проклинали, другие бога гневили, третьи плакали, а эта женщина, прижав ребенка к груди своей, просила у бога нашего Иеговы только одного, чтобы спас он от смерти сына ее.

— А что было потом? — с волнением спросил Михаил.

— Налетели самолеты и засыпали людей бомбами. Многие погибли под обломками, погибла и женщина, а ребенок остался живым. Бабка какая-то подобрала его...

— Вы помните эту женщину? — перебил Михаил проповедника.

— Я запомнил ее на всю жизнь, — торжественно изрек тот и закатил свои бесцветные глаза.

Михаил показал карточку матери проповеднику. Старик повертел ее в руках, несколько раз пристально посмотрел то на нее, то на Михаила и тем же голосом сказал:

— Это она, верная слуга бога нашего Иеговы.

— Может быть, вы отца моего знали? — с тайной надеждой спросил Михаил.

— Я не знал его, но если он жив — ты встретишься с ним. Слуги бога Иеговы вездесущи.

Карточку проповедник спрятал в карман. Михаил хотел было попросить карточку обратно, но старик опередил его:

— Слугам бога нашего она нужней, — многозначительно произнес он.

Потрясенный всем слышанным, Михаил не настаивал.

Уходя, старик ласково потрепал Михаила за волосы, пригласил к себе:

— С хозяйкой и дочерью ее вместе приходи, они дорогу знают.

Вскоре Гринько простудился на стройке и тяжело заболел. Старый Крикун прибежал к нему раньше врача. Три недели Михаил не вставал с постели, и все это время проповедник крутился около него, нашептывал проповеди, приносил подарки. Ребята из бригады приходили к больному всего один раз. Посидели с полчаса, оставили на столе подарки и собрались уходить.

— Получим зарплату — еще придем, — крикнул с порога Щетина.

А разве подарки были нужны Михаилу? Тетя Даша и Ольга ухаживали за ним, как за родным. Часами просиживала Ольга у его изголовья, меняла холодные компрессы, поила больного с ложечки горькими лекарствами. Не тогда ли шевельнулось в ее сердце первое робкое неосознанное чувство? Она сама до сих пор не знает, с чего началось оно. И чем сильнее стучалась в ее сердце первая любовь, тем тревожнее становилось за себя и за Михаила. Погубит старый Крикун Михаила, искалечит его душу. К тому времени Ольга уже постепенно начала освобождаться от религиозного дурмана. Она знала, что о матери Михаила проповеднику рассказала ее мать, а старик воспользовался этим и выдал себя за очевидца, чтобы вовлечь доверчивого парня в секту.

Играя на дорогих чувствах Михаила, он хитро плел свою паутину. Если раньше девушка верила проповеднику, то теперь в каждом его слове ей слышалась ложь. Реже стала ходить она на сборища сектантов...

— Значит, останешься, у нас? — тихо спросила Ольга.

— Останусь, — подтвердил Михаил и, заметив грусть в глазах девушки, спросил: — А ты почему никогда не смеешься?

— Хорошо смеяться красивым.

— А ты разве не красивая? — удивился Михаил, заглядывая в лицо девушке. — Ты очень красивая, даже сама не знаешь, какая красивая!

На глаза Ольги навернулись слезы.

— Зачем ты надо мной смеешься? — чуть слышно проговорила она и отвернулась, чтобы Михаил не увидел увлажненных слезами глаз.

Михаил растерялся и не знал, как успокоить девушку.

— Честное слово, ты красивая, — повторял он, не находя слов, какими можно было бы рассказать о ее красоте.

Заметив василек, выглядывающий из колючей травы, Михаил сорвал его и робко протянул Ольге.

— Глаза у тебя голубые-голубые, как этот цветок. Ты самая красивая! — с восторгом заговорил он, сам удивляясь своей смелости.

И Ольга поняла, что ее не обманывают. С благодарностью посмотрела она на паренька и, не говоря ни слова, бросилась бежать по выжженной солнцем траве к Еленовке. Сердце бешено стучало от нахлынувшего счастья и быстрого бега. Девушке казалось, что оно вот-вот выскочит из груди.

Прибежав домой, Ольга заперлась в своей комнате. Ей хотелось побыть наедине со своим счастьем. Словно обессилев от него, она упала ничком на кровать и закрыла ладонями уши. И сквозь этот звон откуда-то издалека доносился ласковый голос Михаила:

— Ты самая красивая! Глаза у тебя голубые-голубые...

Вскочив с кровати, она выдвинула ящик комода. Порывшись в нем, достала маленькое зеркальце. Счастливые, сияющие глаза глянули на нее. Приложив цветок к виску, она еще раз посмотрела в зеркальце и радостно улыбнулась: глаза и цветок были одинаковой голубизны.

В комнату постучали.

— Кто там? — испуганно спросила Ольга.

Она подумала, что это пришел Михаил, но за дверью послышался голос матери. Бросив цветок на стол, девушка открыла дверь и моментально погасила счастливую улыбку.

— Зачем это ты запираешься? — ворчливо спросила мать. В глаза ей бросился цветок. Увидела она и счастливый блеск в глазах дочери. Матери все хорошо понимают.

— Не верь цветам, доченька. Не приносят они счастья, — с грустной нежностью сказала она и прижала дочь к своей груди.

— Почему, мама?

Женщина тяжело вздохнула. Немного помолчав, она устало опустила руки и, пройдясь по комнате, остановилась около комода, на котором в самодельной рамочке, обклеенной мелкими цветными ракушками, стояла фотография отца Ольги, погибшего на берегах далекого Днестра.

— И мне когда-то дарили цветы, — снова заговорила мать и посмотрела на портрет мужа. — А теперь нет ни его, ни цветов... Прожила год невестой, месяц — женой, семнадцать лет — вдовой. Вот и все.

Ольга молчала. Ей до слез было жаль мать. Тихонько подойдя к ней, она губами сняла с материнских щек соленые слезинки.

Тронутая лаской дочери, мать продолжала говорить:

— Несчастная ты у меня.

— Неправда это! — вырвалось у Ольги.

Ей хотелось рассказать обо всем: и о любви своей, и о счастье, которое может быть у нее, и о словах, сказанных сегодня Михаилом, но мать перебила:

— Не надо об этом, доченька. Я знаю, какие слова говорят девушкам, только все это тлен, все прахом пойдет. Нельзя любить в наше время. Армагеддон-то близок. Дети ваши в огне сгорят.

— Можно, мама, можно! — выкрикнула Ольга и вырвалась из материнских рук.

Лицо матери мгновенно стало суровым. Смахнув со стола цветок, она спросила резким голосом:

— Кто в душу твою дьявольские семена заронил?

— Жизнь! — твердо ответила Ольга, не отводя взгляда от гневных материнских глаз.

— Не будет тебе прощения от бога.

Девушке стало вдруг страшно. В глазах у матери было столько веры в сказанное, что эта вера невольно передалась и Ольге. Сердце дрогнуло. Вспомнились слова проповедника: «В прах превратит он все, созданное руками человека, испепелит огнем дьявольское племя земное, воскресит только слуг своих, сделает их бессмертными. Армагеддон грядет!»

Мать почувствовала это. Обняв дочь, она прежним ласковым голосом шепнула:

— Одумайся, доченька.

Ольга ничего не ответила. Она только сильнее прижалась к теплому материнскому плечу и беззвучно заплакала.

— Плачь, плачь — на душе легче будет, — шептала мать, поглаживая вздрагивающие плечи дочери.

Уходя из комнаты, она тяжело наступила на цветок. Голубые лепестки его остались на резиновой подошве парусиновых стоптанных туфель. Один только хрупкий стебелек продолжал сиротливо лежать на деревянном полу.

— Вечером к брату Матвею пойдем, — сказала с порога мать и прикрыла за собой дверь.

VI

В Еленовке мало кому было известно, что происходит за толстыми бревенчатыми стенами дома Матвея Крикуна.

На какие средства живет хозяин мрачного дома, никто толком не знал.

— Сын помогает, — отвечал он тем, кто особенно интересовался.

Почтальон подтверждал, что действительно приносит каждый месяц Крикуну извещение на получение денег. Сына же Матвея Крикуна никто не видел. Даже близкие соседи не знали, где он живет и чем занимается.

Мертвым казался дом старика. Но это только на первый взгляд. Если бы кто-нибудь залег ночью в зарослях лозняка и понаблюдал за ним, то увидел бы странные вещи: постоянно, оглядываясь по сторонам, тайком пробирались к нему какие-то люди. Бесшумно скрывались они в доме, а часа через два по одному выходили оттуда и растворялись в ночной темноте.

Уже несколько раз таким же образом пробирался к дому проповедника и Михаил Гринько.

Сегодня ему не особенно хотелось идти туда, но тетя Даша настояла на своем, да и Ольга вела себя так, словно между ними не было того разговора в степи.

Ольга с матерью ушли раньше. Когда Михаил пришел к проповеднику, они уже сидели за длинным столом. Кроме них в полутемной комнате было еще несколько человек. Проповедник строго посмотрел на Михаила и показал глазами, куда тот должен сесть. На этот раз его соседкой по столу оказалась худая морщинистая старуха, похожая на бабу-ягу. Она без конца двигала своей беззубой челюстью, словно жевала жвачку. По другую сторону сидел кряжистый мужчина лет пятидесяти. Он положил на стол большие, покрытые жгутами вен руки и уставился в одну точку, боясь моргнуть.

Ольга украдкой посмотрела на Михаила. Встретившись с его взглядом, тут же отвернулась. А паренек продолжал смотреть на нее, дожидаясь, когда она поднимет свои голубые глаза. Но Ольга не поднимала их. Беззубая старуха, заметив, куда смотрит Михаил, перестала двигать своей противной челюстью и вы-

тянула шею, словно жвачка застряла у нее в горле.

— Бесстыдник! — прошипела она и ущипнула Михаила.

Проповедник ничего этого не заметил. Он выкрутил фитиль в лампе. В комнате стало немного светлей.

— Начнем, братья и сестры, — изрек проповедник и зашуршал страницами журнала, привезенного курьером.

Найдя нужную статью, он монотонным голосом начал читать. Смысл статьи плохо доходил до Михаила, потому что он думал об Ольге.

Когда проповедник кончил читать, кряжистый мужчина спросил:

— Как же бог Иегова свидетелей своих воскрешать будет?

Проповедник мельком посмотрел на спрашивающего и снова зашуршал страницами журнала.

— А вот так, — проговорил он. — Когда кто-либо умирает и будет погребен, его тело в процессе разложения распадается на элементы, которые, скажем, будут поглощены яблоней. Различные люди едят яблоки этого дерева. Таким образом атомы первоначального лица попадают ко многим лицам. Очевидно, при воскрешении те же самые атомы не могут быть одновременно в первоначальном виде и во всех других лицах. Поэтому тело, которое воскрешено, не может являться точным двойником тела, каковым оно было в момент смерти... Понятно?

Мужчина кивнул. Закивали и другие сектанты. Особенно усердствовала старуха. На ее лице даже появилось подобие улыбки. Видимо, такое воскрешение вполне устраивало ее. Дряхлая, беззубая старуха видела себя уже в царстве божьем молодой и красивой, а не такой, какой она покинет землю.

Михаил снова взглянул на Ольгу. Та сидела, не поднимая головы, равнодушная ко всему. Тетя Даша с тревогой посмотрела на дочь.

— А как бог Иегова среди всех умерших слуг своих найдет? — не унимался мужчина.

Проповеднику это явно не понравилось. Лоб его наморщился.

— Здесь об этом пишется так, — резко сказал он и прочитал из журнала. — Так же, как инспектор фабрики сравнивает готовую продукцию с контрольным образцом и определяет все, что не соответствует образцу, так и бог проверяет по нашей жизни — последовали ли мы его праведному образцу, и запоминает. Злых бог не помнит, следовательно, они и не будут воскрешены.

Больше вопросов никто не задавал. С трепетом слушали сектанты проповедника, который уже читал статью о грядущей битве бога с сатаной—Армагеддоне. Зловеще звучал в мрачной комнате его дребезжащий старческий голос:

— Весь род человеческий сгорит в страшном пламени этой битвы...

Михаил увидел, как от этих слов вздрогнула Ольга и прижалась к матери.

— И мы? — со страхом спросила она и второй раз за весь вечер посмотрела на Михаила. Проповедник ничего не ответил.

Словно крылья коршуна, взметнулись к потолку его сухие жилистые руки. Старик с надрывом выкрикнул:

— Армагеддон грядет!

— Армагеддон грядет! — гаркнул мужчина и сжал кулаки, синие жгуты вен на его руках готовы были лопнуть он натуги.

— Армагеддон грядет, — прошамкала старуха.

— Армагеддон грядет, — повторила тетя Даша и покосилась на Ольгу.

Под строгим материнским взглядом девушка съежилась, стала похожа на маленькую беспомощную птичку, застигнутую грозой.

— Армагеддон грядет, — сорвалось с ее дрожащих губ.

— Армагеддон грядет, — голосили сектанты.

Поддаваясь общему экстазу, теряя волю над собой, Михаил, словно в бреду, повторил за ними:

— Армагеддон грядет.

А потом снова наступило просветление. Хотелось скорее уйти отсюда, постоять под чистыми летними звездами, подышать речной прохладой, поговорить с Ольгой.

Проповедник почувствовал это. Встав из-за стола, он подошел к Михаилу, обнял его за плечи, заговорил елейным голосом:

— Знаю, о чем думаешь ты, ведаю, что просишь у бога нашего. Верно служи ему и ниспошлет он тебе милость свою. Слово даю тебе, не в царстве божьем, а еще здесь, на земле встретишься ты с отцом своим. Недалек тот день, когда он прижмет тебя к груди своей.

С замирающим сердцем слушал Михаил проповедника. Сектанты повскакивали со своих мест и окружили Михаила тесным кольцом.

— Велика милость божья, — шепелявила старуха и порывалась поцеловать паренька.

Дотошный мужчина, легонько оттолкнув ее, облобызал Михаила, прогнусавил:

— Верь богу и пошлет он тебе встречу с отцом.

«Я верю», — невольно подумал Михаил и вспомнил тетку Прасковью. Она тоже верила, молилась, и сын, которого считали давным-давно погибшим, вернулся к ней живым и невредимым.

Тетя Даша плакала от умиления. Радовались все. Только Ольга была безучастна ко всему происходящему. Михаилу очень хотелось, чтобы она была рядом, но девушка, воспользовавшись общей суматохой, незаметно скрылась. Следом за ней, один за другим, разошлись и остальные.

Михаил пробрался домой задворками. Окно Ольгиной комнаты было темным.

Раздевшись, паренек лег в постель, но так и не смог заснуть до рассвета. Много задач задала ему жизнь, но ни на одну из них не подсказала ответа. Скоро год, как он работает на строительстве канала, трудится со своими ровесниками, а те вовсе не знают его, никто из них ни разу не заглянул ему в душу. Учился он в школе, и там было то же самое. А вот

тетка Прасковья, проповедник Матвей, тетя Даша поняли его, помогли в трудную минуту.

Человек должен во что-то верить. И Михаил поверил в людей, облекающих свою доброту именем бога. Все хорошее, что он видел в жизни, было связано с богом, делалось именем его. Тетка Прасковья подобрала его на железнодорожной насыпи и с двух лет стала внушать, что это бог надоумил ее сделать доброе дело. С именем бога пришел к больному Михаилу и проповедник. Ни в школе, ни на стройке никто не пообещал найти пареньку отца, а проповедник именем бога поклялся, что встреча сына с отцом состоится. Страшно было думать об Армагеддоне.

Михаил вспомнил, как вздрогнула Ольга при этом слове, вспомнил ее мимолетный взгляд, полный тоски и отчаяния. Оля, Оля, как понять тебя? Почему ты вдруг стала такой далекой? Заронила в сердце горячую искорку и мигом погасила ее, словно испугавшись, что разгорится она жарким пламенем.

В Ольгиной комнате послышались шаги босых ног.

«Не спит», — подумал Михаил и легонько постучал в стенку. Шаги смолкли. Паренек постучал еще раз, но ответа так и не дождался.

Не сразу лег спать и Матвей Крикун. Проводив до дверей дряхлую старуху, которая уходила последней, он вернулся в комнату и устало опустился на табуретку. Из-за занавески вразвалку вышел курьер. Присев рядом с проповедником, спросил:

— Этого самого парня в виду имеешь?

— Его.

— Парень вроде подходящий, — согласился Палий. Не дожидаясь, когда старик намекнет о материальной помощи, он достал из кармана толстый бумажник и, порывшись в нем, извлек несколько сторублевых бумажек.

— От мамы, на дела божьи, — проговорил курьер с расстановкой и положил деньги на стол.

Старик взял их не сразу. Покосившись, спросил:

— Все?

— Все! — резко сказал курьер и, поднявшись из-за стола, добавил: — Спать пора.

Часть денег, посланных проповеднику, он оставил в своем объемистом бумажнике.

«И этот авантюрист», — со злостью подумал Палий, засыпая.

VII

Строительство нового общежития подходило к концу. Работа там спорилась. Начальник участка даже распорядился, чтобы туда перебросили девчат из бригады Григория Щетины. Они выгребали из коридоров мусор, белили стены, протирали оконные стекла, заляпанные известкой и брызгами раствора. Работа в общежитии казалась бетонщицам легкой забавой.

— Как на курорте, — шутила Маша Дудченко.

— Точно, — соглашалась с ней Люба Галочкина, недавно избранная секретарем комсомольской организации.

Ольга работала молча, старательно, не вступая в разговор с девчатами.

— На Машу, наверное, обижаешься? — спросила Люба.

Ольга ничего не ответила, только усерднее начала тереть тряпкой по оконному стеклу.

— С какой стати ей на меня обижаться? — удивилась Маша.

— Неправду ты говоришь, — погрозила ей Люба пальцем.

— Это ты на Гринько намекаешь, что ли? — спросила Маша и бросила тряпку на подоконник. — Ты бы лучше поинтересовалась, почему до сих пор Ольга не комсомолка, почему Михаил бирюком живет. Выбрали мы тебя секретарем, а, видно, напрасно. Тебе только сплетни разводить, а не серьезными делами заниматься.

Люба опешила. Она не ожидала, что Маша близко примет к сердцу ее шутку.

— Я же пошутила, — начала оправдываться она.

— Надо знать, когда и где шутить, товарищ секретарь, — отчеканила Маша и, повернувшись к Ольге, спросила: — Ты обижаешься на меня?

Ольга покачала головой. Нет, она не обижается на Машу. Она даже благодарна ей за великодушие, с каким та отказывается от своей любви. А ведь Маша красивая. Будь она чуть смелее и настойчивее и пошел бы за ней Михаил. Несмелая она, а может быть, просто жалеет и, сознавая свою силу, не хочет отнять у слабой последнюю радость?

— Хватит об этом, девчата! Давайте лучше песню споем, — предложила Люба.

— Вот это другое дело! — согласилась Маша.

Она вполголоса запела:

Что сегодня случилось со мною?
Я пьяна от земной красоты,
Оттого, что вечерней порою
Подарил мне любимый цветы.

Ольга уже не раз слышала эту песню, но сегодня она как-то особенно волновала девушку. Вспомнилась вдруг степь, счастливые глаза Михаила, василек, подаренный им.

— Ты почему не поешь? — спросила у нее Люба.

— Слов не знаю, — рассеянно ответила Ольга.

А Маша продолжала славить песней любовь и цветы. В ее голосе звучала и грусть и нескрываемая надежда.

Не повянут бессмертники эти,
Им цвести на земле вновь и вновь,
Потому, что бессмертна на свете
Наша юность, цветы и любовь.

«Не повянут бессмертники эти», — повторила про себя Ольга. И ей вспомнился цветок, растоптанный матерью.

Песню прервал приход Бурлака и Светличного.

— Хорошо поете, — похвалил начальник девчат и начал придирчиво осматривать комнату. Потрогал

замазку на окнах, щелкнул выключателем, провел пальцем по подоконнику, проверяя, высохла ли краска. Все было в порядке.

— Завтра людей из Еленовки переселять будем,— сказал он журналисту и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Николай Петрович остался с девчатами, чтобы поговорить с ними о житье-бытье. Для большого очерка, который он задумал написать о молодых строителях, нужно было собрать факты, поближе узнать людей. А люди в бригаде были разные. Все они делали одно дело, но резко отличались друг от друга. Вот, например, эта красивая девушка Маша Дудченко. Что привело ее на стройку? О чем мечтает она? Или вот эта, молчаливая, не по годам серьезная Ольга? Что знает он о них? Откровенно говоря, — почти ничего.

Маша отвечала на вопросы охотно. Родилась она в Киеве, получила там аттестат зрелости и по комсомольской путевке приехала на стройку канала. Собирается поступить в институт кинематографии на актерское отделение. Дома осталась старушка-мать.

— Значит, актрисой хотите быть? — спросил Николай Петрович. — А при чем же здесь стройка?

Маша весело рассмеялась.

— Конечно, между профессией строителя и профессией актрисы очень мало общего, но я же не собираюсь играть аристократок, — сказала она таким тоном, словно была уже дипломированной актрисой.

— А кого же вы собираетесь играть? — поинтересовался Николай Петрович.

— Простых девчат. Вот таких, как Люба, Оля... А то иногда смотришь картину о строителях и противно становится. Играет актриса бетонщицу, а вибратор в руках держать не умеет, ходит по площадке, будто по бульвару, и улыбается без конца, зубы красивые крупным планом показывает зрителю.

— А ведь вы, пожалуй, верно говорите, — согласился Николай Петрович. — Будем надеяться, что в скором времени увидим на экране актрису Марию Дудченко.

— Конечно, увидим, — поддакнула Люба, — она у нас боевая.

«И красивая», — хотела добавить Ольга, но промолчала.

— А вы почему такая грустная? — спросил у нее Светличный.

Маша с Любой переглянулись.

— Это вам так кажется, — застенчиво ответила Ольга.

— Она всегда такая, — подтвердила Люба.

Николай Петрович хотел побеседовать с Ольгой, но ему помешала Верочка Трещеткина.

Распахнув свежевыкрашенную дверь, она ворвалась в комнату и прерывающимся голосом спросила:

— Егор Трофимович не заходил сюда?

— Начальника потеряла? — с наигранным сожалением спросила Маша.

— Потеряла, — в тон ей ответила Верочка. — Целый час разыскиваю, чтобы телеграмму передать.

— Не завидую, — тем же тоном сказала Маша.

— Мне никто не завидует, — уже искренне сказала Верочка.

— Он, кажется, на плотину пошел, — вмешался в разговор Светличный, вспомнив, что Егор Трофимович еще с утра собирался побывать у бетонщиков.

— Сюда кроме начальника еще один человек приходил — загадочно проговорила Маша и улыбнулась.

— Кто? — простодушно спросила Верочка.

— И о тебе спрашивал, — продолжала будущая киноактриса.

— Ну, скажи, кто? — начала допытываться Верочка.

Николай Петрович понял, что ему лучше всего уйти отсюда. Мало ли какие секреты могут быть у девушек? Ему, даже как журналисту, не обязательно знать их.

— Давайте телеграмму, — сказал он Верочке. — Я сейчас в котлован иду и передам ее Егору Трофимовичу.

— Вот спасибо! — выпалила Верочка.

Когда Николай Петрович ушел, она снова пристала к Маше:

— Ну, скажи, кто приходил?

Маша смилостивилась.

— Интересный блондин по фамилии, — вкрадчивым голосом проговорила она и вдруг засвистела соловьем.

Люба расхохоталась, а Верочка обиделась. Она поняла, что Маша намекает на Володю Соловейко.

— И совсем не остроумно, — фыркнула она. — Кроме того, ему здесь делать нечего.

— Ты так думаешь? — спросила Маша и повела крутой бровью.

— Я в этом уверена.

Маша ничего не ответила. Она только подмигнула Любе и мечтательно произнесла:

— Хороший парень Володька, нравится он мне.

Верочка не знала, что весь этот спектакль разыгрывается не для нее, а для Ольги. Маша с болью в душе играла свою первую роль. Она раз и навсегда отказалась от Михаила. И Ольга прекрасно поняла это.

— Не приходил сюда твой Володька, — успокоила Верочку Люба. А та сказала с достоинством:

— Я это знала.

Через минуту она уже бежала к бетонному заводу, где под тяжелым конусным бункером стоял самосвал Владимира. Концы ее шелковой красной косынки бились на ветру, словно язычки горячего пламени.

Маша смотрела на Верочку в окно и завидовала ей. «Счастливая», — думала она.

Люба зачем-то вышла в коридор, и соперницы остались в комнате одни.

Ольга робко подошла к Маше и в порыве благодарности сжала ее руку.

— Спасибо, Маша, — прошептала она и, не дожидаясь ответа, выбежала из комнаты.

Маша горько улыбнулась ей вслед.

VIII

Шумно размещались молодые строители в новом общежитии.

— А мне в какую комнату?

— На втором этаже лучше.

— Тащи сюда чемодан.

— Вот, черт, подушку в Еленовке забыл.

Заселением общежития руководил Колода. Со списком в руках бегал он по комнатам, кричал, просил, приказывал. Он заранее определил, кто в какой комнате будет жить, а сейчас все это рушилось. Ребята не хотели придерживаться списка, занимали места, где кому больше нравилось. Одни не хотели жить на первом этаже, другие старались занять комнаты с окнами в степь, третьи, связанные узами дружбы, непременно старались поселиться вместе, а Колода при составлении списка не учел этого.

Егор Трофимович с улыбкой наблюдал за этим и не вмешивался в дела своего заместителя. Пусть пошумят ребята часок-другой, а потом все уладится само собой, всем хватит места.

К общежитию подошел автобус, и новая группа новоселов с шумом ввалилась в вестибюль. Володя Соловейко поставил к стенке чемодан, примостил на него баян, отделанный зеленоватой пластмассой, и бросился на второй этаж. Ему непременно нужно было занять комнату с окнами, выходящими на новое общежитие девушек, где сейчас тоже шло заселение. Верочка наверно уже заняла комнату и ждет, когда он покажется в окне напротив. Чтобы было, как в песне: «Наши окна друг на друга смотрят вечером и днем». Они договорились об этом еще вчера, когда Верочка прибегала к нему на бетонный завод.

— Привет, — на ходу бросил паренек Григорию Щетине и, подойдя к окну, помахал рукой улыбающейся Верочке.

Следом за Володей в комнату вошел Колода.

— Товарищ Соловейко, вы не в свою комнату попали, — огорошил он молодого шофера и ткнул пальцем в список. — У меня тут все распланировано.

— Как это не в свою? Разве не все равно? — удивился Соловейко.

— Нет, не все равно, — доказывал Колода. — Здесь должны жить Григорий Щетина, Михаил Гринько и Петр Иванов.

— Может быть, поменяться можно, а?

— Списки не для того составляются, чтобы их сто раз переделывать.

— А я вот возьму и никуда не пойду отсюда, — решительно заявил Соловейко и в подтверждение сказанного сел на кровать, заправленную коричневым байковым одеялом.

— На чужую кровать нехорошо садиться, — пристыдил его заместитель начальника.

В разговор вмешался Щетина:

— Пусть остается здесь. Гринько все равно сюда переезжать не собирается, в Еленовке остается.

— Как это не собирается? — удивленным тоном спросил Колода.

— Очень просто. Не поеду, говорит, и все. Разговаривал я с ним на эту тему.

— Об этом надо Егору Трофимовичу доложить, — засуетился Колода. — А ну, пошли, ребята, сами расскажете ему.

Выслушав заместителя, Егор Трофимович покачал головой.

— Значит, не хочет? — спросил он у бригадира.

— Не хочет, — подтвердил тот.

Григорий не обманывал начальника. Он действительно разговаривал с Михаилом, и тот наотрез отказался переходить в новое общежитие.

— Мне в Еленовке хорошо, — твердил Гринько.

Бригадир не особенно уговаривал. Григорий в глубине души даже был рад этому. Наконец-то Маша поймет, что она безразлична Михаилу, что тот остается в Еленовке ради Ольги, не хочет покидать ее дом.

— Не хочет, — еще раз решительно подтвердил бригадир и добавил, — сердечные дела у него в Еленовке.

Егор Трофимович улыбнулся. Ему уже не раз приходилось слышать об этих сердечных делах. За двадцать пять лет работы на стройках он побывал на многих свадьбах, благословлял не одну сотню молодоженов. Одни приходили потом просить квартиру, другие — брать расчет. Одни приводили на стройку жениха или невесту, а другие оставались в селах и деревнях, расположенных неподалеку от строительных площадок. Что ж, это обычное дело! Жизнь!

— Сердечные дела, говоришь? — переспросил Бурлак. — А ты все-таки еще раз поговори с ним.

— Я могу, — с неохотой согласился Григорий.

— Езжай-ка к нему сейчас.

Григорий не стал возражать. Выйдя на улицу, он сел в автобус, отправляющийся в Еленовку за оставшимися строителями.

Когда автобус уже отошел, Егор Трофимович случайно обнаружил в кармане телеграмму, переданную вчера в котловане журналистом. В ней сообщалось из управления стройки о том, что на участок едет высококвалифицированный газосварщик, и предлагалось обеспечить его местом в общежитии.

Бурлак протянул телеграмму заместителю.

— Если Гринько в Еленовке останется, тогда будет место, — проговорил он, пряча телеграмму в карман синей сатиновой тужурки.

Володе не интересно было слушать разговор начальника с заместителем, и он снова заговорил о своем.

— Ладно, иди, — отмахнулся от надоедливого новосела Колода. — Приедет Гринько — на твое место поселим, не приедет — сварщика туда направим.

Володе только этого и нужно было. Схватив чемодан и баян, он мигом очутился на втором этаже. Бросив вещи посреди комнаты, подбежал к распахнутому окну.

— Верочка-а-а! — крикнул он.

В окне напротив показалась Люба, а за ней и та, кого он звал.

— Ну, как? — спросила она.

— Порядок! — ответил Володя и улыбнулся.

— Ты вот так все время орать будешь? — недовольно спросил у Володи Петька Иванов, хлопотавший у своей новенькой тумбочки.

— А тебе какое дело, — огрызнулся Володя.

— Нахально залез сюда и еще порядки свои устанавливает, — возмутился Петька и еще громче загремел посудой, которую он расстанавливал на полках тумбочки.

При других обстоятельствах Володя нашел бы что ответить задире, но на этот раз сдержался. Еще пойдет да наябедничает Колоде, а тот возьмет и передумает, выдворит из комнаты, место в которой пришлось завоевывать с таким трудом.

— Ладно, — махнул он рукой и отошел от окна.

— Вот это другое дело. Ты учти, здесь не шоферы живут, а бетонщики, — назидательно заговорил Петька. — У нас в каждом деле порядок должен быть.

Погремев еще немного посудой, он вытащил из тумбочки никелированный электрический чайник, налил в него воды из графина.

Вода закипела быстро. Налив кипятку в маленький фарфоровый чайник, Петька бросил туда щепотку чая. Причмокнул языком.

Володя с интересом наблюдал за своим новым соседом. Тот завернул чайник с заваркой в полотенце, сунул его под подушку, пояснил:

— Так в книгах рекомендуется.

Минут через пять он уже разливал душистый напиток в стаканы. Достав стеклянную банку, отсыпал из нее в стакан немного сахара. Размешал его ложкой. Затем спрятал банку в тумбочку.

— А ты почему не пьешь? — спросил он у Володи, прихлебывая горячую сладкую жидкость.

— Не хочу, — отказался тот и подумал: «Вот жадюга. И с таким жить вместе придется. Если бы не Верочка, никогда бы не пошел в эту комнату».

В чемодане у Володи лежало кое-что покрепче чая. Ребята еще вчера договорились отметить новоселье по-настоящему.

— Разве на новоселье чай пьют? — с издевкой спросил он у вспотевшего чаевника.

Петька сделал вид, что не слышал вопроса, но, допив чай, с достоинством заговорил:

— Деньги, брат, экономию любят. Они цель приближают. У каждого человека в жизни должна быть цель. А с пустым карманом до нее не скоро доберешься. Вот, например, я решил купить машину — и куплю.

— А потом что? — спросил Володя.

Ему странно было слушать такие рассуждения из уст ровесника.

— Люди к коммунизму идут, а ты о цели, как купец, говоришь, — искренне возмутился молодой шофер.

Бетонщик не смутился. Отодвинув в сторону пустой стакан, он принялся доказывать:

— Ты в коммунизм на государственном самосвале въедешь, а я на собственной машине вкачу. Разве это запрещается? По-моему, нет. Наша родная Коммунистическая партия и Советское правительство о благосостоянии народа заботятся. Ты против этого, что ли? Ты работаешь, и я работаю. Ты жирно есть любишь, а я чай пью.

— И всегда вот так? — с усмешкой спросил Володя и кивнул на чай.

— Нет, почему же? Иногда с конфетами, а в праздник — лимон или варенье покупаю. Меня, друг, в плохом никто не заподозрит: нормы выработки перевыполняю, дисциплину не нарушаю, водки не пью...

— За свой счет, конечно, не пьешь?

— А почему же и не выпить, если угощают, — нашелся собеседник и рассмеялся.

— Комсомолец?

— Конечно, — охотно ответил Иванов. — Как только в райкоме путевки начали давать, я первым попросился на канал, первым в Донбасс поехал. Третий год тут вкалываю по зову своего молодого сердца. В колхозе много не заработаешь.

— А я бы заставил в колхозе тебя работать! — начал горячиться Володя. — Цель в жизни у тебя не та.

— А у тебя другая, что ли? — спросил Петька и почесал за ухом.

— Другая.

— Какая же, если не секрет?

— Не поймешь ты.

— Почему же не пойму. В школе понятливым считали, в успевающих ходил, — проговорил Петька и начал убирать со стола.

— Если понятливый, слушай. Ты читал когда-нибудь Николая Островского?

Иванов кивнул.

— Так вот. Островский говорил о том, что жизнь надо прожить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

— Мне стыдиться нечего будет. Я канал вместе с тобой строю, а мораль мне нечего читать. Ты о своей цели лучше скажи.

Володя достал пачку «Беломора», помял папиросу, закурил и, глубоко затянувшись дымком, сказал решительно:

— Не поймешь!

Иванов пожал плечами и, как ни в чем не бывало, потянулся к чужой пачке папирос.

— Разреши закурить? — спросил он и, не дожидаясь разрешения, взял папиросу.

Володя с неприязнью смотрел, как Иванов закуривает, как пускает дым через широкие ноздри.

Так ничего и не сказал Володя жадному бетонщику о своей цели. Разве поймет он ради чего приехал Соловейко на стройку. Зачем знать Иванову, что Володя собирается с Верочкой после окончания строительства канала ехать в далекую Сибирь, возводить мощную электростанцию на Ангаре. Уедут они из Донбасса, а в степи останется река, созданная их руками, расцветут на ее берегах сады. Построят электростанцию в Сибири и вспыхнет в дебрях зарево огней, оживут ранее безмолвные таежные просторы. Там, где пройдут они, будет торжествовать вечная жизнь, и когда-нибудь, уже при коммунизме, они с гордостью скажут своим детям:

— Это строили мы!

Молодости многое дано. С молодости многое спрашивается. И то, что человек не успел сделать в молодости, уже не сделает он никогда. Вот почему молодость всегда спешит, всегда зовет.

Из Еленовки Григорий Щетина возвратился мрачный.

— Как дела? — спросил у него Владимир.

— Как видишь, один вернулся. Не хочет Мишка из Еленовки уезжать, — ответил бригадир нехотя.

— Тем лучше, — заметил Иванов и, пряча ухмылку, добавил:

— Для тебя, конечно. Маша теперь напротив нас живет. К окну уже раза два подходила. Может быть, Мишку, а может быть, тебя высматривала...

— Помолчи-ка ты лучше! А то сейчас к чертовой бабушке вместе с чайником полетишь! — гаркнул Григорий.

— Я ничего, — забормотал тот, пряча в тумбочку никелированный чайник, из трубки которого еще струился парок.

Петька хорошо знал характер бригадира. Тот мог не только чайник, но и всю мебель в окно побросать.

Григорий не стал передавать ребятам подробности разговора с Михаилом. Ведь он не особенно настаивал на том, чтобы Гринько переходил в общежитие.

— Конечно, тебе видней, где лучше, — говорил он Михаилу. — Я бы на твоем месте тоже так поступил.

«В конце концов, я же не обязан уговаривать каждого», — успокаивал он себя, но совесть все-таки мучила его. Если бы он действовал настойчивее, то Михаил, может быть, и уехал бы из Еленовки.

— Значит, вместе жить будем? — сказал Григорий. — Следовательно, новоселье надо справлять.

Через несколько минут маленькая комната была полна. Ребята предусмотрительно заперли ее на ключ.

На столе появились: колбаса, сыр, селедка, толстые ломти хлеба.

— Обойдемся и тем, что есть, — сказал Григорий и начал разливать «Московскую».

— За новоселье! — зашумели ребята.

Петька Иванов потянулся было к водке, но Владимир отстранил его руку и, передавая стакан другому, спросил:

— Ты покупал ее?

Петька хихикнул. Володя молча достал из его тумбочки горячий чайник, поставил перед Петькой, сказал резко:

— Пей свое.

— Вот это правильно! — согласился Григорий. Нацедив полный стакан, приказал: — Пей!

Петька растерялся и не знал что делать. Он то поднимал стакан, то опускал его на стол.

— Пей! — снова приказал бригадир.

— Он же горячий, — пробормотал Петька.

Ребята расхохотались.

— А ты подуй на него, быстрее остынет, — посоветовал Володя.

Петька побагровел. Вскочив из-за стола, он, словно ужаленный, выбежал из комнаты.

— Скатертью дорога! — крикнул ему вслед Соловейко.

— А теперь, ребята, давайте за нас выпьем! — предложил Григорий, когда смех в комнате начал утихать.

Звякнули стаканы.

— За любовь! — предложил Владимир, когда они пошли по третьему кругу.

Григорий искоса посмотрел на шофера и резко отодвинул стакан.

— Тост мой не нравится, что ли? — спросил слегка захмелевший Володя.

— Спой лучше что-нибудь, — попросил Григорий, затягиваясь папиросным дымком.

— Нет, ты все-таки ответь, почему за любовь не хочешь выпить? — не унимался Володя.

— Отстань, — оборвал его Григорий, — букварь ты в этом деле

Ребята притихли. Они хорошо знали, почему не хочет пить их бригадир за любовь. Не получается она у Григория. Один только Володя ничего не знал об этом.

— Может быть, выпьешь, а? — попросил он.

— Выпью! — вдруг решительно сказал Григорий и, запрокинув голову, одним глотком опорожнил стакан.

Закусывать он не стал.

— Вот это другое дело! — повеселел Соловейко.— Теперь и спеть можно.

Кто-то из ребят подал ему баян. Паренек, пробежав пальцами по белым пуговицам ладов, широко растянул потрепанные меха. Баян глубоко вздохнул на низких нотах и переливчато начал выводить мелодию песни. Тряхнув головой, а затем чуть склонив ее набок, Володя запел чистым звонким голосом:

Там, где ветер степной на просторе
Шелестит пересохшей травой,
Скоро-скоро шахтерского моря
Зашумит говорливый прибой.

В комнату ворвался прохладный ветерок, а ребятам показалось, что на их лица дохнуло море и пахнет его дыхание не степной полынью, а водорослями, выброшенными на берег. В песне слышался им шум прибоя. Первым откликнулся на песню Григорий. Облокотившись щекой на широкую мозолистую ладонь, он подтягивал Владимиру.

Пусть он волны крутые мешает,
Разбивает, сливает в одну:
Все равно среди них я узнаю
Серебристую нашу волну.

И вот уже в комнате звенели волны, кружились над ними белокрылые чайки, таял в морской дали косячок рыбацкого паруса.

Третий куплет пели все вместе:

Пусть откатится в дальние дали,
Все равно будет самой родной,
Потому что ее создавали
Мы своими руками с тобой.

Ребята украдкой смотрели на свои крепкие руки, и песня говорила им: «Гордитесь, это ваши руки создают моря».

Григорий пел и думал о Маше, видел ее красивое чернобровое лицо, по-цыгански жгучие глаза, сильные руки, стянутые у запястий тесемками комбинезона. Ах Маша, Маша, почему ты любишь другого? Почему в жизни получается так нелепо?

И куда б не пошли мы с тобою,
Отовсюду нам будет видна
В многоводном шумящем прибое
Рукотворная наша волна.

Оборвав песню, он смущенно улыбнулся, поднялся из-за стола и, подойдя к окну, торопливо начал закуривать. Спички ломались в его руках. Володя заметил это. Поднеся зажженную спичку к папиросе бригадира, он спросил:

— Волнуешься?

Захлебываясь табачным дымом, Григорий досказал недосказанное за столом:

— Все могут рабочие руки! Все! А вот любви из сердца вырвать не могут. Понимаешь, не мо-гут!

— Может быть ее и не надо вырывать? — мечтательно произнес Володя, обнимая Григория за плечи.

Недокуренная папироса упала на пол. Григорий не стал поднимать ее. Пристально посмотрев в глаза непрошенному утешителю, он спросил, чтобы не слышали другие:

— Ты скажи, за что тебя Верочка любит?

— Я у нее не спрашивал, — простодушно ответил Володя.

— А на меня Маша смотреть не хочет, будто я хуже Мишки, — признался бригадир и, слегка покачиваясь, пошел к столу.

Из женского общежития было хорошо видно все, что делается в комнате у ребят.

— Пьют, черти! — в третий раз докладывала Верочка подругам.

Она заняла удобную позицию возле окна, делала вид, что читает книгу, а сама то и дело посматривала на противоположную сторону. Видела, как ее Володька о чем-то разговаривал у открытого окна с бригадиром бетонщиков.

— Куда только комсорг смотрит, — выговаривала Маша Любе.

Та пожимала плечами, оправдывалась:

— Неудобно как-то идти к ним. Новоселье ведь сегодня.

— А я бы пошла и разогнала, — не унималась Маша.

— Пойди и разгони, — подзадоривала Верочка. — Бригадир тебя сразу послушается.

Маша уже знала, что Гринько остался в Еленовке. Разговаривать с Григорием у нее не было никакого желания. Опять в любви признаваться начнет.

— Сходи, а, — приставала Верочка.

— А вот и пойду! — вдруг решительно заявила Маша.

Поправив перед зеркалом волосы, она вышла из комнаты.

Люба с Верочкой замерли у окна.

Они видели, как вошла Маша к ребятам. Вот она, жестикулируя, о чем-то говорит с Григорием. Тот садится и снова встает, ходит по комнате. Голосов разговаривающих девушки не слышат.

А говорили они вот о чем.

— Что это такое? — спросила Маша у ребят, показывая на тарелки с закуской.

— Коллективный ужин, — ответил за всех Григорий.

— А это? — показала девушка на бутылку, выглядывающую из-под стола.

— Ах, это? — прикидываясь простачком, воскликнул Григорий, — сейчас посмотрим что это такое.

Достав из-под стола бутылку, он долго вертел ее в руках, рассматривая этикетку.

— Представьте себе, «Белое крепкое», массандровский разлив, крепость восемнадцать градусов. Как она только сюда, проклятая, попала?

— Перестань паясничать! — оборвала его Маша.

От этого окрика Григорий качнулся, как от пощечины. Плечи его низко опустились. Ничего не осталось в парне от былой удали. Большие, косо прорезанные глаза виновато забегали из стороны в сторону.

— Может, с нами выпьешь? — забормотал он.

— С какой это стати я должна с тобой пить?

Эти слова хлестнули еще больнее. Обида и гордость заговорили в нем, выпрямили плечи:

— А с Мишкой, наверно, выпила бы?

Лицо девушки вспыхнуло, будто Григорий ударил не словами, а тяжелой пятерней, но Маша не покачнулась, не отвела глаз.

— Выпила бы! За любовь его, за здоровье выпила бы!

Григорий не ожидал этого. Не думал, что Маша в присутствии ребят признается в своей любви.

А та уже с издевкой спрашивала:

— Что ж ты не наливаешь?

Григорий наклонил бутылку. Горлышко дробно застучало по краю стакана.

Вино было теплым и противным, но Маша, не поморщившись, выпила его.

— Доволен? — спросила она и осторожно поставила пустой стакан на краешек стола.

«Ах, вот ты как», — со злостью подумал обиженный бригадир и, не отдавая себе отчета, начал выкрикивать:

— Доволен! Очень доволен! Только зря ты за Мишку пьешь. Ты бежала сюда, думала, что Мишка здесь сидит? А знаешь, что он о тебе сказал? Плевать, говорит, я хочу на эту куклу. Вот что он сказал.

— Перестань! — одернул его Соловейко.

— Не лезь, куда тебя не просят, — огрызнулся Григорий и схватил бутылку.

Снова забулькало вино.

— Дурак ты, — с пренебрежением произнесла Маша и, круто повернувшись, вышла из комнаты.

— Зачем ты обидел ее? — спросил после ухода девушки Владимир.

— Люблю, — промычал Щетина.

— Разве так любят?

Григорий покрутил головой, словно желая вытрясти из нее любовную блажь, потянулся к вину.

Владимир молча отнял у него стакан и, подойдя к окну, выплеснул «Белое крепкое» на улицу.

— Тряпка ты! — бросил он в лицо Григорию.

Тот молчал, продолжая потихоньку покачивать захмелевшей головой.

Ребята по одному начали расходиться по своим комнатам.

IX

Ольга слышала весь разговор Михаила с бригадиром. Прислонив ухо к стене, она старалась не пропустить ни единого слова. Два противоречивых чувства боролись в ее душе. Девушка со страхом ожидала, что Михаил скажет «да» и начнет собирать вещи, чтобы уехать в общежитие. Маша непременно поймет этот шаг Михаила как свою первую победу над ним. Правда, она сделала вид, что отказывается от Михаила, но кто знает, как поведет себя опасная соперница в дальнейшем. И в то же время Ольге хотелось, чтобы Михаил сказал это решительное «да». Пусть он уедет из Еленовки, живет среди ребят, пусть даже полюбит красивую Машу и будет счастлив с ней.

Полюбив Михаила, Ольга впервые почувствовала, как в ней растет всеобъемлющее желание простого человеческого счастья. А разве можно думать о нем, слушая страшные проповеди старого Крикуна? Разве можно без страха заглядывать вперед, когда тебе каждый день твердят:

— Все превратится в прах и тлен, все сгорит в геенне огненной.

«Разве бог так жесток? Зачем же библия говорит о любви к ближнему? Где правда?»

Раньше Ольга с тайной жалостью смотрела на своих сверстников. Они работали, смеялись, любили, а она думала: «Все это преходящее, придет Армагеддон

и останется от всего этого груда пепла. Настоящая жизнь лежит за этой огненной чертой, и слуги бога Иеговы, отказавшиеся от мимолетных земных радостей, обретут вечное блаженство».

Любовь солнечным лучиком проникла в девичью душу и заставила Ольгу посмотреть вокруг просветленным взглядом. И Ольга увидела, как много хорошего и радостного вокруг. Не по дням, а по часам растет бетонная красавица-плотина, уходит в степь широкое русло будущей реки. Все это строится не на день, а на сотни лет. Цветут в степи бессмертники, рождаются дети, звучат песни. Не может быть, чтобы все это погибло!

Ольга присматривалась к сектантам и невольно задавала себе вопрос: «Неужели бог воскресит всех этих мрачных, злых людей?» Страшно будет жить на земле с этим костлявым стариком Матвеем, с беззубой старухой, с кряжистым курносым мужчиной. Ольга хотела уйти из секты, но беспрекословное послушание матери удерживало ее от этого шага. Она, может быть, и сделала бы этот шаг, но вокруг не нашлось ни одного человека, кто бы протянул ей руку, позвал бы на новую дорогу.

Таким человеком ей показался Михаил. В нем увидела она своего спасителя, а время показало, что его самого нужно спасать.

— Что делать, что делать? — прислушиваясь к разговору ребят, шептала она.

— Из Еленовки я никуда не поеду, — долетел из-за стены глухой голос Михаила.

— Как хочешь, — пробурчал Григорий.

Потом хлопнула дверь и в комнате стало тихо.

Ольга устало опустилась на кровать. С мольбой посмотрела она на портрет отца, будто спрашивала у него ответа. Но отец молчал. Безучастно смотрел он на дочь. Так он смотрит много лет подряд.

— Может быть, с мамой поговорить? — подумала девушка, но, вспомнив растоптанный цветок, тут же отбросила эту мысль.

«Говорить надо только с Мишей», — твердо решила она и вышла в коридор.

Около двери комнаты Михаила решимость снова покинула ее. Ольга метнулась обратно, но было уже поздно: на пороге стоял Михаил.

— Ты ко мне? — растерянно спросил он.

Ольга кивнула и, переступив порог, прикрыла дверь. С чего же начинать разговор? Какие слова найти, чтобы они дошли до Михаила? Сказать о любви? Нет, она не скажет этого! Упасть на колени и со слезами просить, чтобы он не ходил больше к старому Крикуну? Но Михаил верит в бога, верит каждому слову проповедника. Что же говорить? Как говорить?

Ольга стояла посреди комнаты и не находила слов.

— Что с тобой? — нарушил тягостное молчание Михаил.

— Остался, значит, — с трудом выдавила девушка из себя.

— Остался.

Что же говорить дальше?

— Не ходи туда больше, — проговорила Ольга первые попавшиеся слова. — Слышишь, не ходи.

— Куда?

— К старику Матвею ходить не надо.

— Почему? Ты ведь ходишь, — удивился Михаил.

— И я не буду, — уже твердым голосом сказала Ольга, радуясь, что нашла наконец нужные слова.

— Ты что? В бога перестала верить? — ужаснулся паренек.

Он ожидал всего, только не этого. Так вот, значит, чего она хочет, вот зачем пришла сюда!

— Уходи! — жестко проговорил он и отвернулся.

Ольга не шелохнулась. Из глаз ее брызнули слезы. Они тихо катились по щекам, задерживаясь в уголках губ.

Михаил посмотрел на девушку, и сердце его дрогнуло от жалости. Ведь совсем недавно он видел в этих глазах радость — там в степи, когда Ольга убежала от него с голубым цветком.

— Не надо, — заговорил он и засуетился, не зная как и чем успокоить девушку.

Может быть, сказать ей, что остался в Еленовке ради нее? Но как сказать, если никогда и никому не

говорил таких слов? А к старику Матвею ходить надо. Он обещал найти отца. И от бога отрекаться нельзя. Есть бог! Вернул же он сына бабке Прасковье.

— Не ходи больше к старику, — сквозь слезы повторила девушка, — хочешь, на колени встану перед тобой.

Михаил рванулся к ней. В этот же миг он почувствовал, как дрогнули в его руках слабые девичьи плечи. Прядка светлых волос нечаянно коснулась щеки и обожгла, словно огнем. Голова девушки покорно склонилась на плечо. В наступившей сладкой тишине Михаил слышал, как стучат два сердца, и не разжимал рук. Ольга и не пыталась освободиться от них.

В коридоре что-то звякнуло. Ольга испуганно отскочила в сторону и посмотрела на дверь. Она ожидала, что в комнату войдет мать, но дверь не открылась.

Несколько минут Михаил и Ольга молчали. Девушка с трепетом ожидала, что скажет паренек, а тот, насупив брови, лихорадочно думал.

— Не могу я этого сделать, — наконец промолвил он, роняя в тишину тяжелые, как гири, слова.

Ольге хотелось разрыдаться от своего бессилия. Колючий комок горечи подкатился к горлу, мешал дышать. Судорожно проглотив его, девушка бессвязно заговорила:

— Нельзя так больше, Миша! Счастье мимо пройдет, жизнь огарком истлеет. Посмотри, как люди живут. А мы ведь молодые.

Михаил продолжал угрюмо молчать.

— Ну, что ты молчишь? — крикнула девушка и, испугавшись своего голоса, зажала рот ладонью.

— Я уже все сказал, — резко ответил паренек и снова отвернулся к окну.

Ольга на цыпочках подошла к нему и, тихонько тронув за плечо, уже спокойным голосом заговорила:

— Слабый ты человек, Миша!

— Да, я слабый человек! — с чувством гордости произнес Михаил и почувствовал, как сразу стало светло и легко на душе.

Лучик звезды кольнул в оконное стекло. Он был голубым, как глаза Ольги.

«А как же Ольга? — вдруг со страхом подумал Михаил. — Она же отрекается от бога, и не воскресит тот грешницу после великой битвы. Зачем же мне тогда мое воскрешение, если рядом не будет Оли?»

Он начал горячо упрашивать девушку отказаться от своих греховных мыслей, покаяться в грехах, выпросить прощение у бога.

— Бог разрешает любить, — доказывал он. — Зачем же ты идешь против него?

— Не нужно мне такой любви и царства господнего не надо. Я земного счастья хочу, такого, как у всех людей, — протестовала Ольга.

Тучка погасила далекую звездочку.

— Тогда уходи! — не на шутку рассердился Михаил.

Ольга вся вспыхнула и, не говоря больше ни слова, выбежала из комнаты, не раздеваясь упала на свою кровать и проплакала до утра.

— Что же делать? Что же делать? — без конца задавала она себе вопрос и не находила на него ответа.

Говорить с Михаилом больше не было смысла. Тот дал ясно понять, что не бросит секту. Может быть, смириться с этим и покорно ждать? Может быть, рассказать об этом людям? Но кому рассказать? Ребятам из бригады? Будут смеяться. Начальнику участка? Кто знает, как повернет он дело. Нет, об этом никому говорить нельзя. Проповедник читал статью из газеты, в которой писалось о судебном процессе над группой иеговистов. Кое-кто из сектантов был приговорен судом к тюремному заключению. Так могут арестовать и Михаила.

Ольга вспомнила мать и содрогнулась от мысли, что и ее могут посадить в тюрьму. Нет! Нет! Она никому ничего не расскажет. Но мысли снова возвращались к Михаилу. Может быть, рассказать о нем журналисту? Не говорить ничего о других, а только о нем одном. Попросить, чтобы журналист поговорил с ним, разубедил его. Ведь он человек умный и, ви-

дать, душевный. А вдруг он начнет расспрашивать о секте, допытываться, у кого и когда собираются иеговисты? Об этом она не расскажет, если даже придется принять смерть. Только об одном Михаиле будет говорить она.

Под утро, вконец истерзанная сомнениями, Ольга чуть вздремнула и ей приснилось, будто идет она по степи, а вокруг раскинулось бескрайнее море голубых цветов. Срывает она цветы и гадает на лепестках. Оборвет один, спросит:

— Любит?

— Не любит, — отвечает ей откуда-то из-под земли голос проповедника.

Оборвет другой — и чистое небо отвечает голосом Светличного:

— Любит.

Проснувшись, девушка улыбнулась, словно все это было наяву. Но, вспомнив бессонную ночь, снова помрачнела. Что же все-таки делать?

Ольга верила в сны. Сегодняшний сон она истолковала как счастливое предзнаменование. Нет, это неспроста слышала она голос Светличного, доносящийся с чистого безоблачного неба. Само небо подсказало ей к кому идти, на кого надеяться.

И Ольга твердо решила рассказать о Михаиле Николаю Петровичу.

X

Рассказ Ольги был полной неожиданностью для Светличного. Сектант на комсомольско-молодежной стройке, в лучшей бригаде бетонщиков! Как это могло случиться?

Николай Петрович пытался вызвать девушку на откровенность, но та категорически отказалась говорить что-либо.

— Ничего не знаю, — твердила она, — прошу только поговорите с Гринько, разубедите его. Он хороший, очень хороший!

Журналист понял, каких трудов стоило девушке сделать этот первый шаг, и не стал настаивать.

— Я с ним обязательно поговорю, — пообещал он.

— Только не говорите Михаилу, что это я рассказала о нем, — умоляюще просила Ольга.

Николай Петрович обещал выполнить ее просьбу.

Оставшись один, он задумался. А подумать журналисту было над чем. С чего начинать разговор с Михаилом? Знает ли о существовании секты Бурлак? Кто руководит сектой и где она собирается?

Поразмыслив, Николай Петрович прежде всего решил все-таки поговорить с Гринько.

В котловане было многолюдно. Михаил работал на своем обычном месте, около железного желоба, по которому медленно текла вниз серая бетонная смесь. Паренек бросал на арматурную сетку бетон. Отрывать его от работы было как-то неудобно, и Николай Петрович залюбовался крепко скроенной фигурой паренька, точными, расчетливыми движениями его мускулистых рук.

Когда желоб опустел и молодой бетонщик, облегченно вздохнув, распрямил спину, Светличный подошел к нему.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он тихо.

Михаил от неожиданности вздрогнул. Он интуитивно почувствовал, о чем хочет с ним говорить журналист.

— Если бригадир разрешит, — застенчиво ответил паренек.

— Только не долго задерживайте, бетон скоро подадут, — нехотя разрешил Григорий.

Когда Светличный с Михаилом пришли в комнату для приезжих, журналист не сразу заговорил с ним о секте. Николай Петрович расспросил у бетонщика, давно ли тот работает на стройке, откуда приехал, где учился.

Михаил отвечал на вопросы односложно, держался настороженно.

— Значит, не знаешь, где родился? — переспросил Николай Петрович.

— Не знаю.

— И где родители, не знаешь?

— Не знаю.

— А как звали их, не помнишь?

— Не помню.

В сердце вдруг заныла старая рана. Вспомнился сынишка, погибший под обломками поезда, разбитого фашистскими бомбами. Волна отцовской нежности хлынула в душу. Хотелось пригладить непокорные волосы паренька, посмотреть в глаза и, тряхнув за плечи, спросить, как у сына:

«Скажи, Мишка, как же все это получилось?»

Но Светличный не спросил. Вместо этого он начал рассказывать о себе. Николай Петрович рассчитывал на взаимную откровенность и ошибся. Когда он спросил у паренька, давно ли тот состоит в секте, Михаил насупился, ответил резко:

— Об этом я говорить не буду.

— Надо об этом говорить, — настаивал Николай Петрович.

Михаил упорно молчал. Он хорошо помнил заповедь иеговистов: быть везде и всегда скрытным, кротким, как голубь, ядовитым, как змея.

— Делайте что хотите, но я не выдам братьев, — сказал он приглушенным голосом.

— Каких братьев? — удивился Николай Петрович.

— Братьев по вере, — ответил Михаил и смелее посмотрел в глаза журналисту. — Жгите, режьте, все равно ничего не скажу я вам!

— Кто же тебя жечь и резать собирается? — спросил Светличный.

— Так не лезьте мне в душу, не мучьте меня! — раздраженно сказал Михаил и, не попрощавшись, выбежал из комнаты.

— Фанатик какой-то, — пожал плечами Светличный и подумал, что этот парень ничего не скажет.

С чего же начинать? Странно, что на стройке никто не знает о существовании секты. Какая это секта?

Кто еще состоит в ней? Нельзя допускать, чтобы мракобесы продолжали калечить молодые души.

С этими мыслями Николай Петрович шел к Бурлаку.

Егор Трофимович встретил его приветливой улыбкой. Он был уверен, что журналист не найдет на его участке ни одного отрицательного факта, который можно было бы вынести на страницы областной газеты. Эта уверенность подкреплялась тем, что Егор Трофимович привык читать о своем участке только хвалебные оды.

— Как пишется? — простодушно спросил он.

— Плохо, Егор Трофимович, — сознался Светличный.

Начальник участка искренне рассмеялся. Конечно, журналист шутит. Дела на участке идут, как никогда, хорошо. Строительство плотины на несколько дней опережает график, бетонирование котлована подходит к концу, монтаж оборудования галереи плотины начался. Правда, там не установлено до сих пор несколько боковых железобетонных плит, но это сущий пустяк. Дня через три они будут стоять на месте.

— Шутите? — спросил у журналиста Бурлак.

— Нет, не шучу

Улыбка сошла с лица начальника. Может быть, действительно журналист обнаружил какой-нибудь недостаток? Для постороннего глаза это виднее.

— Что же вам не понравилось? — встревоженно спросил Егор Трофимович.

— Людей своих плохо знаете.

Бурлак снова рассмеялся.

Он был уверен, что хорошо знает людей, с которыми работает. Хитрит журналист. На мякине хочет провести старого воробья.

— Это я плохо знаю людей? — ткнул пальцем себя в грудь Бурлак.

— Да, вы. Вот, например, что вы знаете о Гринько?

— Гринько наш лучший бетонщик, сирота, нормы выработки перевыполняет, живет в Еленовке.

— Это и все?

— Этого разве недостаточно?

— А почему он в общежитие не захотел перейти?

— Роман у него в Еленовке. На свадьбе скоро гулять будем.

— Не роман у него, Егор Трофимович, а трагедия.

— Какая трагедия?

— Просмотрели вы парня, за процентами души не разглядели. А этим воспользовались другие.

— Кто?

— Сектанты какие-то.

— Сектанты? Какие сектанты? Этого не может быть! — воскликнул Егор Трофимович и заходил по кабинету.

— К сожалению, это так, — подтвердил Светличный и начал рассказывать начальнику о беседе с Гринько.

Егор Трофимович не перебивал. Он только легонько постукивал по столу спичечной коробкой. Поглядывая на журналиста, думал: «На всю область ославит теперь, в близорукости обвинит. Вот, мол, любуйтесь, каков передовой участок!»

Николай Петрович хорошо понимал состояние Бурлака, догадывался, о чем тот думает.

— Комсомольская организация у вас плохо работает, — говорил он, давая понять этим, что обвиняет во всем случившемся не только начальника участка.

Бурлак согласился с этим. И действительно, после того, как на участке был упразднен политотдел, работа комсомольской организации заметно ухудшилась. Недавно избранная секретарем комсомольской организации Люба Галочкина еще не успела войти в курс дела. Работники райкома, по старой привычке, на участке бывают редко, а если и приезжают, то интересуются только производственными делами комсомольцев. Партийная организация на участке тоже создана недавно и не вникла еще как следует в повседневную жизнь молодежи.

Егор Трофимович вызвал в кабинет Верочку и приказал ей немедленно позвать в контору Любу Галочкину.

Через несколько минут секретарь комсомольской организации была у начальника в кабинете. По хму-

рому лицу начальника она догадалась, что разговор предстоит не особенно приятный.

— Вы знаете, чем Гринько занимается? — еле сдерживая раздражение, спросил Бурлак и постучал по столу спичечной коробкой.

— Работает, — растерянно ответила Люба.

— В царство небесное ваш Гринько готовится, — рубанул Бурлак и швырнул коробку.

Люба приняла это за шутку и рассмеялась.

— В какое царство небесное?

— А черт его знает в какое — с раздражением проговорил Бурлак, — объясните ей, пожалуйста, товарищ Светличный.

— Как же это так получилось? — спросил Николай Петрович у Любы. — Человек от коллектива отбился, а вы на это спокойно смотрите, не знаете, что ваш лучший бетонщик к сектантам в руки попал.

— К каким сектантам?

Люба впервые слышала, что на стройке есть какие-то сектанты.

— Ничего не понимаю, — пожала она плечами.

Светличный еще раз рассказал все, что знал о секте.

— Все это нам нужно выяснить вместе, — сказал он и посмотрел на Бурлака.

— Конечно, конечно, — согласился тот.

Разговор был прерван резким телефонным звонком. Трубку взял Егор Трофимович.

— Вас просят, — сказал он Светличному.

Звонил Федор Акимович Горбунов. Он просил Светличного съездить на шестой строительный участок, коллектив которого заканчивает облицовку русла канала, и завтра же передать для первой полосы репортаж о плитоукладчиках.

— У меня здесь важное дело, — возразил было Светличный, но редактор настаивал на своем.

— Сделаете репортаж, тогда и займетесь им. Сейчас для газеты нужнее всего репортаж с шестого участка.

Прикрыв ладонью трубку, Николай Петрович спросил у Бурлака:

— Шестой участок от вас далеко?

— Километров шестьдесят будет.

— Репортаж передам завтра, — отрывисто сказал журналист в трубку и с сердцем опустил ее на черные ухватики аппарата.

Ехать в такое время на соседний участок у Николая Петровича не было никакого желания. Его искренне волновала судьба Михаила и Ольги. Ему скорее хотелось разобраться во всем, разворошить осиное гнездо сектантов, помочь Михаилу и Ольге. А может быть, и не только им. В этом он надеялся не только на свои силы, но и на активную помощь комсомольцев. И тут, так некстати, позвонил редактор. А ехать нужно. Федор Акимович не любит, когда сотрудники газеты не выполняют его заданий.

— Придется ехать, — с сожалением сказал Николай Петрович, — только вот не знаю, как туда добираться буду.

— Подбросим, — пообещал Бурлак и выглянул в окно.

Около конторы стоял зеленый «бобик».

Иван Иванович, переведенный с автобуса в личные шоферы начальника, сидел за баранкой, лениво покуривая сигарету.

— На шестой участок поедешь! — крикнул ему Бурлак. — Корреспондента повезешь.

Дядя Ваня кивнул. Ему было все равно куда ехать.

Светличный поблагодарил Бурлака и, выходя из кабинета, еще раз напомнил о Гринько:

— О парне подумать надо.

Бурлак это понял по-своему.

Не успел еще Николай Петрович сесть в машину, а он уже метал громы и молнии:

— Вот так свинью подложил нам этот Гринько! На всю область прославил, — громко возмущался он. Коробка хрустела в его руке, спички сыпались на ковровую дорожку.

Люба пыталась сказать начальнику, что сейчас этого вопроса поднимать не следует, а вернуться к нему, когда приедет Светличный, но Бурлак ничего не хотел слушать, он выкрикивал:

— Молчите, если виноваты! В комсомольско-молодежной бригаде сектант завелся, а вы ушами хлопали. Не можете людей воспитывать, так я этим сам займусь. Выгоню его из бригады, пока он вас всех богу не научил молиться!

Володя Соловейко, забежавший на минутку к Верочке, оказался невольным слушателем всего, что говорилось в кабинете. Когда Бурлак пригрозил, что выгонит Михаила из бригады, Володя не стерпел и, распахнув дверь, ворвался в кабинет.

— Все мы в этом виноваты, — заговорил он. — В том числе и вы.

— Я? — удивился начальник.

— Да, вы тоже, — уже спокойнее сказал молодой шофер. — Помните, когда Гринько в общежитие переходить не захотел, так вы обрадовались, что одно место свободным останется.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Прямое. Сектанты-то, наверно, не в общежитии собираются, а в Еленовке.

— А все-таки в бригаде ему не место! — твердо проговорил Бурлак. — И защищать сектантов я вам не советую.

— Я сектантов не собираюсь защищать. А Гринько наш парень, рабочий, ему в косточки бетонный раствор просочился. Вот и комсорг об этом скажет, — доказывал Володя.

— Правда это, — подтвердила Люба.

Она не один месяц проработала в одной бригаде с Михаилом и знала, чего он стоит как работник. Таких бетонщиков поискать надо. То, что Гринько состоит в какой-то секте, было неожиданностью для нее, и девушка еще не решила, как правильнее поступить с Михаилом: оставить его в комсомольско-молодежной бригаде или убрать оттуда, как хочет сделать начальник.

— С ребятами посоветоваться надо, — предложила она.

— Вот и советуйтесь, — уже спокойнее сказал Егор Трофимович. — А мне не указывайте, что надо делать. Можете идти.

Люба с Володей вышли.

Верочка все слышала. До чего ж хороший и справедливый Володька! Девушка верила каждому его слову, знала, что Володя ни в малом, ни в большом не покривит душой. В этом Верочка убеждалась уже не раз. Вспомнился ей ясный майский день, когда она впервые обратила внимание на курносого шофера. Ничем не отличался от остальных ребят, работал как все. В контору заходил редко.

Ранней весной на строительном участке как-то стихийно возникло несколько футбольных команд. Именовались они громко: «Бетонщик», «Арматурщик», «Шофер». Место для футбольных игр было выбрано неподалеку от Еленовки. Вкопали ребята на ровной травянистой площадке четыре столба, натянули на них сетки — и футбольное поле готово. Зрителей на матчах было хоть отбавляй. Одни сидели прямо на траве, другие, что попрактичнее, приносили с собой табуретки. Сперва молодые футболисты играли между собой «просто так», а потом начали разыгрывать командное первенство строительного участка. Оспаривали его команды «Бетонщик» и «Шофер». Силы у них были почти равные. И вот в одно из майских воскресений команды-соперницы встретились в заключительном матче. От исхода игры зависело, кто из них поедет на районные состязания.

Болельщики бушевали. Шоферы подбадривали своих товарищей громкими криками.

— Жми, Володька, на все педали!

— Переключай на третью!

— Тормоза ослабь!

Бетонщики громко свистели, хлопали в ладоши, старались перекричать горластых шоферов.

Верочка болела за шоферов. Они играли слаженнее, напористее. Особенно отличался центральный нападающий Володя Соловейко. Он то и дело вырывался вперед, бил по воротам, но вратарь бетонщиков смело бросался на мяч.

Игра шла с переменным успехом. Мяч побывал по одному разу в воротах обеих команд. Кто же выйдет

победителем? Наверно, шоферы. Соловейко снова ведет мяч к воротам противника. Он уже стремительно мчится к штрафной площадке. Защитники бегут за ним, чтобы отнять мяч, отвратить неминуемый гол. И вдруг центральный нападающий на всем бегу падает. Звучит свисток судьи. Он считает, что нарушены правила игры: нападающий сбит защитниками на вратарской площадке. Назначается одиннадцатиметровый штрафной удар. Редко кто из вратарей может удержать такой мяч.

Болельщики-шоферы ликуют. Они уже не сомневаются в победе своей команды. Судья ставит мяч на одиннадцатиметровую отметку. Бить будет капитан команды шоферов. Но он не ударил по мячу, потому что Володя Соловейко подошел к судье и сказал:

— Вы ошиблись, я упал сам.

Штрафной удар отменяется.

И судья, и футболисты, и болельщики были уверены, что нападающего сбили защитники. Один только пострадавший знал, как это произошло. И он сказал правду.

— Вот дурак! — услышала Верочка за спиной чей-то сердитый голос.

— Тянули его за язык, что ли? — возмущался шофер, ранее громче всех кричавший: «Жми на педали!»

Последние минуты игры прошли при явном преимуществе бетонщиков. Они забили еще один гол. В команде шоферов начался раздор, футболисты цыкали на Володю. Они никак не могли ему простить такого поступка. Взял, чудак, и подарил противникам гол.

Верочка следила теперь только за Володей. «Такой парень никогда не обманет», — думала она.

Когда игра окончилась и зрители хлынули на футбольное поле, чтобы приветствовать победителей, Верочка подошла к побежденному Володе.

— Вы правильно поступили, — просто сказала она.

А потом он принес в контору букетик полевых цветов.

Сегодня Верочка лишний раз убедилась в прямоте и честности человека, которого полюбила. Хотелось расцеловать его, но она постеснялась Любы и только крепко пожала крепкую руку парня. Поговорить с ним не удалось. Верочку снова вызвал Егор Трофимович.

— Отпечатайте вот это, — сказал он ей и протянул исписанный листок бумаги.

Верочка пробежала по нему глазами и положила на стол. Это был приказ о переводе бетонщика Михаила Гринько в разнорабочие.

— Этого приказа я печатать не буду, — твердо сказала девушка и сама удивилась решительному тону. До сих пор она никогда так не разговаривала с начальником, была дисциплинированной и исполнительной работницей.

— Что? — оторопело спросил Егор Трофимович. Ему показалось, что он ослышался.

— Этого приказа я печатать не буду! — повторила с расстановкой Верочка.

— Почему?

— Потому что вы неправильно поступаете, — глядя прямо в глаза начальнику, ответила девушка и, вспомнив Володины слова, добавила: — Людей перевоспитывать надо.

— У меня здесь не детский сад, — вспылил Егор Трофимович. — Не хотите печатать — другого секретаря найду!

— Вот хорошо-то! — обрадовалась Верочка.

Егор Трофимович взял листок с приказом и, не торопясь, дописал туда новый пункт. Верочка видела, как начальник крупным почерком вывел ее фамилию и написал: «...перевести в разнорабочие».

— Куда мне завтра на работу выходить? — не переставая улыбаться, спросила Верочка.

Она ничуть не жалела, что все так произошло. Это очень хорошо, что ее переводят на производство.

— В котлован, строительный мусор убирать, — ответил Бурлак.

Он ожидал, что Верочка заплачет, а вместо этого услышал:

— Вот спасибо, Егор Трофимович. Теперь-то я отпечатаю этот приказ.

Схватив со стола приказ, Верочка выбежала в приемную. Заправила в машинку чистый лист бумаги, с удовольствием застучала по клавишам. Отпечатав приказ, по привычке написала под ним: «верно» и размашисто расписалась.

Вот и кончилось ее секретарство. Прощай, старенькая машинка! Кто-то другой будет хозяйничать в маленькой приемной. Порывшись в столе, Верочка нашла зеркало, сунула его в карман цветастой блузки. Потом сняла со стенки репродукцию из журнала «Огонек», свернула в трубочку. «Повешу над кроватью в общежитии», — решила она.

На столике стояли неувядающие бессмертники. Девушка с нежностью посмотрела на них и осторожно вынула букет из стеклянной банки. На стол посыпалась цветочная пыльца.

Больше ничего Верочкиного в этой комнате не было. Уходя, она захватила с собой только четыре кнопки, не принадлежащие ей, и то только для того, чтобы приколоть ими на Доску приказов отпечатанный минуту тому приказ.

XI

О том, что произошло в кабинете начальника, Люба первому рассказала бригадиру:

— Не может быть, — удивился Григорий. — Ну какой же Мишка сектант?

— Я тоже так думала, а оказалось вон что, — Люба говорила шепотом, чтобы не слышали другие ребята. — Разобраться в этом надо, поговорить.

Щетина мельком посмотрел на Гринько. Тот сосредоточенно работал, не обращая внимания на разговаривающих. Вибратор глухо гудел в его сильных руках. Прядка темных волос легонько вздрагивала на лбу бетонщика. Григорий ценил трудолюбие Михаила, не раз ставил его в пример другим. Ревность не мешала ему быть справедливым. Правда, Михаил

всегда казался ему немного странным. Парню семнадцать лет, а он ведет себя, словно старик: в кино не ходит, спортом не занимается, в комсомол не вступает, особой дружбы ни с кем из ребят не заводит. Бригадир относил все это за счет особенностей его характера. Есть такие необщительные люди.

Дружба Михаила с Ольгой казалась вполне закономерной. «Характерами сошлись», — говорил он ребятам. И вдруг Люба говорит: «Михаил сектант». Значит, не только родство характеров сближает Михаила с Ольгой, не одна любовь удерживает в Еленовке.

— Она тоже? — кивнул Григорий на Ольгу, которая работала вблизи от Михаила.

— О ней я ничего не знаю, — шепнула Люба.

— Секту надо искать в Еленовке, — так же тихо произнес Григорий.

— Почувствовав на себе взгляд бригадира, Ольга поняла, что разговор идет о ней и Михаиле. «Значит, журналист все рассказал, не сдержал своего слова», — подумала она.

Михаил работал, не поднимая головы. Крупные капли пота катились по его лицу, стекали по шее за ворот клетчатой рубахи.

По деревянной лестнице в котлован быстро сбежала Верочка. Дернув Григория за рукав, она с упреком проговорила:

— А еще бригадир! У него бетонщиков на уборку мусора переводят, а он ни сном, ни духом ничего не ведает.

— Постой, постой! Каких бетонщиков?

Сердце Ольги екнуло. Значит, вот как все обернулось? И во всем виновата она одна.

Услышал эту новость и Михаил. Шагнув к Верочке, он забыл выключить вибратор. Рукоятка механизма, не сжимаемая больше человеческими руками, неуклюже запрыгала в воздухе, выталкивая из бетонной смеси тяжелый металлический цилиндр.

— За что? — пробормотал паренек.

Ребята, побросав вибраторы и лопаты, столпились возле бригадира.

— За что? — шумели они.

Григорий не знал, что ответить им.

— Может быть, ты сам об этом начальника попросил? — с ехидцей спросила Маша.

— Не болтай глупости! — оборвал ее Григорий. — Люба пусть расскажет, она лучше знает.

Люба шагнула в центр круга.

— Видите ли, дело в том, — начала смущенно она. — Начальник считает, что Гринько не может больше оставаться в нашей комсомольско-молодежной бригаде, потому что он верит в бога, стал сектантом.

— Каким сектантом? — ахнули бетонщики.

— А вы об этом у него спросите, — посоветовал бригадир.

— Это правда?

— Как ты туда попал?

Михаил молчал, не поднимая глаз на ребят.

— Нечего с ним разговаривать. Начальник правильно поступил, — громко изрек Петька Иванов.

— Тебя самого из бригады давно выгнать надо, — заступилась за Михаила Маша.

— Это за что же?

— За то.

Петька захлопал безбровыми глазами, запетушился.

— Вы слышите, вы слышите, что она говорит? — затараторил он, обращаясь к ребятам.

Но ребятам было не до него.

Ольга стояла ни жива ни мертва. Она боялась посмотреть на Михаила, чтобы не выдать себя. А тот стоял один-одинешенек в тесном кругу и, словно на суде, выслушивал вопросы.

«Это я, я во всем виновата! — терзалась Ольга. — Почему же он один должен страдать?»

— Надо! Надо! Надо! — бешено стучало ее сердце.

И девушка решительно шагнула в круг.

Встав около Михаила, она окинула взглядом бригаду и, не раздумывая больше, крикнула:

— И я такая же!

Шум вокруг сразу смолк. Было слышно только, как гудит невыключенный вибратор Михаила. Признание Ольги ошеломило ребят. Маша пристально всматривалась в лицо девушки. Оно сияло какой-то особой красотой. Глаза лучились, словно увидели что-то такое, чего не дано видеть другим. Никогда еще Ольга не была такой красивой.

«Вот это настоящая любовь, — подумала Маша, — а у меня просто так — увлечение».

Володя Соловейко еще издали увидел бетонщиков, столпившихся на дне котлована. Остановив самосвал около металлического желоба, он легко сбежал вниз по откосу.

— Почему работу бросили? — спросил он у ребят, будто ничего не зная.

— Сектантов прорабатываем, — охотно пояснил Петька Иванов и кивнул в центр круга, где стояли Михаил с Ольгой. — Хороша пара — гусь да гагара. Полюбуйся!

Володе стало не по себе. Его возмутил этот коллективный допрос, покоробили смешки, раздавшиеся после глупой Петькиной реплики.

— Прекрати это! — решительно сказал он бригадиру.

— Действительно, получается как-то нехорошо, — согласился Григорий и крикнул: — А ну-ка, расходитесь по местам!

Бетонщики нехотя стали расходиться.

Только сейчас Володя заметил Верочку. Она стояла с Любой и о чем-то перешептывалась.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Володя.

— Потом расскажу, — отмахнулась девушка.

— Понимаешь, ерунда у нас здесь получилась, — словно оправдываясь, заговорил Григорий, — Гринько каким-то сектантом стал, а начальник его из бригады — мешалкой по одному месту...

— И как же вы на это смотрите? — спросил Володя у комсорга и бригадира.

Люба смутилась. Она еще не знала, как смотреть на случившееся. Зато Григорий твердо решил до конца воевать за Михаила.

— Я на это смотрю просто, — ответил он. — Перевоспитывать парня надо. А бригаде он нужен — и баста! Пойду сейчас и Бурлаку то же самое скажу.

В контору Григорий летел, словно на крыльях. Возмущение кипело в нем. И не только возмущение. Где-то в самом дальнем уголке в сердце поднималась гордость за себя, радость оттого, что сумел побороть чувство ревности. Пусть не думает Маша, что он мелкий эгоист, способный на подлость. И как она только додумалась сказать такое: «Может быть, ты сам об этом начальника попросил?»

Бурлак встретил Григория вопросом:

— Приказ читал?

— Не читал, но знаю о нем. Вот и пришел к вам, чтобы вы отменили его.

Егор Трофимович потянулся к спичечной коробке. Тон бригадира ему не понравился. Нахмурив лоб, он заговорил сердито:

— Черт знает что творится! Скоро всей бригадой, наверно, в монахи пострижетесь! В бетон святой водички добавлять будете! Вы что, плотину строите, или храм господний? Море шахтерское, или купель Иорданскую? Что, я вас спрашиваю?

— Вы о бригаде так не говорите, — возразил Григорий. — Ребята доказали, на что они способны, не букварли какие-нибудь.

— И все-таки своего решения я не отменю. Скажите спасибо за то, что этого архиерея совсем со стройки не прогнал.

— Значит, не отмените?

— Нет!

Коробка хрустнула в руке Бурлака, и Григорий понял, что уговаривать начальника бесполезно.

— В таком случае руководите бригадой сами, — махнул Григорий рукой и повернулся, чтобы выйти из кабинета.

— Это что, ультиматум? — услышал он за своей спиной голос начальника, переходящий на высокие ноты.

«Куда только этот журналист девался? — подумал со злостью Григорий. — Может быть, он втолко-

вал бы начальнику, что тот поступает неправильно».

В дверях бригадир столкнулся с заместителем начальника Колодой и чуть не выбил у него из рук толстую папку.

— Постой-ка, — остановил его хозяйственник, — Гринько, кажется, у тебя в бригаде работает?

— Работал, — нехотя ответил Щетина.

— Письмо ему есть. Передай, пожалуйста, — попросил Колода и достал из папки конверт с красивой картинкой в левом углу.

Взяв письмо, Григорий вышел на улицу. В котлован идти ему не хотелось. Ведь он шел к начальнику с твердой уверенностью отстоять Михаила, а Бурлак не посчитался с его авторитетом. Маша теперь так и останется при своем мнении, что это он сам попросил Егора Трофимовича убрать Михаила из бригады. Попробуй разубеди ее! Единственное, что успокаивало его, — это твердое решение уйти из бригады, если начальник не отменит своего приказа. «Пойду, скажу ребятам об этом», — решил он.

— Ну, как? — спросила Люба, когда Григорий спустился в котлован.

Щетина махнул рукой. Маша осуждающе посмотрела на него.

— Я так и знала, — проговорила она и, посмотрев на бригадира уничтожающим взглядом, пошла к своему рабочему месту.

— Что ты знала? — вспылил Григорий, преграждая путь девушке.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — усмехнулась та и легонько оттолкнула его с дороги.

— А ты знаешь, что я завтра вместе с Мишкой в котловане убирать мусор буду! — крикнул ей вслед Григорий

— Неужели и ты? — всплеснула руками Верочка. — Значит, нашего полку прибыло!

— Радоваться тут нечему, — одернул ее Володя и попросил Григория рассказать обо всем Светличному или секретарю партийной организации.

Михаил исподлобья посматривал на разговаривающих. Ему теперь было все равно, о чем совещаются

они. Судьбу его решил начальник. Выбросил из бригады, как ненужную вещь. Значит, проповедник был прав, когда говорил, что нужно быть скрытным. Откуда же начальник узнал о секте? Неужели рассказала Ольга? Нет, этого не может быть! Она поступила сегодня, как самый верный и преданный друг!

Посмотрев на Михаила, Григорий вспомнил про письмо. Подойдя к удрученному пареньку, хлопнул по плечу, нарочито весело проговорил:

— Не горюй, Мишка! Все в порядке будет! А вот тут тебе и письмишко от кого-то.

Михаил с удивлением посмотрел на конверт. За всю свою жизнь он не получал ни от кого писем. Наверно, ошибка. Нет, все верно. На конверте зелеными чернилами написано: «Михаилу Ивановичу Гринько». Михаил долго вертел конверт в руках, не решался вскрыть его. Несколько раз перечитывал адрес, вглядывался в картинку.

— Что же ты растерялся? — спросил Григорий.

— Я? Ничего, — волнуясь, ответил Михаил и дрожащими руками надорвал краешек конверта, вынимая оттуда вчетверо сложенный лист бумаги. Развернув его, паренек остолбенел.

Буквы запрыгали у него в глазах.

«Здравствуй, дорогой сынок Миша! — читал он. — Наконец-то мне удалось разыскать тебя, хотя и много времени было потрачено на это. И вот мои поиски увенчались успехом. Нет слов, чтобы выразить всю радость, которая переполняет мое отцовское сердце».

Из глаз паренька брызнули слезы. Отец! Жив! Жив! Сколько раз родной и неведомый приходил он в тревожные сны, говорил добрые слова, звал к себе! Сколько жарких молитв о нем было прочитано под старенькой божницей в домике тетки Прасковьи. Значит, бог услышал его молитвы. Не обманул проповедник.

— Ты что, ты что? — заволновался Григорий, увидев слезы на глазах паренька.

А Михаил, ничего не видя и не слыша, продолжал читать: «Как только получишь это письмо, не-

медленно выезжай ко мне. О выезде телеграфируй. Встречу тебя на вокзале. Жду с нетерпением. Крепко обнимаю и целую тебя. Твой отец Иван Кобрянский».

«Почему Кобрянский?» — удивился Михаил, но тут же спохватился: он не помнил своей настоящей фамилии.

Григорий с недоумением смотрел на Михаила, не понимая, от горя или радости плачет тот.

— Что с тобой? — спросил он еще раз и тряхнул Михаила за плечи.

Гринько, будто очнувшись ото сна, посмотрел счастливыми, заплаканными глазами на бригадира и молча протянул письмо.

— Здравствуй, дорогой сынок! — прочитал Григорий вслух, и ему стало все ясно. Он хорошо знал биографию Гринько, знал, что у того нет на свете ни одной родной души. Отец Григория, сержант Петр Щетина, погиб на фронте, и бригадир на мгновение представил себя на месте Михаила. Разве не заплачешь от такого счастья?

— Ребята! А ну-ка, все сюда! — заорал он, размахивая над головой листочком письма.

Через минуту оно уже ходило по рукам бетонщиков. Каждому хотелось самому прочитать письмо, поздравить Михаила. Ребята от всего сердца жали ему руку, трясли за плечи, улыбались... Только Ольга не знала, радоваться или плакать. Она прекрасно понимала, что с получением этого письма многое должно измениться не только в жизни Михаила, но и в ее судьбе. Сердце подсказывало, что перемены будут к худшему. Черной тенью стоял перед ней старик Матвей, омрачал душу, вселял сомнение и страх. «Значит, и отец Михаила сектант, если нашелся он с помощью проповедника? Еще больше запутается теперь Михаил», — со скорбью думала она.

— А ты не рада, что ли? — спросил тихонько у нее Михаил.

Ольга слабо улыбнулась.

Но, пожалуй, больше всех радовалась Маша и не скрывала этого. Прочитав письмо, она обняла Миха-

ила и расцеловала в губы. Григорий на этот раз не ревновал ее.

А Петька Иванов завидовал.

— Вот повезло человеку! — говорил он, обращаясь то к одному, то к другому бетонщику - Отец во Львове живет, машину, наверно, собственную имеет Мишке теперь подарит ее.

— Кому чего, а шелудивому — баня, — прикрикнул на него Григорий.

Петька пожал плечами.

— Что делать будешь теперь? — спросила Люба, глядя на счастливое лицо Михаила.

Она была вполне уверена, что все обойдется благополучно. Отец Михаила, наверно, боевой фронтовик. Он то уж направит на истинный путь заблудившегося сына. Завтра ребята всей бригадой пойдут к Бурлаку и убедят отменить приказ, поручатся за своего товарища. Пройдет немного времени и выветрится из его головы религиозный дурман. Еще каким комсомольцем станет!

Так думала Люба, а Михаил думал совсем по-другому. Конечно, он поедет к отцу. Из бригады его все равно выгнали, а работать на уборке мусора он не станет. Жаль немного расставаться с бригадой: привык к ребятам, полюбил тяжелый и увлекательный труд бетонщика. Канал в эксплуатацию без него пускать будут. Если остаться здесь, значит, нужно порвать с сектой. А как же Ольга? Нет, он не может жить без нее.

Словно угадав мысли Михаила, Ольга украдкой посмотрела на него и с замирающим сердцем приготовилась услышать ответ на вопрос, заданный Любой. Но Михаил медлил. Не так-то просто ответить на такой вопрос.

— Поеду к отцу, — наконец проговорил он.

Ольга покачнулась от этих слов, как от удара, а Люба обрадованно заговорила:

— Вот это правильно! Поедешь, поживешь у него немного, а потом вернешься опять в бригаду. Мы все это завтра уладим. Честное комсомольское даю, уладим.

— Конечно, уладим, — согласился Григорий. Теперь-то и он не сомневался, что строптивый начальник отменит свой приказ.

— Пойди сейчас домой и подумай обо всем, — предложила Люба.

— Иди, иди, — подтолкнул его Григорий и, посмотрев на Ольгу, добавил: — Вам вместе подумать надо.

Щеки девушки залил румянец.

— Пойдем, — тихо сказал ей Михаил.

Из-за леска выплыла туча, словно тяжело нагруженная ладья, плыла она по небу. Солнце, скрывшееся за ее черными бортами, бросало в небо похолодевшие лучи. И были эти лучи похожи на длинные золотые весла, опущенные с бортов ладьи в безбрежную синь небесного океана.

Крупная дождинка упала на откос и разлетелась в разные стороны, оставляя на бетоне звездообразное темное пятно.

«Дождь будет, — подумала Маша, глядя вслед уходящим, — ну и пусть — бетон надежнее затвердеет».

Но черная ладья миновала котлован. Развернувшись над ним, она опустилась еще ниже и, задевая днищем за кусты прибрежного лозняка, поплыла к Еленовке.

XII

Светличный вернулся на участок вечером. Строительная площадка встретила его обычной рабочей разноголосицей: так же сновали от бетонного завода к котловану самосвалы, шуршали транспортеры, подающие цемент и щебенку к мощным бетономешалкам.

В окнах поселка мигали желтые светлячки лампочек.

Над котлованом стояло электрическое зарево. Несколько прожекторов, установленных на бычках плотины, заливали ярким светом дно и откосы бетон-

ной чаши. Только верхняя галерея плотины тонула во мраке, потому что не было никакой надобности освещать ее. Никаких работ там не велось.

Николай Петрович остался доволен поездкой на соседний участок. Ребята там поработали замечательно. Сегодня они вмонтировали в откос трассы последнюю бетонную плиту и рапортовали о том, что русло новой реки готово принять воду. Ни одна капелька воды не просочится из этого русла: плотно подогнана плита к плите, спаянные между собой резиновыми швами. Репортаж об этом появится завтра на первой странице. Светличный уже написал его и передал в редакцию по телефону.

Отправив машину в гараж, Николай Петрович зашел в контору, чтобы еще раз поговорить с Бурлаком о Гринько, но начальника в кабинете не оказалось.

— Домой уехал, — сказала ему полусонным голосом пожилая женщина, исполняющая обязанности ночного сторожа. — Человеку тоже отдохнуть надо.

— Надо, — согласился журналист и вышел на улицу.

Идти в душную комнату не хотелось, и Николай Петрович решил побродить по строительной площадке, заглянуть в котлован, посмотреть, как идут там дела, передать бетонщикам привет от соседей.

Но в котлован Светличный не пошел. Проходя мимо Доски почета, освещенной изнутри несколькими лампочками, он невольно обратил внимание на пустое место среди карточек передовиков. Утром на Доске было десять фотокарточек, а теперь осталось только девять. Вот улыбается из-под стекла Мария Дудченко, подмигивает Володя Соловейко, смотрит с прищуром Григорий Щетина. Все старые знакомые на месте, нет среди них только Михаила Гринько.

Николай Петрович чертыхнулся. Значит, Бурлак испугался и поспешил убрать с Доски почета сектанта. Быстро он решает дела! «Оперативный мужик», ничего не скажешь!

Соловейко весь вечер с нетерпением ожидал возвращения Николая Петровича. Он то и дело посмат-

ривал на дорогу. Увидев, что подошел к конторе «бобик», Володя выскочил на улицу. С журналистом он встретился около Доски почета.

— Что же это такое, а? — заговорил он сразу и ткнул пальцем в стекло, как раз в то место, где еще совсем недавно был портрет Михаила.

— Начальник, наверно, убрал, — пояснил Светличный.

— Карточка — ерунда, — горячился Володя. — Он человека из бригады убрал.

— Как убрал?

— Очень просто. Я, говорит, сектантов в комсомольско-молодежной бригаде держать не могу. Пусть мусор в котловане убирает, перевоспитывается.

— А как на это ребята посмотрели?

— Гринько парень хороший, перевоспитать можно. Ребята так и решили.

— Правильно решили!

— Начальника будут просить, чтобы оставил Михаила в бригаде. Вы только поддержите их в этом.

— Обязательно поддержу, — твердо заверил Николай Петрович Володю.

А потом Соловейко со всеми подробностями рассказал журналисту о письме, которое получил Гринько от отца, о желании Михаила ехать во Львов.

— Это хорошо, — задумчиво произнес Николай Петрович и подумал: — А я своего сына уже никогда не найду.

Воспоминание о сыне жгучей болью отдалось в сердце. Идут годы, а память живет и живет: горькая, беспощадная.

Сам не зная зачем, Николай Петрович спросил:

— Как фамилия-то отца?

— Чудная какая-то. Сразу и не запомнишь: не то Кобянский, не то Коблянский, — ответил Володя и с сожалением добавил: — Эх, жаль тезки моего Володьки Зарудного сейчас нет. Тот бы повоевал за Гринько. За любое дело парень с засученными руками брался.

— Где же он сейчас?

— В городе. На курсах бригадиров учится. Моло-

дой, а жизнь правильно понимает. На прочном фундаменте парень стоит, философски мыслит.

— Сколько же ему лет?

— Восемнадцать.

— Значит, молодой философ, — улыбнулся Светличный. — В чем же его философия заключается?

— А вот в чем. Володька считает, что в человеке веками вырабатывался эгоизм. Все прятал человек в себе: радости, надежды. Даже горем своим не хотел делиться с другими. Боялся, что не поймут его. А в наше время надо жить по-иному. Ничего не должен прятать человек от человека. Радость одного должна быть радостью всех, горе одного — общим горем.

— Хорошая философия, — охотно согласился Николай Петрович. — А сам-то он в жизни придерживается этой философии?

— Конечно, — уверенно ответил Соловейко. — Вот, например, у него недавно с любовью авария произошла. Мать любимой девушки все письма его вернула с приписочкой: Галя вышла замуж, прошу не беспокоить.

— Что же сделал ваш друг?

— С товарищами горем поделился.

— А ему от этого легче стало?

— Говорил, что легче. Он обманывать не станет.

Николай Петрович недоверчиво покачал головой. Он подумал о своем горе, которое не разделить ни с кем, которое всю жизнь нужно нести одному. Разве станет легче от того, если кто-нибудь посочувствует или пожалеет?

— Хотите, я дам вам почитать Володькины письма? — вдруг предложил Соловейко. Ему очень хотелось, чтобы журналист побольше узнал о его друге, оценил щедрое сердце паренька.

— Как-то неудобно читать чужие письма, — запротестовал было Николай Петрович, но Соловейко настаивал:

— У нас их вся бригада читала, — доказывал он. — А вам их обязательно надо прочитать. Для очерка из них что-нибудь почерпнете. Честное слово, почерпнете. Мне еще спасибо говорить будете.

Не дожидаясь согласия Светличного, молодой шофер побежал в общежитие. Вернулся он с пачкой писем, туго перетянутых голубым электрическим проводочком.

— Вернете, когда прочитаете, — довольным голосом проговорил парень и заспешил в общежитие. С полдороги крикнул:

— С Бурлаком о Гринько поговорить не забудьте!

О Верочке Володя не сказал журналисту ни слова. Он хорошо помнил ее наказ: «Смотри о моем переводе не проболтайся, а то снова за машинку посадят».

Проводив паренька взглядом, Николай Петрович еще немного походил под окнами общежития, а потом поднялся к себе.

«Опять один», — с грустью подумал он, включая свет.

Хотел позвонить Бурлаку домой, но передумал.

«Поговорю завтра, — решил он. — Человеку тоже отдохнуть надо», — вспомнились ему слова сторожихи.

Хотелось думать о другом, но история Михаила Гринько не давала покоя. Обо всем этом нужно непременно написать. Получится интересно и поучительно. Вот они, следы войны, ее мины замедленного действия. Одна из таких мин обнаружена здесь на стройке. Ее часовой механизм работает, и никто не знает, когда стрелка подойдет к роковой черте и замкнет контакты, вызывающие взрыв.

«Надо обезвредить эту мину, во что бы то ни стало», — подумал Николай Петрович, и рука уже выводила на листке блокнота название будущего очерка: «Мины замедленного действия».

Вспомнив о письмах, он отложил ручку в сторону и не торопясь развязал голубой проводочек.

Письма были пронумерованы. Из конверта под номером один выпал листок графленой бумаги. Прежде всего журналисту бросился в глаза почерк: прямой, ровный — чертежный.

Незнакомый Володя Зарудный писал:

«Галинка, здравствуй!

Вот мы и в Донбассе. Далеко-далеко остались наш чудесный Киев, широкий Днепр, школа, ты.

Встретили нас в Донбассе хорошо. На вокзал приезжал сам начальник строительства канала. Прямо со станции нас повезли в село Еленовку, где мы и будем жить, пока не построим общежитие. Размещались мы ночью. Я в потемках шишку набил. А в общем, все очень хорошо, даже немного жаль, что так хорошо. Романтики маловато. Мы думали, что придется жить в брезентовых палатках, варить суп в солдатских котелках, а получилось совсем не так. Из всей романтики мне осталось одно: писать тебе письма при свете луны, потому что электрического света в селе нет.

Вот видишь, какое большое письмо получилось, а мне еще надо написать маме».

Второе письмо было больше. Оно занимало несколько листков из школьной тетради:

«...Два дня тому назад послал тебе письмо, а сегодня пишу снова, потому что надо с кем-то поделиться впечатлениями, рассказать о многом, что меня волнует и тревожит. А ты ведь мой хороший друг и поймешь меня лучше, чем кто бы то ни был.

Ну, а теперь о самом главном, о том, чем я сейчас живу.

Мы будем строить плотину. Пока я еще сам толком не знаю, что это за штука такая, но судя по котловану, который для нее выкопали экскаваторы, это будет махина. Работу нам поручили ответственную: гнуть из железных прутьев арматуру и устанавливать ее в котловане. Установим арматуру, начнем бетонирование. Девчата работают вместе с нами. Трудновато им приходится. Маша Дудченко сегодня даже на работу не вышла. Насмотрелась вчера на электросварку, а теперь глаза открыть не может. Бригадир предупреждал, что на электрическую дугу можно смотреть только через темное стекло.

У меня пока все в порядке. Правда, от непривычки побаливают руки, ноет тело, словно намяли мне бока в киевском троллейбусе. Зато спится хорошо.

А еще вот какая новость. Вчера приезжал к нам на участок начальник центрального управления Мусоргский. Оказывается, у него не только музыкальная фамилия, но и сам он человек музыкальный. Заглянув к нам на арматурный двор, он прежде всего поинтересовался, есть ли среди нас музыканты. Первым в своих способностях признался Борька Жмурко. Он ведь немного на трубе играет. Начальник очень обрадовался этому и о чем-то долго разговаривал с ним. А сегодня к Борьке не подступись: нос задирает, словно Мусоргский его в свои заместители произвел. Ну и черт с ним. Он и в школе таким был.

Галинка, ты мне пиши, пожалуйста, почаще. Только делай это не в ущерб своим занятиям. Я ведь знаю, как трудно сейчас поступить в институт. Если не поступишь, особенно не огорчайся. Иди прямо в райком, требуй комсомольскую путевку и приезжай к нам на стройку. Здесь будем вместе готовиться к экзаменам. А кроме того, у тебя будет трудовой стаж».

Письма заинтересовали Николая Петровича. Не напрасно Соловейко так усердно предлагал прочитать их. В третьем письме после обычных слов привета Володя писал:

«...У меня дела идут хорошо. Привыкаю к работе. Вчера в обеденный перерыв бегал в контору узнать, почему у нас на участке не создают комсомольскую группу. Познакомился там с интересным мальчишкой. Хочешь, все по порядку расскажу.

Захожу в контору и вижу: сидит на чемодане мальчуган лет двенадцати, рядом с ним девчонка курносая, с красным бантиком в косичке. Ей годика три — не больше. Мальчишка сидит смирно, а девчонка дергает его за рукав и хнычет:

— Витька, есть хочу!

— Вот подожди мама придет.

Подошел я к ним, спросил куда мать ушла.

— В магазин, а папка — в отдел кадров, оформляться. Потому что мы вербованные, — охотно ответил мне Витька и в свою очередь спросил, какое я отношение имею к стройке.

Я ответил, что работаю здесь. Вот тут-то мой знакомый засыпал меня вопросами. Его интересовало все: и дают ли на стройке семейным квартиры, и есть ли рядом школа, и сколько зарабатывают плотники. Я подробно ответил на все вопросы, а когда сказал, что квартир пока нет, мой собеседник стал вдруг печальным и, чуть не плача, проговорил:

— Значит, и отсюда скоро уедем, потому что у папки такой характер: чуть что не понравится — сразу берет расчет и на вокзал.

— А как же ты учишься? — поинтересовался я.

— А вот так и учусь: второй год в четвертом классе сижу.

— Не горюй, Витька, — успокоил я мальчика. — Устроится отец на стройку, квартиру вам на частном секторе подыщут, в школу ходить будешь...

Мальчишка повеселел. Звал к себе в гости, когда будет квартира. Я пообещал, что буду часто ходить к нему и обязательно помогу в учебе...»

Чем дальше читал Светличный письма Зарудного, тем яснее становился образ этого доброго, честного, отзывчивого паренька.

«Такой с пути не собьется», — подумал Николай Петрович и принялся читать следующее письмо:

«...Пошел второй месяц, как мы в Донбассе. В школе это время пролетело бы незаметно, а здесь оно повсюду оставляет свои следы. Когда мы впервые спустились в котлован, он был пуст. А теперь в нем поднялся целый лес металлической арматуры. С каждым днем все ближе и роднее становятся донецкие степи. Если раньше все время мы говорили о Киеве, то теперь в жизнь пришли другие интересы и принесли с собой новые мечты, новые желания. Совсем недавно мне хотелось вернуться в Киев, а теперь я чувствую, что не смогу оставить товарищей, которые работают рядом со мной. Со многими из них я проучился целых десять лет. Кое с кем, как мне казалось, по-настоящему дружил. Ты, наверно, помнишь нашу дружбу с Борькой Жмурко, а здесь я понял, что мы совершенно разные люди. Он хочет прожить легко, приспосабливаясь. Я уже писал тебе о

том, как Борька записался в музыканты. Сидит теперь Борька в инструменталке и целыми днями дует в трубу. Когда оркестр организуется, неизвестно, а трубач чувствует себя замечательно. Арматуру гнуть ему не надо, руки от работы не болят, солнце под навесом не печет. Предлагал Борька и мне музыкантом сделаться, советовал сходить к начальнику и сказать ему, что я без музыки жить не могу, а уж после этого Мусоргский непременно перевел бы меня на легкую работу — лаборантом или учетчиком.

А знаешь, что я ответил Борьке? Я ему сказал только одно слово «шкура». Вот на этом и кончилась наша дружба.

Галинка, помнишь, я писал тебе о мальчишке Витьке. Вчера снова встретился с ним. Прибежал он под вечер в котлован и потащил меня к себе в гости. Живут они тоже в Еленовке. Витька познакомил меня с отцом и матерью. Мать мне понравилась, а отец какой-то странный: начал допрашивать меня, откуда я приехал, сколько времени работаю на стройке. Когда я ответил, что на стройке мне нравится, он начал ругаться и говорить о том, что ничего хорошего здесь не видит. что заработки плохие и квартиры не дают. Ворчал на уполномоченного по оргнабору, который якобы обманул его.

— Нет, ты представь себе, — горячился он. — Как мне в душу вербовщик залез, говорил, что я с моими золотыми руками, как сыр в масле, купаться буду, сразу же квартиру со всеми удобствами получу. А где эта квартира? Где ванная комната? Где паровое отопление? Нет ничего! Я старшина запаса, плотник третьего разряда, а не фунт изюма. Я этого не потерплю! Уеду! Они еще узнают Егора Ивановича Бирюкова!

От Бирюковых я уходил с чувством горечи на душе».

Николай Петрович закурил, прошелся по комнате и снова принялся читать. Он уже от всей души благодарил Володю Соловейко за то, что тот дал ему не простые обыденные письма, а трогательную исповедь человека, делающего первые шаги на кру-

той дороге жизни. Какой это благодатный материал для журналиста!

«...Не писал тебе целую неделю, — читал Светличный дальше, — сердился за долгое молчание. И все-таки снова пишу. На работе я немного забываюсь, стараюсь не думать о тебе, а вечером становится тоскливо. Смотрю на твою карточку и вижу, что тебе вовсе не грустно — ты все время улыбаешься.

Есть у нас в Еленовке клуб, но я хожу туда очень редко, потому что кроме танцев под радиолу там ничего нет. Вечерами предпочитаю бывать у Витьки. С ним мы стали большими друзьями. Помогаю ему решать задачи, читаю рассказы. Иногда к нам подсаживается Витькина мать Вера Васильевна и внимательно слушает. А вчера, когда я читал Витьке «Муму», она вдруг расплакалась и рассказала мне о своей жизни, которая сложилась у нее неуклюже.

Полюбила она на свою беду этого самого старшину в отставке Егора Ивановича. Приехал он в деревню после демобилизации и вскружил голову молодой колхознице: сегодня платочек с голубой каемкой подарит, завтра — колечко с бирюзовым глазком, послезавтра — еще какую-нибудь безделушку. Вышла Вера Васильевна за него замуж. Пожил старшина в отставке месяца два с молодой женой и скучно ему стало. А тут как раз уполномоченный по оргнабору в районе появился. Собрали молодожены свои пожитки и поехали куда-то в Сибирь завод строить. С тех пор и началось. Где только не побывали за тринадцать лет. Весь Советский Союз из конца в конец проехали. Егору Ивановичу эти путешествия нравятся: подъемные дают, проезд бесплатный. Едет он в вагоне суток десять, чаек попивает, природой любуется. Приедет на место, месяц поработает и бежит к начальнику стройки за расчетом.

— А договор? — спрашивает тот.

У Бирюкова справочка на этот случай приготовлена, что ему по состоянию здоровья необходимо переменить климат. С нашей стройки он тоже собирается уезжать. В последнее время целыми днями в

медпункте околачивается, справочку хочет получить. Вера Васильевна знает об этом и часто плачет.

— Никуда я отсюда не уеду, — говорит она. — Пусть катится куда угодно, а я с детишками как-нибудь одна проживу.

— Почему одна? — запротестовал я. — На стройке много хороших людей есть. Они помогут. Сами работать будете.

И правильно сделает, если останется на стройке. Мы с ребятами придумаем что-нибудь.

Хорошо это — помогать человеку. Не попрошайке в шапку копейку бросить, а протянуть руку хорошему человеку, сказать ему доброе слово, от которого станет у него теплее на душе, подставить плечо, если видишь, что человек сгибается под тяжестью непосильной ноши».

Светличный прочитал уже пять писем, а фамилии Гринько ни в одном из них не упоминалось. Значит, Володя Зарудный не был близко знаком с Михаилом. А жаль. Он бы, конечно, помог заблудившемуся парню понять смысл жизни, вырвал бы его из рук сектантов.

«Может быть, дальше о нем будет», — с надеждой подумал журналист и вынул из конверта еще одно письмо. Оно начиналось с вопроса:

«Почему же все-таки нет писем от тебя? Ответь хоть на этот вопрос, и я перестану надоедать тебе. А то получается как-то нехорошо. Ребята даже смеяться стали надо мной. Борька Жмурко, когда прихожу в инструменталку, начинает напевать песенку: «Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь?»

Я стараюсь на это не обращать внимания и продолжаю верить тебе. Эта вера помогает работать и жить. Мне все время кажется, что ты находишься где-то рядом и внимательно следишь за каждым моим шагом: радостно улыбаешься, когда я делаю хорошо, хмуришь брови, если что-то у меня не ладится.

Недавно мы бетонировали блочок плотины. Вспомнив тебя, я взгрустнул. Наш бригадир Григорий Щетина заметил это и шепнул мне:

— Любит тебя твоя Галка. Честное слово, любит!

И знаешь как я работал в этот день? Две сменных нормы выполнил. Даже в гуле вибратора мне слышалось: любит, любит, любит...

И казалось мне в тот день, что я не работаю, а пою во весь голос хорошую песню.

На другой день появился корреспондент нашей строительной многотиражки. Узнал у бригадира наши фамилии, записал их в блокнот и укатил восвояси. Читал я потом его заметку о нашем труде. Ему бы только сухари сушить, а не работать в газете, не о живых людях писать. Вот как он обрисовал нас: «Упорно соревнуясь с коллективом Семеновского участка и горя желанием выйти победителем в этом соревновании, бетонщики бригады Григория Щетины выполнили норму выработки на 200%. Замечательно потрудились Владимир Зарудный, Михаил Гринько, Петр Иванов, Мария Дудченко и другие».

Да разве только одна эта заметка? Все они в нашей многотиражке одна на другую похожи. В одной — люди «горят», в другой — «пылают», в третьей — «горячо подхватывают». Читаешь и не знаешь: о людях это пишется или о дровах? А ведь люди у нас большего достойны. О них с душой писать надо...»

Светличный улыбнулся. До чего же правильно сказано о многотиражке, о стиле работы ее корреспондента.

Николай Петрович взял последнее письмо и не узнал знакомого почерка. Ему показалось, что оно написано кем-то другим. Буквы наскакивали друг на друга, в некоторых словах не хватало окончаний:

«...Вчера я был на могиле отца. Он погиб здесь, в донецкой степи, в нескольких километрах от того места, где мы строим плотину. На место боя я ходил с врачом Лидией Васильевной Белозеровой, которая работает у нас в медицинском пункте. Она рассказала мне, как у нее на руках умер солдат Максим Зарудный — мой отец. Умирая, он просил воды. Сейчас русло канала проходит в ста метрах от его могилы...»

Лидия Васильевна Белозерова... Максим Зарудный...

Ну конечно, это они, старые фронтовые друзья: маленькая ясноглазая сестричка Лидочка и степенный Максим Зарудный.

И сразу вспомнился жаркий бой в степи, вспомнился со всеми подробностями, словно все это было вчера: ястреб над степью, пересохшие губы бойцов, пустая фляга в мертвой руке Зарудного; слышался грохот того, давным-давно отгремевшего боя. И вдруг в этот грохот ворвались звуки набата. Набат ширился и ширился... Что это такое?

Светличный рванулся к окну. В котловане кто-то что есть силы бил железным брусом в подвешенный кусок рельса. Из общежитий один за другим выскакивали строители, бежали в сторону котлована, над которым лихорадочно метались лучи прожекторов.

«Случилась какая-то беда», — мгновенно решил Николай Петрович и бросился из комнаты.

XIII

Семен Палий обрадовался письму из Львова не меньше, чем Михаил. Наконец-то он может со спокойной душой уехать из этой чертовой дыры. Надоело сидеть ему у старого Крикуна. Курьера начало раздражать все: и гнусавый голос проповедника, и занавешенные окна, и скрипучие половицы. Новенький журнал «Башня стражи» был прочитан от корки до корки. Ничего нового Семен не вычитал, но по тону статей понял, что над миром снова сгущаются тучи войны.

«Значит, снова начнется потеха, — со злорадством думал бывший бандеровец. — Не удалось с Гитлером коммунистам шею свернуть, так с другими попробуем».

За занавеской, всего в двух шагах от курьера, тихо разговаривали Михаил с проповедником. Курьер старался не пропустить ни одного слова. Михаил волновался, а проповедник спокойным голосом поучал:

— Вот и помог тебе бог найти родителя. Будь же верным его слугой. Тебя с работы выгнали, а ты не обращай на это внимания. Да и к чему тебе теперь их дьявольская работа? Езжай-ка лучше скорее к отцу. Ждет ведь он тебя.

— Я так и решил.

— Сюда не вернешься, наверно?

— Там видно будет.

«Крепко выручил меня старик», — подумал Палий.

Значит, задание можно считать почти выполненным. Литературу во Львов повезет новый курьер. Здорово обтяпал дельце этот Матвей Крикун.

Степан уже не жалел, что столько времени провел здесь, даже голос проповедника на этот раз казался ему приятным.

— Отцу подарочек отвезешь, — говорил вкрадчиво старик.

Палий чуть приоткрыл занавеску. Он увидел, как проповедник достал из-под кровати чемодан, извлек оттуда пачку журналов, обернутую газетой и туго перетянутую шпагатом.

Михаил взял сверток, повертел его в руках, хотел было спросить, что за подарок повезет отцу, но промолчал. «Дома посмотрю», — решил он.

— Сверток этот пуще глаза своего береги, — напутствовал проповедник. — Ценность в нем большая. Приедешь во Львов, письмецо прислать не забудь. Опиши, как отец встретил.

— Пришлю, — пообещал Михаил и начал прощаться со стариком.

Тот облобызал паренька, прогнусавил:

— С богом!

Михаил шагнул было к двери, но, вспомнив о карточке матери, остановился и нерешительно спросил:

— Вы карточку отдадите мне?

— Пожалуйста, пожалуйста. Она свое дело сделала, — засуетился старик.

Достав из шкафа толстую книгу в черном переплете, он полистал страницы и, найдя между ними карточку, протянул ее Михаилу.

— Возьми, у отца-то, наверно, не сохранилось образа родительницы твоей. Рад будет на любовь свою посмотреть.

Паренек осторожно взял карточку. Материнские добрые глаза глянули на него, словно благословляли в путь.

Михаил вышел на улицу. Яркие летние звезды перемигивались в безоблачном небе, отражались в лужицах, оставшихся после короткого дождя. Паренек вступал в эти лужицы, и звезды гасли у него под ногами. В душе царила сумятица чувств. Уехать со стройки совсем, не вернуться? Как встретит отец? Какой он? Нет, уезжать совсем нельзя: ведь здесь остается Ольга. И возвращаться тоже нельзя: ребята не дадут покоя, заставят отречься от бога.

В одном из окон домика тети Даши теплился огонек. «Ольга ждет», — подумал Михаил и прибавил шагу.

Войдя в свою комнату, он бросил на кровать сверток и, нащупав в темноте коробку спичек, зажег лампу.

Ольга действительно ждала Михаила, прислушивалась к каждому шороху. Она твердо решила еще раз поговорить с Михаилом обо всем. Доказать, что старый проповедник просто-напросто морочит ему голову. Но как это доказать? Старик помог Михаилу найти отца. После этого парень еще больше уверует в бога и в силу проповедника. Недаром же Михаил побежал к нему за советом. Что же посоветует ему старик?

Ольга не сомневалась только в одном: любой совет проповедника, на первый взгляд, может быть, и очень добрый, окажется впоследствии пагубным для Михаила.

Когда в темноте послышались осторожные шаги Михаила, Ольга метнулась было к двери, чтобы поговорить с ним, но взяла себя в руки.

В ее сердце кроме безотчетной любви заговорила девичья гордость и самолюбие: подумает еще, что она навязывается со своей любовью, не хочет, чтобы поехал во Львов к отцу. Хватит и того, что сегодня

при всех встала рядом с ним и, не боясь никого, сказала:

— Я тоже такая!

А ведь Ольга давно уже не такая. Давно поняла весь обман, распознала зло, исходящее из темного дома Крикуна.

Девушка слышала, как за стеной что-то шлепнулось на кровать, как чиркнула спичка.

«Придет или не придет?» — думала Ольга.

И Михаил пришел. Осторожно открыл дверь, остановился около порога, почти шепотом произнес:

— Уеду я, Оля.

Девушка весь вечер готовила себя к этому «уеду». Брови ее сошлись на переносице. На глазах навернулись слезы.

— Я вернусь, увижусь с отцом и вернусь. К тебе вернусь, Оля, — начал нежно успокаивать ее Михаил.

Оказывается, как мало нужно для человеческого счастья! Только несколько ласковых слов и расцвела душа, словно искупалась в лучах солнечного света.

— Мы будем всегда, всегда вместе, — шептал Михаил.

Он говорил еще много хороших слов, но Ольга не вдумывалась в их значение. Слова звучали для нее, как самая лучшая музыка.

Потом снова заговорили об отце. Конечно, надо ехать к нему. Ольга уже не возражала против этого.

— А я отцу подарок от брата Матвея везу, — похвалился Михаил.

— Какой подарок?

— Сам еще не знаю.

— Где он? — настороженно спросила Ольга.

Она хорошо знала, что проповедник не разбрасывается подарками, если для него нет выгоды в этом. Он и больному Михаилу яблоки носил, чтобы только вовлечь парня в секту, а не ради простого человеколюбия. Ненавидит Крикун людей.

— У меня в комнате. Хочешь, посмотрим вместе? — предложил Михаил.

Ему и самому было интересно знать, что посылает проповедник отцу.

Принеся сверток, он торопливо развязал его и замер от удивления: под оберткой оказалось десятка три журналов «Башня стражи».

— Вот так подарок! — усмехнулась Ольга и взяла тоненькую книжонку с изображением средневековой башни на обложке. — Зачем он отцу-то твоему нужен?

Михаил недоуменно пожал плечами. Действительно, зачем отцу нужны эти книжки? Значит, он тоже верит в бога Иегову, является его свидетелем. А проповедник ему ничего об этом не сказал. Почему он поступил так?

Ольга молча листала страницы.

— Вот послушай, что в этих святых книжках пишется, — сказала она с возмущением, и снова ее брови сошлись на переносице.

То, что прочитала она, было страшным и диким. Статейка прямо призывала к войне против Советского Союза, поучала свидетелей бога Иеговы везде и во всем вредить советской власти.

Михаил остолбенел. Так вот, значит, какой подарок посылает проповедник во Львов! Нет, ни за что не повезет он эту писанину отцу!

Ольга выжидающе смотрела на него. Под ее взглядом паренек возбужденно заговорил:

— Откуда только берется эта ерунда? Где и кто ее печатает? Ты подумай только, вредителями, шпионами нас хотят сделать!

— Тебя, — поправила девушка. — А печатают эту ерунду вот здесь...

С этими словами она ткнула пальцем в обложку, внизу которой был напечатан мелким шрифтом адрес издательства.

— Нью-Йорк, Бруклин, — прочитал вслух Михаил.

— Теперь понятно, откуда это все идет?

— Понятно? Что же теперь делать, а? — испугался Михаил.

— На участок нужно отнести, — не задумываясь, предложила девушка. — Бурлаку или кому-нибудь из ребят. Они-то, наверное, знают, что надо делать с этим.

Ольга с Михаилом и не подозревали, что их разговор подслушивает тетя Даша. Проснувшись, она чутким ухом уловила приглушенные голоса в комнате дочери и ради любопытства подошла к двери, чтобы узнать, о чем говорят в такой поздний час молодые люди. Чем дольше слушала она, тем страшнее становилось верующей женщине. Особенно испугалась она, когда Ольга предложила Михаилу отнести на участок журналы, полученные от проповедника. Первым желанием было ворваться в комнату и пристыдить богоотступников, но, поразмыслив, она решила, что лучше всего будет пойти и предупредить брата Матвея о грозящей опасности.

Она так и сделала. На цыпочках прошла по темному коридору, осторожно отодвинула задвижку и, выбежав на ночную пустынную улицу, бросилась к дому проповедника.

— Беда! — только и могла сказать она старику, когда тот вышел на ее стук на крыльцо.

— Какая беда? — испуганно спросил он. — Толком говори!

— Бумаги Михаил на стройку отнести хочет.

Проповедник сразу понял, о каких бумагах идет речь. Дарья права, беда надвигается большая. Как же отвратить ее? Если журналы попадут в посторонние руки — откроется все. Будут допытываться, откуда они, кто привез, узнают о львовском письме. Крикун знал, что закон не щадит главарей иеговистских сект. Знал, какое наказание грозит ему за хранение и распространение антисоветской литературы. Мысль работала лихорадочно. Многолетний опыт подсказал, что самым правильным будет пойти к Михаилу, уговорить его не делать глупость, подкупить лаской, запугать карой господней, употребить все меры воздействия.

— Иди домой. И постарайся придержать Мишку до моего прихода! — приказал он женщине.

Курьер спал чутко. Стук в дверь мгновенно разбудил его. По привычке, выработанной годами, он сунул руку под подушку, крепко сжал теплую рукоятку пистолета и сдернул предохранитель.

— Что такое? — бросил он в темноту.

— Вставай! — отозвался Крикун. — Беда случилась. Мальчишка-то львовский подарок на участок отнести хочет. Что делать будем?

— Дурак! — выругался курьер и сунул пистолет в карман.

— Я тоже так думаю, что дурак, — поддакнул старик.

— Не он, а ты дурак. Самый настоящий, безмозглый старый дурак! И я дурак, что понадеялся на дурака.

Семен хотел еще сказать, что за потерю литературы ему грозит страшное наказание, что эта потеря обязательно приведет к разгрому других «строф». Ведь у этого молокососа есть львовский адрес. Он отдаст его вместе с журналами куда следует. Может быть, все бросить и бежать? Нет, бежать нельзя! Нужно во что бы то ни стало спасать литературу. Погибнет она, и не миновать тогда гибели: никуда не убежать ему от слуг Иеговы, под землей найдут, а приведут в исполнение свой приговор. А приговор для провалившихся курьеров один: камень на шею — и в омут.

От этой мысли по спине пробежал неприятный холодок. Выход был один: перехватить литературу любыми средствами.

— Собирайся! — приказал он проповеднику, — попробуй вернуть журналы по-хорошему. Не отдаст — черт с ним. Пусть несет, не удерживай. Скажи только, по какой дороге он на участок может пойти?

Крикун сразу сообразил, что задумал гость, и не стал отговаривать его. Пусть расхлебывает кашу сам. Если уберет Михаила, будет даже лучше. Курьера в Еленовке никто не видел. Сейчас ночь, и дело можно обработать тихо, так, что комар носа не подточит. Уберет гость Михаила и скроется: ищи ветра в поле! Кому придет в голову мысль подозревать в убийстве

старого человека. Он пойдет сейчас к Дарье, и, если нужно будет, просидит там до самого утра.

Старик охотно объяснил гостю, каким путем Михаил может попасть на участок. Самый короткий путь через плотину, по верхней недостроенной галерее. Не станет же делать он километровый обход вокруг плотины? Из Еленовки на участок сейчас все ходят этой дорогой.

— Это хорошо. Плотина-то высокая?

— Метров двадцать пять будет.

— А с нее по неосторожности упасть можно?

— Конечно, можно, — понимающе подмигнул старик.

— Ну, с богом!

На улицу вышли вместе. Еленовка спала. Курьер, перебежав улицу, скрылся в тени противоположных домов. Почти прижимаясь к заборам, пошел он крадущейся походкой к дороге, ведущей к плотине.

Матвей направился к дому тети Даши твердой уверенной походкой: ему незачем было прятаться.

— Что это вы до сих пор не спите? — спросил он нарочито удивленным голосом у Дарьи, которая открыла ему дверь.

Женщина ничего не ответила. Она только горестно кивнула на дочь и квартиранта: спрашивай, мол, у них.

— В дорогу, что ли, собираешься? — тем же голосом спросил проповедник у Михаила.

— В дорогу. Да только не в ту, куда бы вам хотелось, — грубо ответил Михаил.

Журналы лежали на столе. Старик потянулся было к ним, но Михаил опередил его и убрал их подальше.

— Я людям покажу, какие штучки вы дарите, — пригрозил он.

— Опомнись, греховодник! Бога побойся, — запричитала тетя Даша.

— При чем тут бог? — возмутилась Ольга. — Это вам надо его бояться, — сверкнула она разгневанными глазами на проповедника.

— А как же отец? — пошел последним козырем проповедник.

— Выдумали вы отца! Все выдумали! — не унималась Ольга.

— И ты так думаешь? — спросил вкрадчиво проповедник у Михаила.

Паренек ничего не ответил.

Старик начал нудно говорить о боге Иегове, вере, и с каждым словом Михаил все больше и больше убеждался, что проповедник самый настоящий обманщик, затеявший всю историю с письмом лишь для того, чтобы переправить во Львов антисоветскую сектантскую литературу.

— Я пойду, — решительно сказал он и взял журналы.

Ольга одобрительно кивнула.

Проповедник мельком посмотрел на ходики. Прошло уже тридцать минут с тех пор, как он пришел сюда. Значит, гость уже дошел до плотины и поджидает там этого упрямца.

— Ну что ж, иди, воля твоя, — смиренным голосом заговорил старик. — Может быть, люди помогут тебе больше, чем бог.

К удивлению Ольги проповедник даже проводил Михаила до дверей и ласково напутствовал:

— Иди, иди, брат мой.

Девушка думала, что после ухода Михаила старик набросится на нее с упреками, начнет проклинать, но ничего этого не произошло. Наоборот, тот сделался необычайно ласковым и смирным, соглашался со всем, что говорила Ольга.

— Может быть, и я ошибаюсь, — ворковал он, посматривая на девушку кроткими глазами. — Жизнь прожить — не поле перейти. Всяк ищет правду. Что ж, ищите ее, вы молодые.

Проповедник говорил и говорил. Он вспомнил все, только ни разу не обмолвился о подарке, который хотел послать с Михаилом во Львов.

— А почему вы о журналах ничего не скажете, о подарке, который во Львов хотели послать с Михаилом? — спросила Ольга.

— О каком подарке? Никаких подарков никому я не передавал. Денег у меня на них нет. Сам на хлебе с водой перебиваюсь. А ты о каких-то подарках говоришь, — не моргнув глазом, отказался проповедник.

— Как же так, Матвей? — удивилась тетя Даша.

Проповедник строго глянул на нее, и женщина прикусила язык.

— Лжете вы все! Лжете! — выкрикнула Ольга. — Журналы-то у Михаила.

— Стыдно так со старшими разговаривать, — ничуть не смутившись, заметил проповедник. Он тянул время. Михаил, наверно, еще не дошел до плотины.

Спокойный тон проповедника, его невозмутимость насторожили Ольгу. Значит, старик что-то задумал. И вдруг страшная догадка осенила ее. Ведь в Еленовке, кроме Матвея, есть еще сектанты. Они могут убить Михаила и взять у него журналы. Не потому ли так уверенно заявляет старик, что ничего не передавал Михаилу?

Руки похолодели. Не говоря больше ни слова, Ольга опрометью выбежала из комнаты. Она бежала по ночной улице, терзая себя упреком:

«Почему я не пошла вместе с ним?»

Предчувствие непоправимой беды гнало ее по степной дороге. В небе горели звезды, но Ольга не видела их. Споткнувшись, она упала, но не почувствовала боли. Из разбитой губы сочилась солоноватая кровь. Задыхаясь от быстрого бега, Ольга не успевала сплевывать ее. Вот уже рядом и плотина. Какой-то человек, бежавший навстречу, метнулся с дороги в лозняк.

В уши девушке ударили резкие звуки набата. Они подхлестнули ее. Словно на крыльях, взлетела Ольга по крутой лесенке на верхнюю галерею плотины и побежала по шершавым бетонным плитам. На бегу взглянула в широкий стенной проем и остановилась будто вкопанная. По дну котлована, в ярком свете прожекторов, суетились строители. Они бежали к высокому бычку плотины, у основания которого лежал человек. Они что-то кричали, но Ольга не могла разобрать слов, тонущих в гуле набата.

Прожектора один за другим скрестили свои лучи под бычком, и Ольга увидела в их свете знакомую клетчатую рубаху Михаила.

— Мишу убили-и-и! — не своим голосом крикнула она.

Один из прожекторов метнулся по галерее и выхватил из темноты фигуру девушки, застывшую на краю проема.

Соловейко первым увидел девушку. Взобравшись на галерею, он оттолкнул Ольгу от края проема, задыхаясь спросил: — Кто убил?

— Там, — махнула девушка рукой на темные кусты лозняка и потеряла сознание.

Светличный сбежал в котлован вместе с Григорием Щетиной. Растолкав людей, они пробились к бычку. Около Михаила уже хлопотала женщина в белом халате. Она прикладывала ухо к его груди, проверяла пульс. Поднявшись с колен, глухо сказала: — Все...

Светличный сразу узнал свою фронтовую медицинскую сестру Белозерову. Она только немного располнела, раздалась в плечах, превратилась из худенькой девушки в солидную женщину.

— Лидочка! — окликнул ее Светличный и тихонько положил руку на плечо врача.

Не привыкшая к такому обращению, женщина резко повернулась и сбросила чужую руку со своего плеча. Она хотела сказать что-то резкое, но, встретившись глазами с Николаем Петровичем, замерла от удивления.

— Товарищ лейтенант, — растерянно проговорила она. — Вы-то здесь какими судьбами?

— Расскажу потом...

— Да, да, — закивала женщина и печально добавила: — Видите, какое у нас несчастье?

Михаил лежал на спине, широко раскинув руки. Из верхнего кармашка рубахи убитого выглядывало что-то белое. Николай Петрович наклонился и осторожно вынул оттуда небольшой конверт, открыл его. Не каждому дано пережить такое. На журналиста глянули родные глаза. Он хорошо помнит эту

карточку. Таких карточек было всего две: одну Маша увезла в эвакуацию, а другая, пройдя по фронтовым дорогам, вернулась в скромную комнатку Светличного, где стоит до сих пор на письменном столе.

Как же эта карточка попала к пареньку? Николай Петрович еще раз посмотрел на лицо Михаила и все понял: у ног лежал мертвый сын. Разрез глаз, очертание губ, все, все материнское. Хотелось кричать от боли, но слезы, подкатившиеся к горлу, не давали сделать даже этого. Опустившись на колени перед сыном, Николай Петрович смахнул с его виска капельку крови.

«Не сберег я тебя, родной мой», — прошептал он, не сдержав слез, прильнул к мертвым губам сына. Потом осторожно взял его на руки и, прижимая к груди холодеющее тело, пошел с ним, сам не зная куда. Люди расступились, а Николай Петрович ничего не видел и не слышал.

Следом за ним шла Лидия Васильевна. Крупные слезы катились по ее щекам. Она прекрасно понимала, что уже ничем не сможет помочь сыну своего лейтенанта, не сможет помочь и лейтенанту. Есть раны, лечение которых не доступно медицине.

Горько плакала Маша Дудченко, всхлипывала Верочка Трещеткина. Она даже не замечала, что в котловане нет ее Володьки.

Действительно, Владимира в котловане не было. Прямо с верхней галереи метнулся он к кустам лозняка, на которые показала ему Ольга. Упругие ветки больно хлестали по лицу, но Владимир настойчиво шел по следу, оставленному убийцей. Впереди хрустнула ветка.

— Стой! — громко крикнул Соловейко и, как учили в армии, отскочил в сторону.

В ответ прогремел выстрел за ним другой, третий. Пули просвистели рядом. Одна из них перерубила ветку краснотала над самой головой.

Услышав выстрелы в лозняке, ребята как один бросились из котлована. Григорий Щетина бежал впереди всех, размахивая толстым арматурным стержнем: — Не уйдете, сволочи! — кричал он.

Лозняк стонал от человеческих голосов, гнулся под сотнями ног. Ночь была на исходе.

Семен Палий, расстреляв все патроны, швырнул ненужный пистолет далеко в реку. Вслед за ним туда полетел и сверток с журналами. Словно затравленный зверь, забился он под кучу прошлогоднего скошенного камыша и притаился. Там и нашли его ребята. Григорий хотел было стукнуть убийцу по голове арматурным стержнем, но Соловейко удержал его.

— Брось с гадом связываться. Его и без нас с тобой расстреляют.

«Конечно, расстреляют», — подумал про себя курьер и поднял руки.

* * *

Михаила хоронили через два дня. В последний путь его провожали сотни товарищей. Николай Петрович и Ольга шли за гробом вместе. Ольга беззвучно плакала, а отец, потерявший сына, скорбно молчал, низко опустив поседевшую голову.

Когда в степи выросла невысокая могила, первая могила в этом молодом поселке, и ребята установили на нее сваренный из листового железа обелиск, Николай Петрович обвел взглядом лица строителей. Ребята угрюмо молчали, и журналист понял, как повзрослели они за эти два дня, понял, что теперь эти парни и девчата будут бороться за каждого человека, не отдадут врагу ни одной родной души.

В небе высоко-высоко парил ястреб. И казалось с земли, что он рубит своими острыми черными крыльями золотые нити солнечных лучей.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Федорович Домовитов

ОБВАЛ

Повести

Редактор на общественных началах Г. Ф. Кривда
Художник Ю. А. Вильчик
Художественный редактор В. Г. Калиманов
Технический редактор А. В. Самолетова
Корректор Г. Ф. Пузенко

БП 05897. Сдано в набор 4.IV-63 г. Подписано к печати 15.VIII-63 г.
Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. л. 3,5. Печ. л. 11,48. Уч.-изд. л. 11,58.
Зак. № 75. Тираж 115 000 экз. Цена 50 коп.

г. Донецк, областная книжная типография, Пастуховская, 26.